

ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет»

На правах рукописи

Ракитин Антон Сергеевич

**Служилое сообщество Севска и Комарицкой волости
в системе обороны южного пограничья Московского государства
в 20-40-х гг. XVII в.**

07.00.02 Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

д.и.н., профессор Коровин В.В.

Курск – 2015

Содержание

Введение	4
Глава 1. Военно-административное положение Севска и Комарицкой волости в первой трети XVII в.	
§ 1.1. Формирование Севского уезда на территории Комарицкой волости Брянского уезда в 20 - 40 е гг. XVII в.	20
§ 1.2. Служилое сообщество Севска в 20 - 40 е гг. XVII в.	26
§ 1.2.1. Стрелецкий гарнизон Севска.....	30
§ 1.2.2. Полковые казаки.....	32
§ 1.2.3. Служилые люди пушкарского чина.....	36
§ 1.2.4. Выходцы из Стародуба и Рославля. Дворяне и дети боярские.....	45
§ 1.3. Роль крестьянского населения Брянска и Севска в обороне уезда и волости.....	50
§ 1.3.1. Сторожевая служба.....	56
§ 1.3.2. Драгунская служба милитаризованного крестьянства Комарицкой волости.....	60
Глава 2. Военно-стратегическая роль Севска и Комарицкой волости в годы Смоленской войны 1632-34 гг.	
§ 2.1. Севск как плацдарм для наступления на «литовские» города Чернигово-Северщины.....	76
§ 2.1.1. Северский поход 1632-33 гг.	79
§ 2.1.2. Севское осадное сидение (март 1634 г.).....	100
§ 2.2. Военно-оборонительная роль служилого сообщества Комарицкой волости в годы Смоленской войны.....	106
§ 2.2.1. Даточные казаки.....	106
§ 2.2.2. Охочие люди.....	111

Глава 3. Участие ратных людей Севска и Комарицкой волости в колонизационных процессах на южной окраине Московского государства в 30-40-х гг. XVII в.

§ 3.1. Севчане и комарицкие охочие люди в гарнизонах новых городов на Белгородской черте.....	120
§ 3.1.1. Усерд.....	121
§ 3.1.2. Новые города на Ворскле.....	123
§ 3.1.3. Карпов.....	130
§ 3.2. Ратная служба жителей Севска и Комарицкой волости на Дону в 1646-47 гг.	134
§ 3.2.1. Подготовка добровольцев к отправке на Дон.....	134
§ 3.2.2. Боевые действия добровольцев на Дону.....	142
§ 3.2.3. Итоги донского похода.....	147
§ 3.3. Служба севских ратных людей в «новоприемных» городах Северной земли (Каменный, Бобрик, Недрыгайлов и Олешня).....	151
§ 3.3.1. Олешня.....	157
§ 3.3.2. Бобрик.....	158
§ 3.3.3. Каменный.....	161
§ 3.3.4. Недрыгайлов.....	163
§ 3.4 Севские стрельцы и казаки на Чугуевом городище.....	164
Заключение.....	167
Перечень сокращений и условных обозначений.....	171
Словарь терминов.....	172
Список источников и литературы.....	177
Приложения.....	197

Введение

Актуальность исследования. Система обороны юго-западных рубежей Российского государства в конце XVI – первой половине XVII в. постоянно находится в центре пристального внимания исследований в области истории, международных отношений и вооруженных сил. Рассматриваемые территории неоднократно являлись причиной и вместе с тем аренами острых военно-политических конфликтов России с западными державами. Наиболее актуальной проблемой в данном контексте являются территориальные споры, военное и культурное противостояние Московского государства с одним из сильнейших европейских государств того времени – Речью Посполитой, которые достигли своего апогея в XVII в. Особое место в этом противостоянии в 20-40-х гг. XVII в. занимает г. Севск, ставший важнейшим военно-стратегическим, культурным и торговым центром юго-западного порубежья. Таким образом, изучение процессов формирования и развития служилого сообщества Севска и Комарицкой волости дает представление о ходе наиболее важных процессов по организации обороны юго-западных рубежей, а также позволяет воссоздать картину освоения днепро-донского междуречья.

Объектом исследования данной работы является военно-служилое сообщество г. Севска и Комарицкой волости в первой половине XVII в.

В качестве **предмета** диссертационного исследования выступает процесс формирования системы обороны пограничья Московского государства на юго-западном участке (Севский уезд и Комарицкая волость), а также становления локального сообщества.

Хронологические рамки исследования охватывают период организации обороны южного порубежья в 20 – 40-х гг. XVII в. Нижним хронологическим порогом является факт подписания Деулинского перемирия в 1618 г., после которого начинается активное укрепление Московским государством юго-западного порубежья и возвышения Севска как крепости. Рассматриваемый период исследования завершается в конце

40-х гг. XVII в. после милитаризации крестьянского населения Комарицкой волости и колонизации севскими детьми боярскими междуречья Сулы и Псла.

Территориальные рамки исследования включают в себя территорию юго-западного порубежья Московского государства, а именно Севска и Комарицкой волости. В настоящее время рассматриваемая территория входит в состав Севского, Суземского, Комарического и Брасовского районов Брянской области, Дмитровского района Орловской области, Хомутовского и Железнодорожного районов Курской области, а также Середино-Будского района Сумской области Украины.

Методологической базой данного исследования послужили принципы т. н. «новой локальной истории»: нацеленность на многосторонность изучения локального сообщества; рассмотрение локальных сообществ как взаимосвязанных частей более широкого целого. В диссертации в качестве такого целого выступает служилое сообщество г. Севска и Комарицкой волости, которое рассматривается как «локальное сообщество». Выделение локально ограниченного объекта рассматривается, прежде всего, как исследовательский прием, позволяющий ограничить материал, организовать и исследовать его.

Для выполнения поставленных задач автор опирался на принципы *историзма, объективности, научности и социального подхода*. Исследование проводилось в соответствии с *системным подходом*, позволившим представить рассматриваемые события в едином историческом контексте. *Исторический и логический анализ* источников позволил выявить взаимосвязи между событиями для установления причин возникновения конкретных исторических явлений и процессов.

Учитывая состав источников, был применен *проблемно-хронологический метод*, который способствовал разделению широких тем на ряд более узких проблем, рассмотренных в хронологической последовательности. Для выделения этапов становления и развития системы

обороны юго-западных рубежей Московского государства был применен *метод периодизации*.

При помощи *сравнительно-исторического метода* удалось реконструировать эволюцию процесса правительственной и военной колонизации южных окраин Русского государства, выявить исторические связи в организации обороны порубежных городов-крепостей, установить уровень обороноспособности крепости Севск в 20 –40-х XVII в. и определить тенденции ее дальнейшего развития. Для определения причинно-следственных связей между отдельными событиями, а также закономерности их развития был задействован *ретроспективный метод*. *Статистический метод* работы с источниками позволил выявить тенденции миграции служилого населения новых окраинных городов и тем самым установить темпы развития колонизационных процессов на юго-западном порубежье Московского государства.

В числе письменных источников в исследование были включены отдельные нарративные и делопроизводственные материалы, в последовательном изложении которых широко использовался *метод герменевтики*.

Историография. История укрепления юго-западных рубежей Русского государства и освоения порубежных территорий легла в основу многих научных и научно-публицистических работ.

В дореволюционной историографии основное направление исследований велось в рамках истории организаций укреплений, строительства новых городов и крепостей. При этом были проанализированы основные архивные источники, и введен в научный оборот значительный фактологический материал. Однако особая роль в развитии рассматриваемого региона отводилась привилегированным сообществам, в

частности – провинциальному дворянству, что можно объяснить социальной принадлежностью исследователей¹.

Впервые история южного порубежья XVII в. была выделена в качестве особого объекта исследования отечественным историком Н.М. Карамзиным. Он установил меры, предпринятые государством для защиты южных окраин. При этом историк высоко оценил роль правительства в колонизации и заселении окраин служилыми людьми².

С.М. Соловьев, рассматривая историю освоения южнорусского порубежья, открыл источниковую базу и ввел в научный оборот комплекс документов приказного делопроизводства³. Его ученик, В.О. Ключевский остановился более подробно на отношениях Московского государства и населения украинских земель Речи Посполитой, т.к. считал колонизацию «основным фактом истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты». Не случайно процессы заселения и освоения государством новых земель Ключевский положил в основу периодизации отечественной истории, включавшей днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский периоды. Исследуемый этап относится к четвертому, «всероссийскому, императорско-дворянскому» периоду (начало XVII – середина XIX вв.), главным фактом которого, по мнению В.О. Ключевскому, является колонизация огромных территорий во всех направлениях, особенно на юге и востоке⁴.

На рубеже XIX-XX вв. произошли существенные изменения в осмыслении взаимоотношений государства и его подданных. В этих общественно-политических условиях особую актуальность приобретает изучение вопросов истории служилого сословия. Примером тому может

¹ *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. – Т. I. – М., 1913.

² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – Т. IX-XII.– Калуга, 1993.

³ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. – М. 2014.

⁴ *Ключевский В.О.* Русская история. – М. 2014. – С. 5.

служить монография Н.П. Павлова-Сильванского⁵. В ней рассматривается участие служилых людей – детей боярских в колонизации Дикого поля.

Первой научно-исторической работой по истории организации обороны юго-западных рубежей Московского государства стала книга И. Беляева «О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича»⁶. Этот труд дает представление о появлении первых укреплений на рассматриваемой территории, а также об основных маршрутах сторож и об особенностях ведения обороны служилыми людьми.

Непосредственно истории развития Севска и Комарицкой волости с древнейших времен до конца XVIII в. посвящена книга Д.О. Святского «Историческое описание городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости»⁷. В данной научно-популярной работе автор впервые описывает организацию Севского жилого острога: поселение в городе стрельцов, казаков и пушкарей, а также выходцев из Стародуба и Рославля, их численность, службу даточных крестьян в Севске и Брянске и перевод комаричан на положение драгун. Кроме того, Святский впервые ввел в научный оборот сведения о севских сторожах с указанием их наименования и предпринял попытку их локализации. Примечательно, что до выхода в 2011 г. книги В.В. Крашенинникова работа Д.О. Святского оставалась единственным публицистическим трудом по истории Севска XVI-XVII столетий.

В советский период (1917 – 1991 гг.) в основу исследований истории юго-западного порубежья в XVII в. был положен социальный подход, заключающийся в выявлении роли «народных масс» в организации обороны государства. Благодаря этому были установлены основные категории приборного служилого населения, их состав, происхождение, а также

⁵ Павлов-Сильванский Д.И. Государевы служилые люди. – СПб, 1898.

⁶ Беляев И.О. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846.

⁷ Святский Д.О. Историческое описание городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. – Орел, 1908.

фискальная политика правительства по отношению к ним⁸. Однако формирование служилых людей «по прибору» на территории будущего Севска в Комарицкой волости Брянского уезда из даточных крестьян от местного населения велось значительно раньше рассматриваемого периода, в эпоху Смуты. Подробности данного явления, как и поход комаричан на Новгород-Северский под началом московских приказных людей в конце 1604 г., освещены в работах Р.Г. Скрынникова⁹ и И.И. Смирнова¹⁰.

Численность военно-служилого населения и описание фортификационных сооружений Севска в годы Смоленской войны рассматривалась историком Е.Д. Сташевским¹¹, который впервые поднял вопрос о службе даточных крестьян в Севске и Брянске, специфику их прибора и выполнения боевых обязанностей, а также ввел в научный оборот сведения о даточных казаках.

Военно-стратегическую роль порубежного крестьянства подчеркивает А.А. Новосельский в работе о борьбе Московского государства с татарами в начале XVII в.¹² Последующая милитаризация крестьянского населения порубежной Комарицкой волости в 1646 г. и процесс перевода его на положение «поселенных драгун» подробно освещены в работе А.В. Чернова об организации Вооруженных сил Русского государства¹³.

В рамках локальной истории территории Севска и Комарицкой волости выделяются два комплексных исследования известных советских историков Н.Б. Шеламановой и А.А. Новосельского. Н.Б. Шеламанова в статье о Комарицкой волости и Севским уезде в первой половине XVII в. акцентирует

⁸ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). – М., 1954; Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969; Загоровский В.П. Изюмская черта. – Воронеж, 1980. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. – М., 1990; Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI-XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. – М., 1974. – С. 117-131.

⁹ Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. – Л., 1985.

¹⁰ Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. – Л., 1949.

¹¹ Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634. Организация и состояние московской армии. – Киев, 1919.

¹² Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – М-Л., 1948.

¹³ Чернов А.В. Указ.соч. С. 133-187.

внимание на географическом положении и административном подчинении Комарицкой волости, ее исторической географии, образовании Севского уезда. Автор установила населенные пункты, входившие в состав волости в первой половине XVII столетия. Кроме того, в исследовании Шеламановой отмечена военная роль крестьянства, милитаризованного в 20-х гг. XVII столетия, в обороне Брянска и Севской крепости¹⁴.

В статье А.А. Новосельского наибольшее внимание уделяется хозяйственным и фискальным аспектам жизни Севска и Комарицкой волости, особенностям землевладения и выборным властям. В отношении военной истории автор рассматривает процесс милитаризации крестьянского населения с 1646 (создание драгунских полков) по конец XVII в. (создание солдатского выборного полка)¹⁵.

Современная историография дает наиболее объективную оценку событиям, происходившим на юго-западном порубежье в первой половине XVII в. Детально изучены и достаточно подробно освещены ключевые эпизоды Смоленской войны (1632 – 1634 гг.). В книге украинского историка П. Кулаковского¹⁶ даны подробное описание и анализ Северского похода, позволяющие установить роль Севска как плацдарма для наступления на территорию Новгород-Северского уезда Речи Посполитой. В свою очередь оборона Севска и Комарицкой волости периода Смоленской войны подробно рассмотрена в работе А.И. Папкова «Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в.»¹⁷.

Подробную хронологию важного эпизода военных действий Московского государства против крымских и ногайских татар – Донского

¹⁴ Шеламанова Н.Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. – М., 1974. – С. 191-215.

¹⁵ Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII в. // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. Сборник статей к 75-летию академика Николая Михайловича Дружинина. – М. 1961. – С. 65-81.

¹⁶ Кулаковский П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618-1648). – Київ, 2006.

¹⁷ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в. – Белгород, 2004.

похода 1646 г. и участие в нем севских служилых людей удалось установить благодаря работам О.Ю. Куца¹⁸ и И.Б. Бабулина¹⁹.

В диссертационных работах современных исследователей рассматриваются административно-территориальное устройство южных уездов²⁰, социальный состав их населения²¹, а также правительственная политика по колонизации южных окраин государства²². В ряде исследований представлена военно-политическая обстановка на московско-литовских рубежах²³. При этом показана роль отдельных укрепленных пунктов южных уездов в системе обороны Московского государства²⁴.

В историко-краеведческой литературе военно-политические события и социальные процессы на территории Севска и его уезда в первой половине XVII в. освещены в двухтомном научно-популярном издании В.В. Крашенинникова²⁵. При этом автор опирался на ряд источников РГАДА и местных архивов. Однако книга написана публицистическим языком, рассчитанным на массового читателя.

Цель исследования заключается в определении роли локального служилого сообщества г. Севска и Комарицкой волости в системе обороны Московского государства первой половины XVII в.

В связи с этим непосредственными **задачами** данной работы являются:

¹⁸ Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в. политическая и военная история. – М., 2014.

¹⁹ Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. – СПб., 2009.

²⁰ Зенченко М.Ю. Южные уезды России в конце XVI - первой четверти XVII века: Формирование административно-территориального устройства: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2005. – 265 с.

²¹ Захаров А.Л. Служилые люди и дворянство на территории Орловской губернии в конце XVI - XVIII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Орел, 2009. – 246 с.; Ляпин Д. А. Дети боярские Елецкого уезда в конце XVI - XVII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2006. – 265 с.; Никулов А.П. Население Старооскольского уезда в XVII - начале XVIII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Старый Оскол, 2006. – 226 с.

²² Аракчеев В.А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI - начала XVII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2011. 507 с.; Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII - начале XVIII вв.: на материалах Центрального Черноземья: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2003. – 191 с.

²³ Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII-XVIII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Брянск, 2002. – 252 с.; Волков В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV - первой половины XVII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М., 2005. – 438 с.

²⁴ Карнов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI - середине XVII вв.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. – 283 с.

²⁵ Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест. – Т. I-II. – Брянск, 2011.

- 1) рассмотреть процесс формирования Севского уезда на территории Комарицкой волости Брянского уезда в 20 - 40 е гг. XVII в.;
- 2) выявить структуру и организацию служилого сообщества Севска в 20-40-е гг. XVII в.;
- 3) выявить роль крестьянского населения Брянска и Севска в обороне уезда и волости;
- 4) рассмотреть Севск как плацдарм для наступления на «литовские» города Чернигово-Северщины;
- 5) обозначить военно-оборонительная роль служилого сообщества Комарицкой волости в годы Смоленской войны;
- 6) установить процесс интеграции севских и комарицких служилых людей в гарнизоны новых городов на Белгородской черте;
- 7) выявить специфику ратной службы жителей Севска и Комарицкой волости на Дону в 1646-47 гг.;
- 8) проследить характер службы севских ратных людей в «новоприемных» городах Северской земли (Каменный, Бобрик, Недрыгайлов и Олешня).

Источниковая база исследования основана на документах, отражающих военно-политическую и социально направленную деятельность Московского правительства на юго-западных рубежах государства в первой половине XVII в.

Часть этих документов была опубликована в «Актах Московского государства», «Актах, относящихся к Малороссии», в материалах о «Воссоединении Украины с Россией», «Дворцовых разрядах», «Книгах разрядных», «Литовской метрике», «Донских делах». Источники по локальной истории освоения юго-западной окраины Русского государства представлены в «Трудах Орловской ученой архивной комиссии», а также в «Материалах для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII столетии», собранных и опубликованных Д.И. Багалеем.

Ранее опубликованные источники были дополнены материалами, полученными в результате архивных поисков в фондах Посольского приказа (Ф. 79), Разрядного приказа (Дела десятен, Книги Белгородского стола, Книги Севского стола, Книги Приказного стола, Дела разных городов, Разрядные вязки, Столбцы Московского стола, Столбцы Владимирского стола, Столбцы Новгородского стола, Столбцы Белгородского стола, Столбцы Приказного стола, Столбцы Севского стола, Столбцы Безгласного стола, Столбцы Поместного стола) (Ф. 210), Сената и его учреждений (Ф. 248), Ландратских книг и ревизских сказок (Ф. 350), Поместного приказа (Ф. 1209), Сношений России с ногайскими татарами (Ф. 127), Архива Оружейной палаты (Ф. 396) Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также Коллекции документов XVI-XIX вв. (Ф. 1555) Государственного архива Курской области (ГАКО).

По видовому признаку источники, хранящиеся в указанных фондах, можно разделить на четыре основные группы: *публично-правовые акты, частные акты, делопроизводственные и частно-публичные документы*²⁶.

К первой группе относятся *указы* правительства Московского государства, тексты которых представлены в *Книгах Разрядных*, а также в *Столбцах* Разрядного приказа. Они позволяют установить основные направления деятельности русского правительства по организации обороны юго-западных рубежей, а также тенденции внутренней социальной политики.

Следующую группу составили *льготные крестьянам*, заключавшиеся в материалах о льготах, предоставленных правительством новгород-северским крестьянам для переселения в Комарицкую волость, а также в документальных свидетельствах об освобождении милитаризованного населения Комарицкой волости от податей государству. Эти материалы

²⁶ Классификация источников приведена в соответствии с изданием: Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. – М., 1998. – С. 253 – 256.

содержатся в *Столбцах* Разрядного приказа, преимущественно *Приказного* и *Поместного столов*.

Делопроизводственные документы составляют основную базу данного исследования. К таковым относятся: *приказы* о строительстве городов и оборонительных укреплений, об организации сторожевой службы, о переводе по службе служилых людей, о поселении в Комарицкой волости выходцев из-за «литовского рубежа», *инструкции* станичной, сторожевой и караульной служб и распоряжения правительства по строительству новых крепостей, *решения* воевод о принятии в новые города служилых людей, о проведении военных операций, *расписные списки* военного и гражданского населения городов и прочая *военно-административная учетная документация*. Особый интерес представляют *донесения* о победе (сеунчи²⁷), *представления* о награждении наиболее отличившихся в боевых действиях, *отчеты* – отписки воевод и приказных людей о выдаче жалования, о постройке городов и оборонительных сооружений, о ходе военных кампаний и боевых операций. В документах *фискального учета населения – писцовых и переписных книгах, ландратских книгах и ревизских сказках* (1719 – 1722 гг.) представлены сведения о численности военного и гражданского населения юго-западного порубежья, а также о размере оклада, виде вооружения и имущественном положении служилых людей.

В *частно-публичной* документации просительного и просительно-апелляционного видов, а именно в *челобитных, прошениях и жалобах* населения рассматриваемого региона, содержится информация о функционировании учреждений местной администрации и столичных приказов.

Все вышеперечисленные взаимопроверяемые источники позволяют считать объективными выводы, сделанные на их основе.

²⁷ См.: Книга сеунчей 1613-1619 гг. Подготовили к печати А.Л. Станиславский и С.П. Мордовина // Памятники истории Восточной Европы. – М., 1995. – С. 13.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые комплексно проанализирован процесс формирования системы обороны юго-западных рубежей Московского государства на примере одного из локальных сообществ – служилых людей Севска и Комарицкой волости, а также вовлечение их в колонизационные процессы на территории днепровского междуречья в 20-40-х гг. XVII в. Это позволило установить структуру и организацию служилого сообщества Севского укрепленного района и определить его роль в обороне юго-западного порубежья.

В работе впервые были проведены исторические исследования на территории локального сообщества Севска и Комарицкой волости в конкретном хронологическом отрезке.

Были установлены этапы милитаризации дворцового крестьянства Комарицкой волости, ее специфика, особенности несения службы ратными людьми на территории Севского уезда, сторожевые маршруты, пути миграций служилого населения в новые города Белгородской засечной черты.

Положения, выносимые на защиту:

1. Крепость Севск возникла после Деулинского перемирия в 1619 г. на месте древнего городища на территории дворцовой Комарицкой волости Брянского уезда с целью защиты Московского государства от нападения со стороны литовских людей и отрядов вольных черкас. Изначально ее гарнизон составляли новгород-северские стрельцы, казаки и пушкари, переселенные из Рыльска. Собственной корпорации служилых землевладельцев – детей боярских в Севском уезде не сложилось. Вплоть до середины 30-х гг. XVII в. Севский острог и Комарицкая волость имели обособленное административное управление, впоследствии территория волости целиком вошла в состав сформированного Севского уезда.

2. Местоположение Севского уезда, охватывавшее юго-западное порубежье Русского государства, предопределило характер службы его ратных людей. В обязанности севских стрельцов, казаков и пушкарей

входило несение городской и сторожевой служб. Помимо того, население Севска активно привлекалось к сменной службе в стоялых острожках на южных городищах. В сторожевой службе были задействованы как севские служилые люди, так и местные крестьяне, переведенные в 1646 г. на положение поселенных драгун.

3. К началу Смоленской войны Севский укрепленный район был выбран московским правительством в качестве наступательного пункта на города Чернигово-Северщины. В городе сосредоточились значительные боевые силы из ратных людей Болхова, Карачева, Путивля и Рыльска. Впоследствии состав походного войска был усилен добровольцами из местных крестьян и «гулящими людьми» Комарицкой волости. В ходе Смоленской войны осенью 1632 г. русские войска из Брянска и Севска взяли города Новгород-Северский, Стародуб, Почеп и Трубчевск. Во время этой кампании Севск дважды перенес осаду крупными отрядами запорожских казаков и «подымовных людей» кн. Иеремии Вишневецкого, но при умелой организации обороны воеводой Ф. Пушкиным и стародубскими детьми боярскими, ратным людям крепости удалось отбиться и совершить несколько удачных вылазок. Таким образом, в Смоленской кампании г. Севск впервые проявил себя как полноценная боевая крепость.

4. В середине XVII в. жители Севска и Комарицкой волости приняли непосредственное участие в колонизационных процессах на южной окраине Московского государства. Они заселяли и обороняли новые города Белгородской засечной черты, участвовали в дальних военных походах и в формировании гарнизонов укрепленных районов на русско-литовском рубеже. Комаричане активно участвовали в строительстве и заселении крепостей Усерд, Карпов, Вольный и Хотмыжск на западном участке Белгородской черты, которые перекрыли Кальмиусскую дорогу у р. Тихой Сосны. 200 выходцев из Севского уезда состояли в отряде, сформированного из служилых людей южнорусских крепостей для военного похода в низовья Дона в 1646 г. После подписания Варшавского договора 1644 г., в ходе

колонизации Московским государством в «новоприемные» городки переселилось 193 стародубских и рославских детей боярских, живших в Севске.

Теоретическая и практическая значимость данной работы заключается в том, что представленные в ней научные материалы могут стать основой для дальнейших научных исследований по истории юго-западного порубежья Русского государства первой половины XVII в. Результаты работы могут быть использованы при создании учебных, лекционных и семинарских курсов по истории освоения юго-западных рубежей Московского государства в XVII в., строительства крепостей Белгородской черты, истории Комарицкой волости Брянского уезда в годы Смоленской войны, истории русско-польских отношений в первой половине XVII в., а также при подготовке занятий по краеведению г. Севска Брянской области.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования были представлены на конференциях «Война и оружие: новые исследования и материалы» (СПб., 2011), «Актуальные проблемы регионоведения» (Курск, 2011), «Рыльск и рьяне в отечественной и зарубежной истории и культуре» (г. Рыльск, 2011), «Взаємодія взаємозв'язок Дніпровського Лівобережжя та Курського Посейм'я (археологія, історія, сучасність)» (Глухів, 2011), «Родові таємниці Сіверянського краю» (Новгород-Северський, Україна, 2012).

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. *Ракитин А.С.* Служилые люди «пушкарского чину» города Севска в XVII – первой половине XVIII века // Война и оружие: новые исследования и материалы: Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – СПб., 2011. – С. 278-292.
2. *Ракитин А.С.* Роспись полоняников, взятых рьянами во время Северского похода 1632-1634 гг. // Рыльск и рьяне в отечественной и

- зарубежной истории и культуре. Сборник материалов межрегиональной научной конференции. – Рыльск, 2011. – С. 37-52.
3. *Ракитин А.С.* Донская служба дворцовых крестьян и охочих людей Комарицкой волости в 1646-1647 гг. // Нижне-Волжский Исторический сборник Царицынского Генеалогического Общества. – Вып. 3. – Волгоград, 2011. – С. 162-188.
 4. *Ракитин А.С.* Северский поход 1632-33 гг. // Военно-исторический журнал. – 2011. – № 9. – С. 63-68.
 5. *Ракитин А.С.* «Новоприемные» города Северской земли (Каменный, Бобрик, Недрыгайлов и Олешня) и служба в них севских ратных людей (детей боярских Стародуба и Рославля, полковых казаков, стрельцов и пушкарей) // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Федора Михайловича Заверняева. – Вып. 6. – Брянск, 2012. – С. 206-230.
 6. *Ракитин А.С.* Из истории формирования сообщества беломестных казаков юга Московского государства в первой половине XVII в. // Нижне-Волжский Исторический сборник Царицынского Генеалогического Общества. – Вып. 4. – Волгоград, 2012. – С. 14-21.
 7. *Ракитин А.С.* Сторожевая служба в Севском уезде первой половины XVII в. // Деснинские древности. – Вып. 6. – Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Федора Михайловича Заверняева. – Вып. 6. – Брянск, 2012. – С.208-215.
 8. *Ракитин А.С.* Охочие люди Северской украины в Смоленскую войну 1632-34 гг. // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного

- работника культуры РСФСР Федора Михайловича Заверняева. – Вып. 6. – Брянск, 2012. С. 215-224.
9. *Ракитин А.С.* Формирование гарнизона Севского острога в 20-е гг. XVII века // Известия Юго-Западного государственного университета. – Курск, 2012. – № 1. – Ч. 2. – С. 225-229.
10. *Ракитин А.С.* Северский поход в период Смоленской войны 1632-34 гг. в документах Российского государственного архива древних актов // Известия Саратовского университета. – Вып. 3 – Т. XII. – Саратов, 2012. – С. 83-89.
11. *Ракитин А.С.* Роспись дворцовых крестьян Комарицкой волости, определенных в службу и «вечное житье» на Карпово сторожевье // Белгородский краеведческий вестник. – Вып. 10. – Белгород, 2013. – С. 49-63.
12. *Ракитин А.С.* Военные экспедиции путивльских служилых людей на территории Речи Посполитой в годы Смоленской войны 1632-1634 гг. // Военно-исторический журнал. – М., 2013. – № 5. – С. 16-23.

Структура исследования определяется его задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, карт и приложений.

Глава 1. Военно-административное положение Севска и Комарицкой волости в первой трети XVII в. Гарнизон Севска и военная роль местного крестьянства

§ 1.1. Формирование Севского уезда на территории Комарицкой волости Брянского уезда в 20 - 40 е гг. XVII в.

В первой половине XVII столетия на юго-западных рубежах Московского государства особое военное значение имела Комарицкая волость. Она относилась к приказу Большого дворца и как отдельное административное формирование уходит корнями к Пьяновской волости Брянского (Бранского) повета²⁸ в составе Великого княжества Литовского. Согласно Литовской метрике конца XIV в. волость была населена крестьянами и господарскими слугами, т.е. принадлежала непосредственно польскому королю²⁹. После вхождения Северной земли в состав Московской Руси к концу первой четверти XVI в., волость стала великокняжеской. С этого времени волость получила статус дворцовой. Общение с центральными властями шло непосредственно через дворцового приказчика, постоянно находящегося в селе Лугань Чемлыжского стана.

Сформировавшаяся ещё в начале XVII столетия в границах исследуемого периода, Комарицкая волость была административно подчинена Брянску и разделена по территориальному принципу на 4 стана: Чемлыжский, Брасовский, Радогожский и Глодневский. Не сохранившаяся до наших дней дозорная книга Брянского уезда 1614 г. письма Ивана Ергольского и подьячего Смирного Максимова подтверждает этот факт: «...в Брянском уезде в Чемлыжском стану», «исконно вечно ... Брянского уезду Комаритцкой волости»³⁰. Можно предположить, что традиционное деление

²⁸ Уезда, от польского «powiat». Слово закрепилось в белорусском и украинском языках в формах «повят» и «повіт».

²⁹ Литовская метрика. – Отд. I. – Ч. 1. – Т. I. – СПб. 1910. – Стб.стб. 17, 24.

³⁰ РГАДА. Ф. 79. 1634 г. Д. 30. Л. 95, 117.

волости на четыре стана существовало здесь еще до возвышения военно-административной роли Севска.

Город Севск прослеживается по архивным документам с 1619 г. В Севск, а не в Брянск в 1619 г. подавали жалобу крестьяне пограничных комарицких сел о произволе поляков воеводе. Город упоминается в Разрядных книгах после Смуты как самостоятельная единица в числе северских городов³¹. Так, в 1620 г. Севский острог в Комарицкой волости с назначенным сюда воеводой указан в списке как самостоятельный город, не подчиненный Брянску. Со следующего 1621 г. и далее Севск также значится в списках как полноценный город, но без сведений об отношении к Комарицкой волости и наличия у него собственного уезда³².

О постройке в Комарицкой волости Севского жилого острога известно немного. В 1619 г. знаменщик (художник Оружейной палаты) Петр Тепловский вместе с воеводой Иваном Козловским был направлен для составления городского чертежа острожка в Комарицкой волости³³. Благодаря этому факту мы имеем подробное описание крепости в данный период. Жилой острог в Брянском уезде «учинен был ... по розсмотренью для береженья Камаритцкие волости» на месте городища времен Киевской Руси. Здесь он «заступил» (прикрыл) собой три стана дворцовой волости – «государевой вотчины» - от «литовского рубежа»: Глодневский, Брасовский и Радогожский³⁴. Села и деревни четвертого, Чемлыжского стана, окружали сам Севский острог, 15 его селений располагались «по литовскому рубежу, позаду Севского острогу». Вместе с тем нет конкретных сведений о первом назначенном в острог воеводе. Разрозненные архивные документы вносят путаницу в воеводских фамилиях.

³¹ Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – Т. I. (далее – КР). – СПб. 1855.– Стб. 719.

³² Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению, изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. – Т. I. (далее – ДР). – СПб. 1850-1855. – Стб. стб. 486, 626.

³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 2. Л. 473-474.

³⁴ В расспросных речах бывших севских воевод И.Ю. Плещеева и П. С. Воейкова название двух станов дано ошибочно. Так, стан Брасовский назван Брасенским, а Радогожский на московский манер – Радонежским. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 46. Л. 355.

Согласно Дворцовым разрядам за 1620 г., первым воеводой Севского острожка был Иван Васильевич Колтовский³⁵. В Разрядных книгах фамилия воеводы звучит как Козлов: «в Северских городех: ... в Комаритцкой волости, в Севском остроге, Иван Васильев сын Козлов да подьячей Терентей Еуфимьев; и Ивану Козлову и подьячему велено быти к Москве, а в Комаритцкой волости, в Севском остроге велено быти Ивану Володимерову сыну Благому да подьячему Панкрату Бабанину»³⁶.

В 1620 г. при воеводе И.В. Благово был осуществлен капитальный ремонт старого острога³⁷. Тогда же рядом с прежним острогом возник новый, меньший по размеру³⁸. Он примыкал к старому и располагался на прежней старой городской осыпи, на крутом берегу р. Сев – «от реки от Севи круча великая»³⁹. С этого момента старый острог именуется Большим.

В 1622 г. прошли работы по его укреплению⁴⁰, сделаны ров, тын и честик (частокол)⁴¹. По описанию воеводы Степана Стрешнева, в 1629 г. старый острог стоял на ровном месте, а не на горе, близлежащий берег р. Сев не был тогда занят острогом. Не была также укреплена и гора по другой стороне р. Марица. Отсюда следует, что главными естественной защитой старого Севского острога были окружающие его реки. Любопытную характеристику в 1644 г. дал р. Марице воевода Никифор Никитич Нащокин: «а протоком та речка Марица с подмосковную речку с Сетонь [Сетунь]⁴²».

Зимой 1629 г, накануне истечения срока Деулинского перемирия, московское правительство вновь обратило свое внимание на Севский острог, в первую очередь на его физическое состояние. Так, 11 декабря в столичном Разряде были «роспрашиваны» воеводы Иван Юрьевич Плещеев и Прокофий

³⁵ ДР. – Т. I. – С. 459.

³⁶ КР. – Т. I. – Стб. 719.

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 137.

³⁸ Там же. Л. 136.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 46. Л. 352-353.

⁴⁰ Старый, первоначальный острог Севска, располагался между реками Сев и Марица.

⁴¹ См. Приложения 5, 6 и 9.

⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 111.

Воейков – «какими обычай и в крепком ли месте в Севску острог поставлен и в приход воинских людей в приступное время в том остроге от приходу воинских людей не чаеть [ждать] ли какова дурна». Опрос предшествовал отписке воеводы Степана Стрешнева, назначенного на эту должность в сентябре 1629 г. И. Плещеев и П. Воейков дали подробное описание Большого и Малого Севских острогов, вынесли предложение о том, куда сходиться комарицким крестьянам в осадное время – два стана в Брянск, два других – в Севск. В том же расспросе Прокофий Воейков сообщил, что еще при царе Борисе Годунове в Комарицкую волость был направлен по службе его брат, Андрей Матвеевич Воейков – «отыскивать и досматривать крепких мест, в которых местех в Камаритцкой волости острог ставить для обереганья от воинских людей». Крепче места, где ныне находится Севск, «во всей Камаритцкой волости не сыскать». Место для острога было одобрено Годуновым и по его приказу Андрей Воейков построил на р. Сев новый городок.

Кроме собственно Севского городища, рассматривались в качестве вариантов для места постройки нового острога крупные комарицкие села Радогощь и Чемлыж. Радогожское городище, по мнению Прокофия Воейкова, «вниз по реке по Севу», место «худое, никаких крепостей и острогу на том месте быть нельзя». Городище находилось севернее Севска в 25 верстах. Чемлыжское городище «вниз по Севи реке» от Севска верст с восемь, от литовского рубежа в пяти. Осыпь здесь, в Чемлыже, не велика, «место хуже Севского места»⁴³.

Служилое население Севска размещалось до определенного момента только внутри самого города, и лишь впоследствии, к концу XVII – началу XVIII столетия, близ уездного центра выросли такие слободки, как: Коростовка⁴⁴ (пушкарская), Марицкий и Юрасов хутора (казачьи). Появилась

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 46. Л. 352-366.

⁴⁴ См. Приложение 4.

слобода Рейтаровка – из поселенных тут рейтар, происходящих из местных детей боярских и дворян.

Примечательно то, что образование уезда вокруг Севска затянулось более чем на десятилетие с момента постройки жилого острога в Комарицкой волости. Доказательством длительного формирования вокруг Севска собственного уезда, может служить полное отсутствие сведений о так называемых «уездных людях». К последним относилось в общей массе служилое население Севска, а также ямщики – то есть жители городских слобод. Заметим, что вплоть до третьей четверти XVII в. за пределами Севска не существовало ни одной слободки, выселок, починка или хутора, образованного переселившимися на новые земли служилыми людьми. В этом не было необходимости, т.к. крестьянство окрестностей Севска также было вооружено, а с 1646 г. все население Комарицкой волости было милитаризовано и перешло на положение драгун.

По предположению Н.Б. Шеламановой, словосочетание «Севский уезд» появляется в источниках не ранее 1636 г., судя по царским наказам новому воеводе Я.М. Толочанову. В ведомство ему даются собственно Севск и уезд⁴⁵. Однако, такое сочетание встречается уже в 1634 г. В списках полоняников – крестьян Комарицкой волости, схваченных и уведенных в Речь Посполитую, уже присутствует схема «Севского уезду Камарицкие волости»⁴⁶.

При расследовании земельного спора о принадлежности села Алешковичи в 1634 г., возникшей в ходе межевого спора между Московским государством и Речью Посполитой, уезд у Севска уже отмечается: «уезду Севского»⁴⁷. Безусловно, литовская сторона, не особо разбираясь в сути вещей, приписывала Севску уезд. Так, в деле 1624 г. о задержанных в Новгород-Северском уезде крестьянах, пересекших границу между селом

⁴⁵ Шеламанова Н.Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII века. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII века. – М., 1974. – С. 19. // См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 109. Л. 129, 132, 133, 140, 141, 155, 159, 179.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 72. Л. 51.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. 1634 г. Д. 30. Л. 29.

Алешковичи и деревней Шепетлево, городской приказчик Мартин Арцишевский пишет воеводе Севска: «Севского уезду крестьяне без твоих [воеводских] отписок за рубеж ходят»⁴⁸.

Западная граница Севского уезда, имеющая, пожалуй, наиболее важное стратегическое значение, длительное время не была определена, являясь в 1634–45 гг. камнем преткновения между польской и русской администрацией. В ходе упомянутого спора о принадлежности села Алешковичи в середине 30-х гг. XVII в. рыльский воевода прислал московским межевым судьям грамоты, которые дали любопытные сведения о пограничной территории. В грамоте 1617/1618 гг. отмечалось, что селения близ Алешковичей – починок Полевые Новоселки, половина деревни Филиппово («Журавлева поляна тож») принадлежали Новгород-Северскому уезду и находились во владении новгород-северских детей боярских Гавриила Дашкова с товарищами. Это также подтверждает запись архимандрита Спасского монастыря Новгород-Северского того же года, где зафиксирован факт уступки со стороны монастыря в Новгород-Северском уезде Гавриилу Дашкову с товарищами починка Новоселки и половину Филиппово в обмен на уступку монастырю починок Зерново и Страчово⁴⁹.

Итак, до половины 30-х гг. XVII в. Комарицкая волость являлась Брянской, обособленно существуя от администрации жилого острога Севск. Волость имела собственное земское управление и долгое время не находилась в ведомстве севских воевод. Новый жилой острог, построенный в 1619 г., в первое время являл собой небольшое военное поселение с постоянным гарнизоном (в отличие от стоялого острога) и лишь к середине 30-х гг. XVII столетия став уездным центром. Севский острог как бы заступил собою «государеву вотчину» - дворцовую волость.

⁴⁸ РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. Д. 17. Л. 209.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 79. 1634 г. Д. 30. Л. 95-96.

§ 1.2. Служилое сообщество Севска в 20 - 40 е гг. XVII в.

Служилые люди по прибору в Севске были представлены категориями, характерными для многих городов юга России XVII в.: стрельцы, полковые казаки, люди пушкарского чина (пушкарки, затинщики, воротники и казенные кузнецы). Они являлись выходцами из Новгород-Северского⁵⁰, из которого в 1618 г. были переведены в Рыльск, а затем - в Севск. Об этом свидетельствует один из столбцов со сметными данными по количеству служилого населения этого городка «В Камаритцкой волости в Севску людей Новагородка Северского сведенцов»⁵¹.

Обратимся к самому раннему списку новгород-северских служилых людей по прибору, датированному 1605 г. – раздаточным книгам отряду, сидевшему в Новгород-Северском, осажденном войском Лжедмитрия I. Эти осадные сидельцы являлись местными уездными детьми боярскими, казаками, стрельцами, пушкарями и бортниками. Вместе с ними в крепости находились ратные люди из Брянска (дети боярские), Москвы (стрельцы), Трубчевска, Белева и Кром (казаки)⁵². В обороне города также приняли участие монахи Новгород-Северского Спасского монастыря и один слепой старец, ходивший лазутчиком во вражеский стан⁵³. Многие фамилии сидевших в осаде стрельцов, казаков и пушкарей встречаются затем по Севску: Карцевы, Путины, Мальцевы, Плохово, Коростелевы, Пасновцевы, Серпуховитины, Кирпичевы, Перевозчиковы и др. Один из рядовых казаков, Ивашка Серпуховитин, перед переселением в Севск, в 1618 г. уже числился в пятидесятниках, по бедности прося царя деньги на проезд из Москвы в

⁵⁰ Любопытные сведения можно обнаружить в расспросных речах старожилы Комарицкой волости и служилых людей Севска за 1634 г. (во время спора о территориальной принадлежности села Алешковичи с окрестными деревнями). Некоторые севские служилые сообщили о себе, что «изстари живали в селе Олешковичах и в деревнях во крестьянех». Среди них были стрельцы: пятидесятник Еремка Михайлов, Богдашка Смогилев, Ивашка Максимов, Петрушка Ченаев и севские пушкарки Ганко Костин, Васька да Кондрашка Трухановы, Васька Логинов, Федько Вязьметин, Янка Логинов, Янко Кольчигин, Янка Холин, Федька Труханов, Левка Пречистенской, Иевко Безчасной, Стенька Рудаков и Стенька Токарь (РГАДА. Ф. 79. 1638 г. Д. 9. Ч. 2. Л. 289).

⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 24. Л. 384.

⁵² Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук под редакциею Н.А. Попова. – Т. I. – СПб. 1890. – Стб. 42. (Далее – АМГ).

⁵³ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. – С. 191.

Новгород-Северский и наоборот – «дай на проезд своево государева жалования»⁵⁴.

В середине 30-х гг. XVII в. гарнизон Севска (в то время уже уездного центра) пополнился стародубскими и новгород-северскими людьми «пушкарского чину» в количестве 23 человек, а также «стародубскими выводными казаками» (22 человека)⁵⁵. Следует отметить, что 13 человек пушкарей и затишников из Трубчевска, Новгород-Северского и Стародуба, поселенных в 1634 г. в Севске (Васька Харьков «со товарищи»), немногим позже были взяты на «житье» в Орел. Однако на новом месте ратные люди жалования длительное время не получали и не могли обустроиться дворами. В конце июня 1636 г. пушкари и затишники подали коллективную челобитную с просьбой выдать им деньги: «дворишка себе устроить и женишек и детишек по миру не пустить». В Разряде к просьбе орловских пушкарей прислушались, из Москвы были присланы деньги, а хлеб, соль и овес – из севских житниц⁵⁶.

Характер службы севских ратников зависел от их принадлежности к той или иной категории служилых людей «по прибору». Каждая категория имела свой круг служебных обязанностей. Так, севские казаки находились на посылках «по государеву указу» и служили гарнизонную полковую службу. Стрельцы стояли на караулах в старом остроге Севска, у ворот: «днюют и ночуют по десяти человек», меняясь ежедневно. Более длительная смена («погодно») у севских стрельцов была на службе в местной съезжей избе «в приставех» - по 30 человек⁵⁷. Традиционно казаки служили конную службу, были вооружены пищалями и саблями. Стрельцы несли пешую службу, вооружение их составляли пищали, сабли и бердыши. Командовали формированиями служилых людей десятники и пятидесятники, которых

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 2. Л. 173.

⁵⁵ КР. – Т. I. – Стб. 916; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 118. Л. 213.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 59. Л. 169-185.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 12. Л. 383-385, 389.

выбирали из своей среды, также сотники и головы, которых назначали в Разряде из числа дворян и детей боярских.

В 20-х гг. XVII в., с образованием в севском гарнизоне сообщества служилых людей «пушкарского чину», сформировался и собственный городской артиллерийский наряд. Накануне Смоленской войны, в начале 1631 г., он состоял из двух пищалей полуторных медных (к одной 200 ядер в 6 гривенок, к другой 36 ядер по 4 гривенки), 10 пищалей полковых железных (к ним по 108 ядер в 3 гривенки), 3 медных тюфяка (к ним по 1 ядру и 17 гривенок дробы), 4 пищали медных затинных (к ним 99 ядер свинчатых), зелья 199 пудов, 22,5 гривенок, свинцу 192 и 23,5 гривенок. В 1630 г. прислано из Пушкарского приказа 100 пудов зелья ручного, 50 пудов пушечного, 50 свинца⁵⁸.

Помимо исполнения ратных обязанностей в Севске, местные казаки, стрельцы и пушкарники служили также сменную службу в острожках Путивльского уезда. Так, в 1626 г. 25 человек севских казаков были направлены по службе в Путивльский уезд на реку Псел «на городище» «в прибавку к путивльским служилым людям»⁵⁹.

Нередко севские воеводы использовали служилых людей в качестве гонцов, доставляющих отписки в столичный Разряд и царевы грамоты из Москвы. За утерю государевых отписок гонцов ждало суровое наказание. В 1628 г. севский казак Митька Исаев, который вез из Москвы в Севск государеву грамоту о деле по ходившим за рубеж крестьянам, «оную потерял», за что был «нешадно» бит кнутом и брошен в тюрьму⁶⁰.

Каждая категория ратных людей имела свои особенности государственного обеспечения. Служба у казаков осуществлялась с денежного жалования «и с земель», стрельцов – с земель и «с денежново и с хлебново жалованья»⁶¹. При воеводе И.В. Благово осенью 1620 г. из Москвы

⁵⁸ Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634. Организация и состояние московской армии. – Киев, 1919. – С. 270.

⁵⁹ КР. – Т. I. – Стб. 1234.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 3. Л. 105.

⁶¹ КР. – Т. II. – Стб. 675.

Севск были присланы 100 рублей на закупку хлеба и устройства «житниц на запас»⁶². Отсутствие хлебного обеспечения севских казаков компенсировалось большим количеством четей на человека, нежели стрельцам (20 и 12 соответственно).

Размер годового денежного жалования севских служилых людей составлял: казакам-пятидесятникам по 3 рубля с четвертью, десятникам – 3 рубля без четверти, рядовым казакам – 2 рубля с полтиною, стрельцам – всем по 2 рубля⁶³. Для примера: за один рубль можно было купить неплохую лошадь. Сведений о землях у севских «людей пушкарского чина» не имеется.

По данным приказных расходных книг, во время пребывания в Севске воеводы И.В. Колтовского в апреле 1620 г. в город было послано 140 рублей (рубль на человека) на постройку дворов переведенным на службу из Новгород-Северского стрельцам, казакам и пушкарям. В мае общая сумма посылки денег ратным людям составила уже 185 рублей.

При воеводе И.В. Благово в мае 1620 г. севские служилые получили 349 рублей: «на дворовое строение, казаком конным сту двадцати человеком, стрельцом пешим сту штидесят человеком, пушкарям двадцати шти человеком, затинщиком тритцати двум человеком, кузнецом двум человеком, плотником и воротником девяти человеком» (по три рублю человеку). Очередная посылка денег служилым в Севск (129 рублей) при воеводе И.В. Благово состоялась в августе 1620 г. - «на корм на два месяца (сентябрь и октябрь)»⁶⁴. Итого общая численность служилых Севска составила 349 человек.

В заключение стоит особо отметить севских ямщиков. Во время осадного положения севские воеводы обязаны были включать местных ямщиков в систему обороны. Севский ям был устроен в первые годы существования жилого острога, когда в городе появились 8 дворов ямщиков – «ямских охотников». В 1628 г. братьев, детей и племянников у севских

⁶² Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест. – Т. I. – Брянск, 2011. – С. 100.

⁶³ Там же. – С. 104.

⁶⁴ Там же. – С. 99.

ямщиков числилось 30 человек «да три двора сосецких да подсоседник». Их пашня находилась за речкой Марицей. За каждым числилось по 20 копен сена, «лесу чернова, болота и бобару (бобровых гонов) за речкою ж за Сосною и за речкою за Севью за Лубенским болотом в длину не десять верст, а поперег на восемь верст, а владеть им тем лесом всем вопче стрелцами, и с пушкарями, и с казаками, и с затинщиками, и с плотниками, и с воротниками, и с кузнецы деревни Кривцовой, и в деревне Агапоновой [Гапоново], и в деревни Сенной»⁶⁵.

Как того и требовали суровые обстоятельства порубежья, севские ямщики должны были иметь при себе оружие в виде рогатин и бердышей⁶⁶. Во время Смоленской войны ямщики Севска вместе с прочими охочими людьми Комарицкой волости принимали участие в походах вольных охочих людей в черкасские города⁶⁷.

Характер службы севских ратных людей – стрельцов, казаков и пушкарей по своей сути был традиционным для подобных категорий на юге России XVII в., существенных различий не существовало: стрельцы, помимо своей гарнизонной службы, находились в приставах местной съезжей избы; казаки выполняли роль рассыльщиков. Чем ближе было порубежье – тем активнее служилое население привлекалось к временной «понеделной», «помесячной» (сменной) службе в стоялых острожках на южных городищах. В случае с севчанами – это, безусловно, служба на т.н. «путивльских городищах».

§ 1.2.1. Стрелецкий гарнизон Севска

Стрельцы⁶⁸ составляли основу пешего гарнизона всех городов России XVI-XVII вв. Севские стрельцы стояли на караулах у ворот в Старом остроге: «днюют и ночуют по десяти человек», меняясь ежедневно. Более длительная

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 931. Л. 124-128.

⁶⁶ РГАДА. Ф.210. Книги Севского стола. Д. 13. Л. 3-45.

⁶⁷ РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. Д. 72. Л. 210.

⁶⁸ См. Приложение 10.

смена «погодно» у севских стрельцов была на службе в местной съезжей избе в приставех» - по 30 человек⁶⁹. Распространены были также и другие службы, например сопровождение колодников⁷⁰.

Как отмечалось выше, стрельцы появились в Севском острожке вместе с прочими служилыми людьми и значительно преобладали по численности. Длительное время, в течение четырех лет, общинной земли эти стрельцы не получали, и их служба осуществлялась с денежного жалования.

Только в 1623 г. новгород-северские стрельцы (200 человек) были наделены землей на месте пустошей, бывших дворцовых деревень Чемлыжского стана: Радиловой, Андреевой и Калчевской – к северу от Севска вниз по левому берегу р.Сев до дворцовой деревни Княгининой и часть пашни деревни Кривцово и села Юшина – по берегу р. Сев (всего 6 тысяч четей). Кроме того, им вместе с казаками на р. Марица была отведена треть пашни, 1250 четей, под гумна стрельцы получили половину угодий той же деревни Княгинино, а также сенные покосы по правому берегу р. Сев «вопче» с дворцовыми крестьянами деревень Кривцово, Гапоново (Агафоново) и Сенная⁷¹.

Ввиду ощутимого недобора служилых людей, в Севске практиковалось комплектование местного гарнизона из т.н. «гулящих» людей соседних уездов. В 1626 г. 50 семей новгород-северцев вышли на государево имя в Комарицкую волость, где сели «не на тяглых жеребьях», то есть на свободных от налогов землях. Спустя четыре года эти люди – Богдашка Смогилев «со товарищи», били челом царю Михаилу Федоровичу об устройстве их в службу по примеру беломестных и «жилецких» (служилых, полковых) казаков Рыльска или, в крайнем случае, в стрелецкий гарнизон Севска. В своем челобитье «выходцы» писали о том, что в Новгород-

⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 1. Ч.1. Д. 105. Л. 111-111 об.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 155.

⁷¹ Труды Орловской ученой архивной комиссии. – Вып. 3. – Орел. 1885. – С. 21-27.

Северском уезде «жили в селех и в деревнях на пашнях», жаловались, что без государевой службы прожить в Комарицкой волости им невозможно⁷².

Севским воеводой было принято решение отвести места «новоприходцам» на посаде между Стрелецкой и Пушкарской слободами, однако при этом пашней и сенных покосов пока не отводить. На случай, если из Разряда придет отказ прибирать людей Смогилева в ратную службу было решено поселить их в дворцовых селах и деревнях Комарицкой волости в качестве крестьян.

В итоге прошение «гулящих людей» было удовлетворено. В феврале 1631 г. по царскому указу все 50 человек новгород-северцев были взяты в стрелецкий гарнизон Севска⁷³. Это подтверждают разрядные записи за 1632 г.: 250 человек стрельцов, «да в прошлом в 139-м (1631 – прим. А.Р.) году велено быти в стрельцах 50 ч. выходцом, которые во 134-м (1626 – прим. А.Р.) году пришли в Севеск из Ноугороцкого уезду»⁷⁴.

Итак, стрельцы Севска, как и любого другого города, составляли гарнизонную пехоту. Без них была немыслима гарнизонная и караульная службы. Участие в далеких походах для стрельцов редко когда предусматривалось, как правило, альтернативной их службой являлась служба в приставах.

§ 1.2.2. Полковые казаки

В большинстве южнорусских гарнизонов значительную часть ратных людей составляли городовые казаки различных категорий: кормовые (донские и яицкие (уральские), служащие за денежный «корм» переменяясь несколько лет), поместные / беломестные казаки и поместные атаманы

⁷² О личности атамана гулящих людей – Богдашке Смогилеве в архивных документах сохранились некоторые любопытные сведения. В росписях бортных ухажав Комарицкой волости первой половины 1620-х гг. Богдашка Смогилев фигурирует в качестве бортника села Порохонь (Нешковичи) (РГАДА. Ф.210. Столбцы Севского стола. Д. 78. Л. 41). Через 14 лет, во время мартовского обороны Севска от польского войска и черкас, Смогилев выступил уже в роли пятидесятника, взявшего языка – украинского казака: «пятидесятник Богдашко Смогилев взял черкашенина Яцка Ницкого» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 89. Л. 166).

⁷³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 58. Л. 590-598.

⁷⁴ КР. – Т. I. – Стб. стб. 675, 732.

(категории, близкие детям боярским, т.н. «казаки-помещики»), сторожевые (находившиеся в степных разъездах на «сторожах» в Диком поле – участках подвергаемых нападению крымских и ногайских татар⁷⁵) и полковые. Последние были единственной категорией городского (служилого) казачества Севска. Они несли конную службу при местном гарнизоне, а на случай боевых действий призывались в полки. В Севском острожке, местные полковые казаки совмещали полковую и сторожевую службу (на ближайших к городу сторожах).

Первые севские казаки происходили из соседнего Новгород-Северского уезда, отданного по Деулинскому мирному соглашению Польше. Московское государство проводило политику укрепления пограничных городов путём привлечения как можно большего числа «выходцев» на государево имя из среды бывших служилых и крестьян отошедших к Речи Посполитой русских городов: Трубчевска, Стародуба, Почепа, Чернигова и Новгород-Северского.

Кроме 125 человек полковых казаков, вышедших к 1619 г. в Рыльск, а затем поселенных в новом острожке Брянского уезда в июне 1622 г. в Севск прибыла еще одна партия новгород-северцев: Богдашка и Васька Антоновы, Савка Правдин и Андрей Колужанинов во главе с атаманом Семеном Пудом. Они подали севскому воеводе Б. Кокореву челобитную с просьбой поверстать их здесь в ратную службу. Без указания из Москвы воевода, разумеется, сделать этого не мог, поэтому охочие люди вынуждены были подавать прошение на имя самого царя. Пока в Разряде рассматривалось прошение новгород-северцев, севским служилым людям поручалось бдительно присматривать за ними. В наказе значилось: «чтоб они из Севска без указа никуда не съезжали, с литовскими и русскими людьми, которые учнут из-за рубежа приезжати, в Севску с ними не сходились и письмом и словесным приказом не ссылались, и никаким воровством не воровали,

⁷⁵ См. Приложение 12.

государю не изменили, в Литву, в Крым, в Ногай и в иные государства не отъехали». 16 марта 1622 г. жены и дети Семена Пуда и его ближайших соратников – Богдашки да Васьки Антоновых, Савки Правдина и Андрюшки Калужанина были вызваны из Новгород-Северского в Москву для тщательного допроса.

В начале июня служилые люди Севска, архимандрит Спасского монастыря Корнилий и соборный протопоп подали поручные записи о благонадежности «кандидатов» в полковые казаки. Общая численность поручившихся составила 185 человек - «все попы, и дьяконы, и казаки и стрельцы». 29 мая 1622 г. по царскому указу: «государь, говоря с бояры» - казаки Семейки Пуда были зачислены в штат местного гарнизона. На дорогу из Новгорода-Северского в «Севской» казакам велели выдать по одному рублю⁷⁶.

После мирного соглашения 1634 г. из Стародуба в Севск переселились 22 стародубских казака⁷⁷. Оказавшись на новом месте, они сразу же были включены в полковую службу наравне с севскими казаками.

Севские полковые казаки стояли на заставах и сторожах. В отличие от сторож, описанных в инструкциях 1571 и 1620-х гг., севские ратные люди находились на ближних сторожах, возле «литовского рубежа» неподалеку от самого города. В январе 1623 г. крестьянин села Добрик (Брасовского стана Комарицкой волости) Данилка Климов в поручной записи по своему брату Лукьяшке, вышедшему из «литовского полону», упоминает о сторожах, располагавшихся на заставах: «...и в Севском уезде от Литовского рубежа по заставным сторожам служилым людям»⁷⁸.

В наказах новому севскому воеводе стольнику Якову Толочанову, сменившему на этой должности в марте 1636 г. Ивана Стрешнева, дано очень точное описание местоположения застав: «А от литовского рубежа по всем дорогам и по малым стежкам и по приметным по всем местам учинить

⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 11. Л. 147-153.

⁷⁷ Крашенинников В.В. Указ. соч. – С. 137.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 14. Ч. 1. Л. 242.

заставы»⁷⁹. В задачу застав как контрольно пропускных пунктов входил надзор за движением населения, пересекающего государственную границу, и отслеживание незаконного оборота «заповедных» товаров⁸⁰. К последним в разное время относились соль, «сукна всякия и холсты, и зелье, и свинец», а также вино и хлеб⁸¹.

Из сторож близ Севского жилого острожка были известны Орлинская (между селом Орля и деревней Быки), Добрунская (в селе Добрунь (бывшее село Добрыничи)), Берестовская (в деревне Бересток), Стародубовская (локализация не установлена), Коростовская (на месте пустоши Коростовка, будущего пушкарского поселения) и Сосницкая (на р. Соснице)⁸². На сторожах как правило стояли по четыре конных человека, «переменяся понедельно»⁸³. Кроме того, в середине 20-х гг. два севских казака были обязаны находиться в соседних Рыльске и Путивле, где велась полноценная сторожевая служба на более дальних расстояниях⁸⁴.

Одной из разновидностей ратных служб севских казаков было сопровождение колодников, «полоняников» из окраинных городов Северной земли в Москву и доставка различных поручений из Разряда в Севск. Наиболее интересные сведения содержат эпизоды, связанные с «полоняниками», вышедшими в Комарицкую волость из Речи Посполитой. В августе 1623 г. севскому казаку Агейке Беляеву было поручено сопроводить в Путивль бывшего "полоняника", назвавшегося сыном путивльского посадского человека, Кондрашку Емельянова. Новоявленный «литовский выходец» поведал севским воеводам, что «взяли ево во полон литовские люди в Путивле, как Рострига (Лжедмитрий I – прим. автора) стоял в Путивле». По словам Емельянова, в литовском плену он пробыл 18 лет. Для усиления конвоя Емельянова были прикомандированы

⁷⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 109. Л. 121-160.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 134. Л. 162-167.

⁸¹ См. например: АМГ. – Т. I. – Стб. 159.

⁸² См. Приложение 3.

⁸³ КР. – Т. II. – Стб. 916.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 1 Ч.1. Д. 105. Л. 110 об.

путивльские торговые люди Васька Быков и «Жаденков сын Пирожников», заявившие, что Кондрашка их земляк и «знакомец». По пути из Севска в Путивль Емельянов ночью сбежал из-под конвоя. После безуспешных поисков беглеца «окола стану» в радиусе нескольких верст путивльцы направились домой, а незадачливый Агейка, подобрав «Кондрашки зипунишка и лаптишка», вернулся в Севск. Словам казака в городе не поверили и до разбирательства бросили в местную тюрьму. Та же участь постигла и торговца Ваську Быкова, сопровождавшего вместе с Беляевым пленника до Путивля⁸⁵.

В целом, служба полковых казаков была более мобильна, чем остальных категорий служилых людей "по прибору". Мобильность обеспечивала наилучшую боеспособность при выполнении военных задач. Поэтому полковые казаки Севска часто использовались воеводами Севска для выполнения ответственных поручений.

§ 1.2.3. Служилые люди пушкарского чина

К служилым людям пушкарского чина относились: собственно пушкар, затынщики и воротники⁸⁶ (составляющие т.н. «строевые чины»), а также рассыльщики, казенные кузнецы, казенные плотники и сторожа – крепостные служители, «зеленые», колокольные, шорные мастера, пушечные «литцы», горододельцы, колодезники и чертежники⁸⁷.

В военное время полковых пушкарей направляли в армии, где они находились в ведомстве воеводы у «наряда» (артиллерийского подразделения). Оставшиеся в городах люди «пушкарского чина» обязаны были «в приход» неприятеля участвовать в обороне. В мирное время им поручалось дежурство возле артиллерийских орудий и пороховой казны. Севские пушкарки дежурили у орудий по двое, меняясь ежедневно⁸⁸.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 12. Л. 383-385, 389.

⁸⁶ Во второй половине XVII в. воротниками стала также часть пушкарских бобылей.

⁸⁷ См. Приложение 10.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 1. Ч.1. Д. 105. Л. 111-111 об.

Помимо этой обязанности, служилые люди пушкарского чина командировались воеводами на пушечные дворы, получали в арсеналах новые орудия и доставляли их в свои города. Пушкарки направлялись на заготовку и развозку зелья (пороха) и к изготовлению ядер. В городах, где не имелось воротников, кузнецов и плотников, их обязанности выполняли пушкарки – открывали-закрывали городские ворота, ремонтировали «наряд».

Пушкарки имели наибольшую хозяйственную свободу среди ратных людей городов-крепостей. Кроме службы они занимались торговлей и ремеслом. Так как вплоть до конца XVII в. категория посадских людей в Севске полностью отсутствовала (В отписках царю 1638 и 1646 гг. севские воеводы подчеркивали: «в Севске посадских людей нет»), торговлей и промыслами занимались слободские служилые люди «по прибору». Среди севских пушкарки в XVII-XVIII вв. встречались и те, кто имел кузнечное, сапожное, котлярское и прочее ремесло⁸⁹. Имелись также серебряники (мастера по серебрению)⁹⁰.

Как правило, пушкарская служба была потомственной. Однако достаточно часто в пушкарки прибирались люди из других сословий, преимущественно посадских и крестьян. Кроме новгород-северцев после окончания Смоленской войны 1632-1634 гг. в Севске появились пушкарки и затынчики из Стародуба. Местная администрация не успела обеспечить их земельным, хлебным и денежным жалованием, в связи с чем стародубские пушкарки и казаки стали объектом посягательств для «похолопления» (закрепощения) севскими детьми боярскими и дворянами. В конце весны 1635 г. переведенные из Стародуба пушкарки, затынчики и служилые казаки Федька Мотосов со товарищи просили царя не позволять дворянам и детям боярским насильно брать их себе в крестьяне. Стародубцы в своем коллективном прошении рассказывали, как, «помнячи ... государское крестное целованье и ... государскую хлеб-соль», вышли из отданного Речи

⁸⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 361. Ч. 1. Л. 287 об.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 12. Л. 59-60.

Посполитой города в Севск. Служилые люди просили царя дать им жалованную грамоту о непосягательстве на их свободу со стороны местных дворян и детей боярских, жаждущих «росташить по себе в крестьяне». Соответствующая грамота была получена 5 июня 1635 г. – ни в крестьяне, ни в холопы служилых людей не брать⁹¹.

Весьма распространенным видом государственной службы ратных людей по прибору была служба в качестве приставов, выполнявших полицейские функции. В Севске этим занимались стрельцы и в значительной степени пушкари. Приставы выполняли различные поручения воевод, а также ездили созывать крестьян в острожки и Севск на момент прихода неприятеля. Так, в начале февраля 1626 г. «перешли на ... государево имя» из Новгород-Северского села Ивот крестьяне – братья Давыдка, Васька и Гаврилка Андреевы «со товарищи» вместе с семьями. В 20 числах того же месяца рубеж перешли еще несколько семей ивотских крестьян. После крестного целования, крестьянам Давыдке Андрееву со товарищи, было велено подыскивать себе пустые места для поселения. Выбор крестьян остановился на починке Хинель Чемлыжского стана. Этот починок, как выяснилось, «запустел от вайны литовских людей тому лет з дватцать» - т.е. в Смуту. Новгород-северцам были определены льготы для дворового строения и земляной распашки. Однако севские воеводы Прокофий Воейков и Никита Власьев были обеспокоены тем, что Хинель находится слишком близко к границе. Существовавший порядок размещения на пашне выходцев из-за рубежа требовал селить их не ближе 50-70 верст от границы – «чтоб в том зарубежным людем Смута не учинилась». С целью «досмотра» места, в Хинель направился севский пушкарь Давыдка Долбин. Вернувшийся от крестьян, он сообщил, что починок находится всего в 30 верстах от Литовского рубежа, практически гранича с Рыльским уездом. По словам Давыдки, между почином и границей существовали еще несколько сел и деревень Чемлыжского стана. Севские воеводы приказали крестьянам искать

⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 109. Л. 399.

себе другое подходящее место для поселения – верст в 50 от рубежа. Все это вызвало возмущение у ивотских крестьян, была подана челобитная в Разряд. Приехавший с очередного досмотра из Хинели пушкарь Севка Бабичев, рассказал, что крестьяне уже поставили порядка 20 дворов с избами и клетями и завели пашню - по выражению самих переселенцев «в двух полях пашню переложную распахали». П. Воейков и Н. Власьев решили дать крестьянам время до государева указа, «пока пашенная пора минетца». Что удивительно, государев указ запретил сгонять выходцев с уже насиженного места, однако было велено впредь «зарубежных мужиков» сажать от рубежа верстах в семидесяти от рубежа⁹².

В силу острой нехватки денежных средств, распространенным видом жалования людям пушкарского чина было земельное. В 1643 г. севские пушкари и затинщики, «стародубские сведенцы» Пантелей Мотосов «со товарищи» (23 человека) били челом в Разряд, прося у царя «вместить [их] землями по окладом» на пустоши Коростовка, вместо денежного и хлебного жалования. Царь прошение пушкарей и затинщиков одобрил, из приказа Большого Дворца в Комарицкую волость путному ключнику⁹³ Федору Басову пришла соответствующая грамота: «велено ему, Федору, ту пустошь дать им со всеми угодьями вместо государева жалования» - денежного и хлебного. Помимо этого, Басов обязан был отмежевать эту пустошь от «сторонних земель». Однако ключник с задачей не справился, т.к. вскоре умер. Позже, в 1648 г., пушкари вновь просили наделить их землёй, к тому же на их места уже претендовали севские полковые казаки. Более того - «многих сел и деревень драгуны», севские служилые люди на пустоши косили сено и рубили дрова⁹⁴. Севские казаки Никиты Гуляева добились в съезжей избе очной ставки пушкарям. Гуляевым была предоставлена выписка из межевой книги «письма и меры» 1623 г., составленной Иваном Волынским и подьячим Петром Горемыкиным. Им же было заявлено, что

⁹² РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. Д. 17. Л. 142-143, 466-476.

⁹³ Представитель царской администрации в дворцовой волости.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 131. Л. 444-446.

пушкарки «стородубского выводу» били челом государю ложно. Казаки утверждали, что служат они с той земли государеву службу «без престани», без нее «служить... служба не з щеву», а денежного жалования не дают им «ни по единой денъги». Пушкаръ Василий Ломакин попросил обратить внимание на то, что в межевой книге И. Волынского и П. Горемыкина речь идет только о коллективном владении угодьями, среди которых «пашни паханые и перелогу и дикия дубровы и сенных покосов и лесу около Севска в ближних и дальних местех», а о пустоши Коростовка, и о владении ею казаками не упомянуто. Вдобавок ко всему Ломакин предоставил грамоту на владение пушкарями и затинщиками коростовской пустошью. Грамота имелась, но межевание растянулось на несколько лет.

Воеводоу было проведено расследование, в ходе которого опросили 690 крестьян Комарицкой волости. Опрашиваемые сообщили, что пустошь Коростовка Чемлыжского стана лежала «впусте лет с тритцать и больши и никто ею не владеет, и к деревне в угодье не приписаны». Только здесь, на Коростовке, севские дворяне, дети боярские, стрельцы, пушкарки, казаки и окрестных сел и деревень крестьяне сено косят и дрова секут, «а в тягло к крестьяном не отдано, лежит впусте». В Разряде посчитали показания крестьян и доводами Ломакина убедительными и приказали выехать на Коростовку с попами и крестьянами-старожилами, чтобы довершить межевание пустоши пушкарям и затинщикам: «от... дворцовых земель», учинить признаки и внести все это дело в межевые книги. Севским казакам вести здесь промысловую деятельность впредь воспрещалось.

За исключением основной ратной службы севские пушкарки были задействованы в разведке на территории прилегавших пограничных уездов Речи Посполитой. Ближайшим к Севску зарубежным городом был Новгород-Северский, где и происходил сбор сведений обо всем происходящем. Разведка (лазутчество) севчан была налажена на территории Новгород-Северского уезда с первых лет существования Севского острожка. В качестве лазутчиков в зарубежные города, как правило, посылались посадские

торговые люди. Поскольку вплоть до конца XVII в. прослойка посадских людей в Севске полностью отсутствовала, торговлей и промыслами занимались слободские служилые люди по прибору – преимущественно стрельцы и пушкари. Они же и вели разведку.

Главной задачей севских лазутчиков был сбор информации о положении дел в Речи Посполитой, включая информацию о сосредоточении военных сил противника в ближайших к московскому рубежу городах-крепостях. В отписке 1623 г. севский воевода Григорий Горихвостов жаловался об отсутствии в Севске разведчиков. Однако вскоре вопрос разрешился сам собой. 1 мая того же года к родственникам в Новгород-Северский собирались ехать пушкари Афонька Труфанов и Сенька Логвинов. Желая привлечь севчан к разведке, воевода велел им проведать обстановку за рубежом. По возвращении Труфанов и Логвинов привезли воеводе важные сведения о недавно прошедшем польском сейме и черкасах⁹⁵. Вести о том, что «ныне все [черкасы] в порубежных городех, ждут от короля указу» сильно обеспокоили администрацию Севска, тем не менее опасения были напрасны и ни во что серьезное на вылились. На рубежах по-прежнему было спокойно. Таким образом, А. Труфанов и С. Логвинов стали первыми севскими лазутчиками в Литве. Это подтверждается следующим сообщением воеводы Горихвостова: «А в Севску ж до приезда нас у прежних воевод из городовых из жилецких и уездных людей для вестей за рубеж знающих людей не выбрано никого». Далее Горихвостов спрашивает: «...и впредь о тех, которые учнут тебе, государю, служить, а в литовских городех проведывать вестей и твое государево жалованье и на подарок для вестей тем людям давать ли?» Государева грамота, привезенная в Севск казаком Гришкой Юргиним, одобрила идею Горихвостова⁹⁶.

В обязанности лазутчиков входил также сбор информации о положении православного населения на территории польского государства, религиозные

⁹⁵ См. Приложение 11.

⁹⁶ АМГ. – Т. I. – Стб. 164.

чистки которого будоражили пограничное русское население, искренне переживавшее за судьбу единоверцев в Речи Посполитой. Весной 1624 г. севские лазутчики, серебряники пушкарь Сенька Беляев и стрелец Федька Васильев, вернулись домой с новостями из Стародуба. Они слышали от торговых людей, что в Стародубе и Могилеве «крестьянские [христианские] церкви запечатали» (закрыли – *А.Р.*). Пришедший из Киева стародубский торговый человек Борзвычко Степанов, рассказал севчанам о кровавых столкновениях между православными и католиками на Киевской земле. Киевские казаки посылали к польскому королю делегацию из трех «лутчих» человек бить челом о том, чтобы тот не велел закрывать православные церкви. Король же не принял просьбу казаков и приказал их казнить, после чего прислал в Киев 17 человек «ксензов крестьянских церквей печатать». Отчаявшиеся казаки убили 10 человек ксендзов, а семерых, «привязав к лошадям ростоскали по полю». В ответ поляки убили 17 семей православных мещан в местечке Чернобыль. Борзвычко Степанов утверждал, что у «ляхов» с казаками был бой «за веру»⁹⁷.

О порядке сбора сведений севскими пушкарями-лазутчиками и о качестве разведанной информации свидетельствует следующий эпизод. В начале ноября 1624 г. в Новгород-Северский из Севска с разнообразными бытовыми товарами направили пушкаря-«торгового человека» Андрюшку Луханина. Там он был задержан местным урядником капитаном Счастливым Вишелем⁹⁸, который продержал пушкаря в городе больше месяца «и в Севеск из Новагородка не отпустил неведомо для чего». Домой Луханин вернулся только в январе. Как оказалось, причиной конфликта пушкаря с урядником стала сорванная торговая сделка, в ходе которой Вишелю не удалось

⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 12. Л. 59-60.

⁹⁸ С этой личностью мы еще не раз встретимся. По происхождению Вишель являлся поляком Мазовецкого воеводства, откуда и прибыл на первую службу в качестве капитана в Новгород-Северский (1623 г.). Здесь он прослужил до 1635 г. в чине хорунжего, с 1635 по 1641 гг. – подкомория. С 1624 по 1635 гг. – войт города Нежина. В 1631 г. – посол в Москву. Земельные владения: Борзна (480 десятин) – отписана в 1633 г. на Франтишека Вишеля; деревня Знобь (6 десятин) – в 1629 г. отписана Ю. Трубецкому. Сюда следует добавить село Безобразово и деревню Островки (*Кулаковський П.* Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618-1648). – Київ, 2006. – С. 404).

приобрести у Луханина товар по желаемой цене. В последствии пушкарь был «напрасно оговорен» новгород-северскими посадскими людьми Гришкой Киреевым, Федькой Почекаем и его «бабкой литовкой». Как считал Луханин, «научил (подговорил – *А.Р.*) их сам урядник». Посадские люди якобы слышали, как пушкарь в кабаке в их присутствии «лаел (ругал – *А.Р.*) короля и королевича». Посчитав это поводом к серьезному конфликту с севским воеводой, Вишель посадил Луханина «за пристава ... за гойдуки», где тот пробыл три недели. В обмен на свободу Счасный Вишель вымогал с пушкаря товар, и, в итоге, взял у севчанина 12 куниц ценою по 7 рублей каждая. После того, как Вишель вернулся из деловой поездки в Нежин, Луханин был выпущен на свободу. Помня о лазутческих обязанностях, севчанин узнал от знакомых жителей Новгород-Северского, что в городе, окрестностях и других «украинных литовских городех» воинских людей нет, кроме того, что в Гомельском уезде и Речицах стоят «Лисовчикова полку козаки»⁹⁹, где «вают литовские села и деревни». Об этом сообщили два поляка, направленные капитаном Вишлем в соседние города для разведки о численности и дальнейших планах казаков. По данным поляков, «собралось было козаков Лисовчикова полку три тысени человек, и собрався стояли в Речицком да в Гомском [Гомельском] уезде», откуда и разбежались «по городом». Также Луханин застал приезд в Новгород-Северский белорусских торговых людей из Могилева. Чтобы узнать про «збор литовских воинских людей и про моровое поветрие», севский пушкарь представился белорусам жителем Новгород-Северского. Могилевцы рассказали, что сбора воинских людей в Литве нигде не наблюдается, а также поведали о личности урядника Счасного Вишеля и об его «неправде» в дипломатических и торговых делах «противно мирному постановленью»¹⁰⁰.

⁹⁹ Казаки полковника Александра Юзефа Лисовского, известного авантюриста Смуты. Не смотря на смерть Лисовского в 1616 г., его соратники продолжали именовать себя «лисовчиками» в память об их атамане. Позднее лисовчики отличились на полях сражений в Речи Посполитой, Австрии, Пруссии, Ломбардии и Чехии.

¹⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 14. Ч. 2. Л. 402-411.

Наиболее частые посылки лазутчиков из Севска в соседние города Речи Посполитой приходится на время начала выступления украинских казаков против польской администрации. Севскими пушкарями были собраны вести о восстаниях казаков и мещан в Новгород-Северском уезде против шляхты, осаде Стародуба, намерениях украинского населения в массовом количестве переселиться в пределы Русского государства, о поражениях польских войск в битвах с казаками Богдана Хмельницкого¹⁰¹.

Итак, севские служилые люди «пушкарского чину» являлись важнейшей составляющей местного гарнизона. Без городской артиллерии не обходилась ни одна южнорусская крепость, тем более на таких опасных рубежах, как «литовский». Опытные пушкари достаточно высоко ценились местной администрацией. Обладая большей нежели у прочих ратных людей хозяйственной свободой, пушкари занимались торговлей и разнообразными промыслами. Это позволяло воевод Севска активно их к разведке на территории соседних уездов Речи Посполитой. Несмотря на слухи, распространявшиеся в разное время на территории Речи Посполитой, в т.ч. и о сосредоточении крупных отрядов запорожских казаков, с 1620 г. и до начала Смоленской войны в 1632 г. никакой опасности в плане вооруженного вторжения сил неприятеля Севск и Комарицкая волость не испытали. Связано это в первую очередь с действием сроков деулинского перемирия. При всем этом, воеводы должны были жить в Севске с «великим бережением» (большой опаской), местные казаки, стрельцы, пушкари и даточные крестьяне находиться в состоянии полной боеготовности. К концу XVIII в. они вместе с воротниками, затинщиками и фитильными мастерами окончательно слились в одну категорию служилого населения – пушкари.

¹⁰¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. 1648-1651 гг. – Т. II. – М., 1953. – С. 48, 51, 52, 53, 77, 80, 134, 201, 216.

§ 1.2.4. Выходцы из Стародуба и Рославля: дети боярские и дворяне

Дворцовая Комарицкая волость, удаленная от столицы и центральной власти, издавна привлекала к себе различный вольный и гулящий люд, среди которого были не только крестьяне, уходившие сюда в поисках лучшей доли и большой хозяйственной свободы, но и боевые холопы, дворяне и дети боярские. Этот факт косвенно подтверждают сказки 1651 г. детей боярских недавно сформировавшегося «служилого города» Олешни. Некто Григорий Игнатьев сын Захаров писал, что отец его служил по Козельску в детях боярских, а сам он в Севске жил в «гулящих людях». В тех же послужных списках среди «новоповерстанных» детей боярских Олешни значатся два его сына – Самсонко и Аникейко. Новгород-северец Сергей Черноусов «живал» в государевой Комарицкой волости, пока в Олешне не поверстался в дети боярские¹⁰².

На положении приборных ратных людей в Севске селились также и черниговцы. Так, в 1634 г. севский казак Юрий Позняков был поверстан в свое «вековое» (родовое) состояние – дети боярские. Как сообщил сам Юрий, «отец ево служил по Чернигову з детьми боярскими ..., [а он, Позняков,] по бедности [в первую очередь беспоместной] служил ... в Севску в козаках», участвовал в Борзенском походе и сидел в осаде во время неприятельских приступов¹⁰³.

Собственной корпорации «служилого города» в Севске, традиционной для порубежной крепости, не сформировалось. После 1634 г., здесь появились дворяне и дети боярские, переселенные из занятых Речью Посполитой городов Стародуба¹⁰⁴ и Рославля¹⁰⁵.

¹⁰² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 374. Л. 51, 52, 55.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. Д. 255. Л. 250-250 об.

¹⁰⁴ Он же «Стародуб-Северский». В настоящее время город Брянской области. Известен с XI в. В первой половине XVI в. неоднократно подвергался нападениям и разорению поляков. Первым известным источником по персональному составу стародубского «служилого города» следует считать их список в обыскных речах жителей Стародуба 1617 г., составленных в связи с обвинением воеводе Александру Нагому в переписке с литовскими людьми (*Поклонский Д.Р.* Стародубская старина XI-XIX вв. – Кн. 3. – Клинцы, 2005. – С. 117).

¹⁰⁵ Ныне находится в Смоленской области (53°57'00" с. ш. 32°51'00" в. д.). Расположен на левом берегу р. Остёр (приток р. Сож, впадающего в Днепр). Первое упоминание – 1137 г., возник в земле восточнославянского племени радимичей. В XVI в. одна из важнейших крепостей на западе Московского

По условиям Деулинского перемирия Московское государство должно было вывести ратных людей за пределы территорий, вошедших в состав Речи Посполитой¹⁰⁶.

В 1621 г. 222 сына боярского из Стародуба и Рославля были сведены в Брянск, а оттуда в далекий Алатырь на р. Сура. Некоторая часть стародубского «служилого города» переселилась в Карачев. Находясь в Алатыре, эти сведенцы жаловались, что, будучи «сосланы на Олатар», окончательно разорились, на местах были оставлены семьи, которые голодали, а их крепостные крестьяне разбежались. В 1623 г. к стародубцам и рославцам были отправлены их семьи, для 87 человек построили дворы, обеспечили денежным и хлебным жалованием¹⁰⁷.

После того, как истек срок 14,5-летнего Деулинского перемирия, в августе 1632 г. началась кампания за возвращение в состав Московского государства Смоленска, Северских городов, а также Себежа и Невеля. Выведенные из «отдаточных»¹⁰⁸ городов Новгород-Северского, Чернигова, Почепа, Стародуба и Рославля дворяне и дети боярские призвались в полки. Сведенцы были в основном сосредоточены в ратях брянского и севского воевод Андрея Зиновьева, Никиты Оладьи́на, Баима Болтина и Ивана Еропкина, а также в отрядах прочих начальных людей т.н. «Северского

государства «от Литовского рубежа», объект территориальных притязаний Речи Посполитой. Любопытные сведения о «служилом городе» Рославля XVI в. содержит Масловский архив, см. Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – Кн.2 (257). – М. 1916. – С. 1-128.

¹⁰⁶ Примечательно то, что далеко не все дворяне и дети боярские покинули города, которые должны были отойти польской стороне. Так, в 1620 г. в Стародуб прибыли польские комиссары «на ординацию замков, от Москвы рекуперованных», а также для «отбирания замков северских от Москвы, так же и для ревидования прав от людей стану духовного, яко и дворян, сынов боярских, яко зачим хто всякие добра ойчизне и поместья держит». До нас дошли две грамоты, выданные Балтазаром Стравинским и Войцехом Глембовским детям боярским Рубцам и Борозднам (Борозниным). В последствие Рубцы, Бороздны и Поздняковы вошли в состав казацкой старшины Стародубского полка, занимая здесь должности сотников и значковых товарищей (*Лазаревский А.М.* Описание старой Малороссии. Материалы для истории, заселения, землевладения и управления. Полк Стародубский. – Т. I. – Брянск, 2008. – С. 21). Имеются также сведения о дворянах Черниговского и Новгород-Северского уезда. См. *Флоря Б.Н.* Сведения о землевладении русских дворян конца XVI – начала XVII в. в материалах Литовской метрики. Русский дипломатарий. – Вып. 7. – М., 2001. – С. 403-415.

¹⁰⁷ *Кочетков В.Д.* Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI-XVIII вв. – Чебоксары. 2012. – С. 115; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 8. Л. 65-66; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 18. Л. 60.

¹⁰⁸ Т.е. отданных по мирному соглашению Речи Посполитой.

похода»¹⁰⁹ под Трубчевск, Новгород-Северский, Почеп и Стародуб. Целью данного похода для дворян и детей боярских стало возвращение собственных поместий¹¹⁰.

В целом кампания «Северский поход» была вполне успешной для Москвы. Однако неудачные боевые действия русского войска под Смоленском предопределили повторную сдачу западных пограничных земель Речи Посполитой в 1634 г. Как только города Стародуб и Рославль вновь отошли к польской «коруне», служилые люди снова были переведены в пограничные города Московского государства, на этот раз не только в Брянск¹¹¹, но и Севск¹¹².

Место для переселения дворян и детей боярских было выбрано не случайно. Выдержав двухнедельную осаду двадцатитысячного войска кн. Иеремии Вишневецкого, «польного гетмана» Николая Жолкевского, черкас гетмана Ильяша и Яцко Острянина в марте 1634 г. и успешно отразив все атаки противника, этот жилой острожек в Брянском уезде получил статус важного стратегического оборонного пункта на южных рубежах Московского государства¹¹³. Правительство Михаила Федоровича не замедлило принять меры по укреплению оборонного значения Севска.

Точных сведений о численности в Севске стародубских и рославских детей боярских в первые годы после Смоленской войны нет. Разрядная книга 1635 г. дает следующие сведения: стародубцев и рославцев 125 человек¹¹⁴. В 1636 году стародубцев - 111, рославцев – 53 человека¹¹⁵. Однако, к 1647 г. их общая численность составляла уже 236 человек. Поместный оклад служилым

¹⁰⁹ Так именовалась данная военная кампания еще в эпоху современников.

¹¹⁰ *Ракитин А.С.* Северский поход 1632-33 гг. // Военно-исторический журнал. – 2011. – №9. – С. 63-68; *Ракитин А.С.* Роспись полоняников, взятых рылянами во время Северского похода 1632-1634 гг. // Рыльск и рыляне в отечественной и зарубежной истории и культуре. Сборник материалов межрегиональной научной конференции. – Рыльск, 2011. – С. 37-52.

¹¹¹ КР. – Т. II. – Стб. 807. В 1635 г. по разрядным книгам в Брянске числилось: стародубских детей боярских – 30 человек, рославцев – 80.

¹¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 231.

¹¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 70-75; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 110. Л. 6-7; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 181; Там же, Л. 348-356; Там же, Л. 348-356; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 69-100.

¹¹⁴ КР. – Т. II. – Стб. 873.

¹¹⁵ Там же. – Стб. 916.

людям Стародуба и Рославля в Севске не предполагался. Сохранились сведения об их денежном окладе, который равнялся 10 рублям. По списку 1647 г. в Севске детей боярских стародубцев и рославцев 236 человек имели оклады по 10 рублей¹¹⁶.

Тем не менее, положение дворян и детей боярских в Севске оставалось тяжелым, сказывалось отсутствие поместных окладов и крестьян. В 1647 г., по прошествии 13 лет после выхода из Рославля «служилого города» в русские города, беспоместные дети боярские, проживающие в Севске и среди крестьян Комарицкой волости, подали коллективную челобитную с просьбой о переводе их в новый город Бобрик: «в Севске ... жить не с чево, земли и сеножате и никокова угодыя ... нет, ... з женишками и детишками волочимся промеж двор по Комарицкой волости скитаючи» - писали они¹¹⁷.

В ожидании распоряжений по участию в военных походах, стародубцам и рославцам надлежало постоянно жить в Севске, где им были отведены дворы, никуда не съезжая. Тем не менее, этим правилам следовали далеко не все. В январе и марте 1644 г. севский воевода должен был провести расследование, «отписать в Севске: дворяня и дети боярские северных [северских] городов» - живут ли они в этом городе. Как выяснилось Никифором Нащокиным многие из них «в Севску не живут и государевой службы со своими товарищами не служат»¹¹⁸, имеют поместья в Серпейском, Рыльском, Карачевском уезда, «а иные беспомесные живут в Корачевском и во Брянском уездах у племяни (родственников – прим. А.Р.)». По общим подсчетам в Брянске жили 18 человек, в Серпейске испомещены 11 человек стародубцев и 27 человек рославцев¹¹⁹.

При этом некоторые дети боярские из Стародуба и Рославля жили на дворцовых землях Комарицкой волости, не находясь в службе с момента их выхода в 1634 г. и практически слившись с местным крестьянским

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 59.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 262. Л. 274.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 123.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. Д. 255. Л. 32, 148 об – 149.

населением. Однако, некоторые обстоятельства, в первую очередь опасения попасть в крепость, побуждали их подтверждать свое происхождение. Так, после пожалования в 1741 г. С.Ф. Апраксину в Севском уезде 14058 душ обоего пола, выяснилось, что в деревне Тросна Брасовского стана Комарицкой волости проживает крестьянин Никита Дубровский с сыновьями Данилой и Василием, пожелавшие стать севскими купцами. Два его других сына – Иван и Герасим проживали в деревне Ивачево Чемлыжского стана. Пытаясь избежать закрепощения, Дубровские сообщили о своем деде, что был он «прежних служб» дворянин из Стародуба. Позднее, Никита Дубровский рассказал, что отец его был записан в комарицкой деревне Ивачево¹²⁰ «на пустой жеребей» наряду с другими выходцами из Стародуба «ис казаков и стрельцов, ис пушкарей и ис площадных подьячих»¹²¹. Тем не менее, процесс оседания отдельных детей боярских на дворцовых землях, а также их «окрестьянивание» происходил и в начале XVIII столетия. Так, был положен в подушный оклад села Сетное Севского уезда братья Шалимовы – Иван и Федор Дементьевичи, ранее служившие в Севске городовую службу в детях боярских¹²².

Итак, на определенное время (с 1634 по 1648 гг., до момента переселения большей их части в город Бобрик) выходцы из Стародуба и Рославля фактически сформировали корпорацию «служилого города» в Севске. Однако, поселенные тут на время, они продолжали поколениями идентифицировать себя со стародубцами и рославцами, ожидая возможности вернуть утраченные их предками поместья¹²³.

¹²⁰ Указаний на их сословную принадлежность не имеется – записаны как обычные дворцовые крестьяне (РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д. 3027. Л.201). В другой ревизской сказке 1722 г. есть такая пометка: «родом города Севска стародубцы, по указу Его Императорского Высочества из Москвы из Розряду велено ему [Никите Иванову сыну] Дубровскому быть на тегле в оной деревне Ивачевой» (РГАДА. Ф. 350. Оп.2. Д. 3023. Л. 374, 375).

¹²¹ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. – М., 1999. – С. 258-260. Подробнее о деле: РГАДА. Ф. 248. Оп. 39. Д. 2491. Л. 76.

¹²² РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3023. Л. 55 об.

¹²³ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.1089. Л. 255.

§ 1.3. Роль крестьянского населения Брянска и Севска в обороне уезда и волости

Южнорусское крестьянство Московского государства (дворцовое, монастырское, вотчинное, частновладельческое) в XVII столетии активно привлекалось к ратной службе. Различали осадную службу (на время осадного положения), и постоянную, посредством прибора населения в служилые люди: драгуны, полковые казаки, стрельцы, пушкарники и т.п. Подобные традиции существовали во многих порубежных уездах и волостях юга России: в Верхоценской волости Шацкого уезда, посопной волости Белгородского уезда.

Крестьяне Комарицкой волости, проживавшие на пограничной территории, при постоянной угрозе нападения татар, издавна имели некоторые навыки ратной службы. С середины 20-х гг. XVII в. комаричане служили в Брянске и Севске. В Брянске отбывали ратные повинности жители Брасовского и Глодневского станов, а в Севске – Чемльжского и Радогожского. Отбор крестьянами даточного человека в Севск и Брянск, по всей вероятности, осуществлялся посредством жребия, из числа наиболее подходящих для ратного дела молодых и среднего возраста людей. Однако многие комаричане, не желавшие добровольно идти в службу, посылали вместо себя другого человека – бобыля, половинщика, третчика и т.п. В воеводской отписке 1631 г. даже отмечалось, что крестьяне 10-й доли Чемльжского и Радогожского станов, пришедшие на службу в Севск – гулящие батраки и молодые «робяты», «которые к бою не пригодятца»¹²⁴. Однако были среди них и «охочие люди», стремившиеся попасть на службу в стрельцы, казаки и пушкарники близлежащих городов. Известен случай, когда в 1623 г. крестьянин Лукашка Климов, задержанный севским воеводой после того, как пытался ехать «на Дон в козаки», решил записаться в курские стрельцы. Не получив одобрения местного воеводы, Лукашка отправился в Рыльск, но и там по каким-то причинам поступить на службу ему не

¹²⁴ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Д. 46. Л. 560-570.

удалось¹²⁵. Нередко комарицкие крестьяне уходили в Запорожье и на Дон. 2 февраля 1635 г. в севскую съезжую избу с вестями о событиях в Речи Посполитой прибыл крестьянин деревни Сергеевой Оношка Троянов, который рассказал о встреченном в «литовском городе» Черкасы земляке – крестьянине из деревни Вежонки той же волости Ивашке Васильеве. Как оказалось, он «сшел на Дон в козаки лет з 20 и з Дону вышел в Запороги, а из Запорог в городок в Черкасы»¹²⁶.

Вооружение даточных крестьян Комарицкой волости было представлено луками, саблями, рогатинами, ослопами (деревянными палицами), бердышами. Реже встречалось огнестрельное оружие – кремневые пищали. Приобреталось оно посредством мены и продажи. Иногда волость получала пищали из Пушкарского приказа. Судя по списку комарицких крестьян Брасовского и Глодневского станов, составленному по опросу старост и целовальников в 1629 г. - «кто и с каким боем должен быть в Брянске в осадное время», условное соотношение крестьян, вооруженных пищалями и крестьян, вооруженных рогатинами практически 50/50. В деревне Осоцкой Брасовского стана крестьянин «Сенка Жилин в сагодаке и с пищалью». Саблями были вооружены крестьяне, а также привлеченные к осадной службе бобыли, вероятно выставленные зажиточными крестьянами вместо себя¹²⁷. Таким образом, оснащение холодным и огнестрельным оружием дворцовых крестьян Комарицкой волости накануне Смоленской войны ничем не уступало вооружению стрельцов, казаков и пушкарей прочих окраинных городов.

Отряды даточных людей, определенных на службу в Брянск и Севск, возглавлялись головами из числа наиболее авторитетных в сельской среде крестьян. Как свидетельствуют документы, им предоставлялись широкие права на самоуправление. Так, зимой 1631 г. голова даточных людей Ф. Бохин открыто игнорировал указания воеводы: не ходил ночевать в

¹²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 14. Ч. 1. Л. 245.

¹²⁶ ВУСР. – Т. I. – С. 147.

¹²⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 78. Л. 136-173.

съезжую избу, запрещал комаричанам стоять на караулах в указанных местах вместе с севскими служилыми людьми. Тот же Бохин собирал своих людей на круг (военный совет), где вместе со священниками составлял челобитные об отказе его отряда стоять на караулах, ночевать в остроге и о смене срока службы: «а переменятца им по неделям, а не помесячно, а мне, [воеводе] их, даточных, не смотреть и не дозировать» - резюмировал воевода¹²⁸. Понимая всю необходимость укрупнения штата севского гарнизона на случай осады, воеводы шли на разнообразные уступки даточным людям волости.

Н.Б. Шеламанова предположила, что традиции осадной службы в Комарицкой волости могли зародиться еще в конце XVI в. или накануне Смутного времени¹²⁹. В частности это подтверждается следующими разрядными записями. В 1603 г. власти отправили в Комарицкую волость приказного человека: «во Брянском уезде в Комаритцкой волости голова Иван Нарматцкой». Через некоторое время для борьбы с отрядами Лжедмитрия I волость должна была выставить 500 даточных, чего сделано не было. Комарицкие крестьяне сами схватили И. Нармацкого и выдали его бунтовщикам¹³⁰. В 1604 г. попытка набрать даточных повторилась: «и в Новгороде [Северском] были воеводы: боярин князь Никита Романович Трубецкой, да околничей Петр Федорович Басманов, да князь Яков Петрович Борятинской, да князь Григорей Иванович Гагарин, да головы Елизарей Данилов сын Бартенев; да головы з да[то]шными людьми: Ондрей Матвеев сын Воейков, Иван Петров сын Биркин, Ондрей Бунаков, Борис Угримов, Данило Яблочков, а с ними комаричан по пятьсот человек, да с московскими людьми з стрелцами Ратман Дуров»¹³¹. Даточные люди были включены в состав сотен для отражения атаки неприятельских отрядов Лжедмитрия I.

В 1627 г. царским указом жители Брасовского и Глодневского станов переводились по службе в Севск: «на Никольской башне в Брянске 113

¹²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 46. Л. 560-570.

¹²⁹ Шеламанова Н.Б. Указ. соч. – С. 195.

¹³⁰ Скрынников Р.Г. Указ. соч. – С. 189.

¹³¹ Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. – Л., 1949. – С. 111.

человек Комарицкие волости Глодневского и Брасовского стану даточных людей (с 1144 дворов 10-я доля¹³²). И те даточные люди по государевой грамоте из Брянска взяты и велено им быти в Севску»¹³³. Вместе с комаричанами в то время здесь несли осадную службу крестьяне двух посопных слободок Брянска¹³⁴.

В апреле 1630 г. даточные люди Чемлыжского и Радогожского станов (10-я доля с 2065 дворов) были расписаны по своим «осадным» местам, т. е. там, где им полагалось находиться во время боя¹³⁵. На случай осады Севского острога комаричане распределялись по следующему предписанию: «довелось в нижней бой [в нижнее ярусы острога] на 2 сажени по 1 человеку с пищальми, а в верхней бой на 4 сажени по 1 человеку с пищальми и на 2 сажени по 1 человеку с рогатины»¹³⁶. Во время осады севский воевода должен был включить в систему обороны также вооруженных родственников даточных крестьян: «а Комарицкие волости крестьян и детей их и братьи и племянников и захребетников, тако не учнут ослушатца и да приходу воинских людей успеют прибець в Севск в осаду, и их доведетца в нижней бой без чети на сажень по одному человеку с пищальми, а в верхней бой доведетца на сажень по семь человек слишком с рогатины». С этого времени даточные крестьяне обязаны были служить здесь переменяясь каждые два месяца. В мае того же года воевода Севска Степан Стрешнев велел даточным крестьянам Чемлыжского и Радогожского станов приступить к постройке изб и клетей в малом и большом острогах «и запасы всякие в городе держать [на случай осады]». Особые предписания касались оружия: «и для осадного времени были у них, крестьян, пищали, [топоры] и рогатины, и никаков бы человек в осадное время в Севску без ружья не был». Плюс ко всему даточному человеку полагалось иметь при себе «по два фунта зелья (пороха)

¹³² КР. – Т. II. – Стб. 275.

¹³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 78. Л. 136-173, 194.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 24. Л. 215-285.

¹³⁵ КР. – Т. II. – Стб. 277.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 46. Л. 517-525.

да по фунту свинцу». Общее число даточных крестьян в Севске в то время составляло 225 человек.

В январе 1631 г. в службе крестьян вновь произошли изменения. Они были вызваны истечением сроков Деулинского перемирия, подписанного в 1618 г. Отныне даточные люди были обязаны служить в Севске и Брянске без перемены целый год с запасами, обзавестись которыми требовалось «вскоре, безо всякого переводу». Прибор в службу продолжал проходить по принципу десятой доли (один человек с десяти дворов): в Севске (Чемлыжский и Радогожский стан) – 225 человек, в Брянске (Брасовский и Глодневский) – 115 человек¹³⁷. Детей, братьев, племянников и захребетников у этих крестьян в обоих станах числилось 511 человек с пищалями, 2924 человека с рогатинами. Итого последних - 3435 человек (всего крестьян в Севске – 3775)¹³⁸.

Присутствие вооруженных крестьян в Брянске в стратегическом плане оказалось к месту. В конце июля 1631 г. воеводы Вязьмы Роман Пожарский и Иван Колтовский писали в Брянск Василию Ромодановскому о полученных из Польши «вестях». По их словам, посадский человек Дорогобужа Ивашка Меньшой Аминев, приехавший в Вязьму, рассказал воеводам о подготовке запорожских черкас к нападению на Брянск. По слухам, в городе Нежине стояли запорожцы, численностью «тысеч з десять» и были готовы идти «изгоном» (быстрым рейдом) в Брянск на Свенскую ярмарку. Разрядный приказ распорядился наскоро укрепить осаду Брянска, отправить в литовские города лазутчиков с целью узнать: действительно ли черкасы намереваются идти в русские города, а на саму ярмарку послать голов с сотнями, дворян, детей боярских вместе с брянскими и московскими стрельцами. На ярмарке же было велено «торговать смирно, безо всякой смуты»¹³⁹. Однако, нападения не произошло.

¹³⁷ АМГ. – Т. I. – Стб. 304.

¹³⁸ *Сташевский Е.Д.* Указ. соч. – С. 270.

¹³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 48. Л. 301-305.

В 1632 г. число даточных людей составило 197 человек с 403 вытей¹⁴⁰. Раскладка по станам была в 1632 г. следующей: Глодневского стана – с 71 выти 32 человека, Брасовского стана – с 57 вытей 28 человек, Чемлыжского стана – со 117 вытей 58 человек, Радогожского стана – со 158 вытей 79 человек¹⁴¹.

В разрядных книгах даточные люди осадной службы в Севске присутствуют до 1635 г. включительно – с 403 вытей 197 человек¹⁴². С 1639 г. крестьяне двух станов - Глодневского и Брасовского - вновь продолжили отбывать ратные повинности в Брянске. По сообщению брянского архиепископа, в марте 1643 г. глодневские и брасовские крестьяне «приписаны были в помочь для городского дела и для осадного времени» к Брянску, помогая жителям города восстанавливать обветшавший острог¹⁴³.

В целом, служба крестьян в гарнизонах порубежных городов была малоэффективной. Оторвать крестьянина от хозяйства и сделать служилым человеком, пусть даже временным, было крайне тяжело. Отсутствие дисциплины, низкий уровень военной подготовки, несистематичность в организации сборов головами даточных людей в совокупности давали плохие

¹⁴⁰ КР. – Т. I. – Стб. 673. Понятие «выть» первой половины XVII в. не являлась фиксированной облагаемой (окладной и счетной) единицей и напрямую зависела от размеров и качества крестьянских сельскохозяйственных угодий. Как правило, одно село делилось на несколько вытей. Так, для государственных крестьян XVI в. выть равнялась 10 четвертям «доброй» (хорошей, плодородной) земли, 12 четвертям «средней», 14 четвертям «худой» (малопродуктивной) земли. В 1620-30 гг. для монастырских земель вводится новая единица – «живущая четь» (четверть). Под «жилой» («живущей») четвертью подразумевалась населенность земельного надела и способность ее нести тягло. В ряде регионов подати с выти сводились к подушному, подворному характеру обложения. Как правило, выть исчислялась уже не размерами земельных наделов, а числом крестьянских и бобыльских дворов, способных нести тягло. Тем не менее, для «живущей чети» также не существовало конкретного определения, размер ее соотносился с одним из восьми учрежденных разрядов. Так, в тех же 1620-30 гг. разрядный размер варьировался в зависимости от степени прежнего разорения земель Русского Севера и южного порубежья, соответственно в разной степени пострадавших во времена Смуты. Первый разряд «живущих четей» включал в себя два крестьянских и два бобыльских двора, восьмой – 12 крестьянских и 8 бобыльских. Двор среднего по достатку крестьяни на Комарицкой волости мог включать несколько семей, проживающих в отдельных «особых» избах. Помимо этого, во дворах местных крестьян проживали всякого рода «задворные, затыглые» люди: подсоседники, свойственники (зятя, шурины), захребетники, дольники (дольщики) в лице половинщиков, третников (или третчиков), а также складников и т.п. Все упомянутые группы местного населения не только несли часть тягла, но и отбывали ратные повинности. Сведений о том, какое число дворов служилых людей составляли выть, нет. Имеются сведения только о ямщиках: восемь человек на выть (Шевцов В.В. Историческая метрология России. – Томск, 2007. – С. 145, 148; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 931. Л. 124-128).

¹⁴¹ КР. – Т. I. – Стб. 732.

¹⁴² Там же. – Стб. 810.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 127. Л. 444-445; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 58. Л. 311-314, 560-569, 576-578, 590-595.

результаты. К примеру, в отписке 16 декабря 1630 г. воевода Севска Степан Стрешнев жаловался, что крестьяне начали ставить клетки гораздо позже намеченного срока в разгар слухов о готовящемся нападении из Речи Посполитой только 20 ноября, «и то немногие люди, а запасов никаких декабря по 4 число не приваживали». Кроме того по вестям об активности врага в соседних уездах, комарицкие крестьяне, как это им и было велено, не приходили в Севск с женами и детьми переждать возможную осаду, «смотря на свою братью, Глодневскаго и Брасавскаго стана на крестьян», служивших в Брянске, т.к. там крестьяне изб и клетей также не ставятели. Брянские воеводы Федор Бутурлин и Тимофей Поливанов распустили на время глодневских и брасовских даточных крестьян по домам, их голова – Алексей Пустобояров, игнорируя свои служебные обязанности, находился для поручений не в Брянске, а жил в Глодневском стане. «А из-за рубежа вести про воинских людей объявляются почасту, что литовские люди, поляки и запорожские казаки стоят в собранье и хотят приходить украдом под ... государевы украинные города» - констатировал воевода Стрешнев. Однако государева грамота от 15 декабря предписывала и впредь требовать с комарицких мужиков «подымовные ратные люди с пищальми и с рогатины» и наказывала продолжать ставить клетки и избы в острогах¹⁴⁴.

Незаинтересованность даточных людей из крестьян Комарицкой волости в ратной службе в условиях непрерывной борьбы с противником, низкий уровень их боевой подготовки и дисциплины способствовали тому, что воеводы вскоре отказались от их услуг, и они вновь могли возвратиться к своему хозяйству.

§ 1.3.1. Сторожевая служба

После того, как Севский острог был построен на древнем городище, возник вопрос об организации в его окрестностях сторожевой службы. Включать новый город в систему уже имевшихся к тому моменту российских

¹⁴⁴ АМГ. – Т. I. – Стб. 297.

сторож необходимости не было, т.к. сторожевая и станичная служба существовали в соседних, более близких к степи, уездах – Путивльском и Рылском. По росписям 1623 г. ближайшими к Севску тремя путивльскими сторожами были те, что стояли «от Новагородка Северскаго по речке Клевени и по рубежу от Путивля 10 верст». Восток Комарицкой волости прикрывала курская 22-ая сторожа «на реке на Усожи от города от Курска верст с 70, а видит с нее версты с три, а проезду с ней в Рылской уезд до села Гнань¹⁴⁵ верст с 30»¹⁴⁶.

Сторожи в Комарицкой волости учреждались в приграничных селениях близ «литовского рубежа» - т.е. на границе с Речью Посполитой¹⁴⁷. Первые сведения о сторожах в Комарицкой волости можно обнаружить еще в начале 20-х гг. XVII столетия, т.е. фактически после постройки Севского жилого острога¹⁴⁸. В ту пору прерогатива сторожевой службы была возложена преимущественно на полковых казаков, что стояли «от литовского рубежа на заставах и на Свиной дороге»¹⁴⁹. Появившиеся в Севске дворяне и дети боярские из Стародуба и Рославля также были включены в систему сторожевой службы. В разрядных книгах за 1636 г. указывалось, что: «на сторожах от литовского рубежа стоять в 5 местех на Соснитцкой да на Орлинской, и на Берестовской, и на Стародубской, и на Карастовской детей боярских по 2 человека, казаков по 2 человека ж. Обоего на стороже по 4 человека. Всего на сторожах стоять по 20 человек переменяя понедельно»¹⁵⁰.

Итак, в Севском уезде существовали Орлинская, Добрунская, Берестовская, Стародубская, Коростовская и Сосницкая сторожи. Локализация почти всех из них возле одноименных населенных пунктов не

¹⁴⁵ Ныне село в Железногорском районе Курской области.

¹⁴⁶ *Беляев И.О.* сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846. – С. 70-74.

¹⁴⁷ Имеются сведения о подобных сторожах и в Брянском уезде – по Трубчевской дороге, на Почепской заставе и т.п. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 138).

¹⁴⁸ См. Приложение 13 (карта 1).

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 152.

¹⁵⁰ КР. – Т. II. – С. 916.

вызывает сомнений, за исключением Стародубской. По мнению Д.О. Святского, озвученного в работе «Историческое описание городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости», данная сторожа могла находиться возле деревни Страчово, где автор так же помещает еще одну сторожу, о существовании которой он слышал от местных старожилов - Страховскую¹⁵¹. Однако на наш взгляд отождествление Страховской и Стародубской сторож не совсем верно: деревня Страчово отошла от Новгород-Северского уезда Речи Посполитой к Комарицкой волости лишь после 1644 г., в то время как Стародубская сторожа присутствует в источниках гораздо раньше. Страховской сторожи также не зафиксировано в документации XVII в¹⁵². Д.О. Святский, говоря о стороже в селе Орля, обращается к некой утраченной грамоте времен царствования Петра и Иоанна Алексеевичей на церковную землю на берегу р. Марицы: «А межа той земли... да по Орлинскую сторожу»¹⁵³. Вероятно, в данном случае под сторожей подразумевается некий природный объект, место прежнего дозорного пункта.

Обязанность сторожевой службы распространялась не только на гарнизонных ратных людей, но и дворцовых крестьян Комарицкой волости, предписывая последних к совместным действиям по дозору в окрестностях родных сел и деревень. Не миновала сторожевая повинность и монастырских крестьян, селения которых хотя территориально и находились анклавом в Комарицкой волости, однако административно относились к ведомству Печерского Свинского монастыря Брянска, его Прикладенской волости. Такими селениями являлись: Невдольск, Устарь, Ефимовичи (Ефимичи), Павловичи (село и деревня), Тарлопово, Безгодково и Кукушкина слободка. Характерный случай, наглядно иллюстрирующий деятельность людей, привлекаемых к сторожевой службе – как ратных людей Севска, так и

¹⁵¹ Святский Д.О. Историческое описание городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. – Орел, 1908. – С. 46.

¹⁵² Кулаковський П. Указ. соч. – С. 211.

¹⁵³ См.: Святский Д.О. Указ. соч. – С. 46.

волостных крестьян, произошел осенью 1624 г. Севские служилые люди - пушкарь Пашка Беляев и казак Алешка Беляев были поставлены на сторожу в монастырской деревне Павловичи (западная граница Севского уезда) в одном отряде с местными крестьянами Лучкой Ильиным и Макарьей Ситниковым. Полученные сторожевыми людьми сведения о частых посещениях крестьянином деревни Шепетлевой Федькой Мильцом села Алешковичи, вызвали подозрения. Село Алешковичи в это время находилось в Новгород-Северском уезде Речи Посполитой, хотя традиционно тяготело к дворцовой Комарицкой волости¹⁵⁴. С целью поиска Ф. Мильца Беляевы и монастырские крестьяне направились в деревню Шепетлево. Здесь они застали крестьянина «у Свиридка Микифорова на дворе». Бдительные сторожевые люди учинили допрос: с какой целью собираются вместе тайно и ходят в Новгород-Северский уезд, в Алешковичи. Внятного ответа получено не было, крестьяне мотивировали пересечение государственной границы тем, что их скот ходит пастись на литовскую сторону, а та, соответственно, на русскую. Из этого следует, что сторожевая служба севских ратных людей и крестьян совмещала как функции караульные, так и полицейские. Очевидно, что действия сторожевых людей из монастырских крестьян контролировались не севским, а брянским воеводой¹⁵⁵.

Редкие сведения о сторожах в Комарицкой волости появляются в 40-х гг. XVII в. Переписываясь с Разрядом в 1645 г., севский воевода Никифор Нащокин сообщал о состоянии городских укреплений, численности местного гарнизона, а также о заставах и сторожах: «...станции... велено ... посылать частые и сторожей на сторожах велено держать». В феврале того же года, судя по «татарским вестям», назревала новая опасность появления татар в пределах Севского уезда, по случаю чего волостным крестьянам, как и в 30-х

¹⁵⁴ «А то, де, государь, село Олешковичи прежде сего бывало твоей государевы Комарицкие волости Чемлижского стану, а не старинное Ноугороцкого уезду. А завлодели, де, государь, тем селом Олешковичами литовские люди собою после ноугороцкой отдачи на другой год» (РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. Д. 12. Л. 725). В 1619 г. этим селом «насильством завладел» Евдоким Витовтов (РГАДА. Ф. 79. 1634 г. Д. 28. Л. 9).

¹⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 10233. Л. 525.

гг., велено было на случай крайней опасности для «осадного времени» стекаться с женами детьми и со всем скарбом в уездный острог. Воевода Нащокин разослал приказ о сходе в Севск по всем селам, слободкам и деревням волости: «сказал всем вслух и биричем ... велел кликать». Тем временем на сторожи и заставы, а также Свиную дорогу¹⁵⁶, отправились севские дворяне, дети боярские и казаки¹⁵⁷. Обо всем этом севскому воеводе поручалось сообщать в Разряд: «покольку каких служилых людей конных и пеших на заставах и на сторожах»¹⁵⁸.

Итак, сторожи в Севском уезде и Комарицкой волости берут свое начало со времени постройки в Брянском уезде жилого острога. Как правило, они носили не регулярный характер, а выставлялись только на случай военной опасности – по слухам об активности воинских людей Речи Посполитой и татар. Помимо севских служилых людей, на сторожах дежурили и местные дворцовые и монастырские крестьяне. С переводом комарицких крестьян на положение драгун в 1646 г. обязанности по несению сторожевой службы целиком легли на учрежденные в порубежных селениях сотни¹⁵⁹. Задачей старост и драгун было «приказано проезжать почаству» дороги, которые шли за рубеж (новгородская, трубчевская и т.п.)¹⁶⁰.

§ 1.3.2. Драгунская служба милитаризованного крестьянства Комарицкой волости

Нападения татар были обусловлены острым хозяйственным кризисом, разразившимся в Крымском ханстве в 1641 г. и продлившимся в течение последующих шести лет. Причиной тому были засуха, недород, недостаток корма для скота, повышение цен на хлеб и прочие товары. В Крыму начался голод. В 1643 г. в Азове полностью вымер от голода турецкий гарнизон. В

¹⁵⁶ Татарский шлях по территории Рыльского уезда, Комарицкой волости и окрестностей Карачева.

¹⁵⁷ РГАДА. Ф.210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 152-155.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф.210. Столбцы Московского стола. Д. 109. Л. 489.

¹⁵⁹ АМГ. – Т. II. – Стб. 354.

¹⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 4. Д. 47. Л. 24 об – 25.

августе того же года московские посланники сообщали о том, что «крымские люди» с голода продают в рабство своих жен и детей. Летом 1645 г. посланники Т. Караулов и Г. Акишев отмечали, что в Крыму хлеб и конский корм не родились, дождей не было, «жары великие, земля выгорела, а которой кормишко и был – и тот саранча поела». В поисках конского корма татары вышли за Перекоп в степи. В сентябре 1643 г. крымские татары писали польскому королю о своем бедственном положении, по-своему оправдывая набеги своих земляков на юг Польши: «ныне де крымские люди бедны и с голоду помирают, им де где что взять, только де изгоном повоевать». Крымские татары устремились и на русские окраины.

По мнению историка А.А. Новосельского набеги на Русь зачастую находились вне контроля крымского хана, являлись по большей части инициативой отдельных татарских вождей из ногайских, азовских и собственно крымских татар. На общей волне в этих разорительных набегах приняли участие и запорожские черкасы на условии, что полон получают татары, а лошадей, деньги и рухлядь доставалось именно им. Особо отмечается участие в походах на Русь также некоторых турецких пашей – Резепа и Мустафы с отрядами в несколько сот янычар.

Начиная с января 1643 г. Разрядный приказ получал массу отписок с южнорусских городов о появлении в их уездах татар и уводе ими крупного по численности полона и «животинных стад», общего разорения местных селений. Все это сопровождалось тяжелыми боями служилых людей с внезапно появившемся здесь неприятелем. Однако пока набеги татар осуществлялись сравнительно не большими силами, ратные люди оказывали упорное сопротивление, при случае удавалось даже отбивать полон. Но к весне силы татар, пришедших в южнорусские уезды, увеличились во много раз. Счет уже шел на тысячи и даже десятки тысяч.

Наиболее опасным нападениям и опустошительным разорениям подверглись Козловский, Лебедянский и Воронежский уезды, где проходил Ногайский шлях. Отдельные татарские отряды появлялись также в

Оскольском, Белгородском и Курском уездах – на Муравском шляхе. Однако сторожевая и станичная службы действовали четко, сообщение между воеводами городов не было прервано и во многих случаях татарам здесь был дан серьезный отпор. Широкое участие в отражении татарских атак приняли вотчинные и дворцовые крестьяне Лебедянского и Козловского уездов, а также Романова городища (вотчина бояр Романовых в среднем течении р. Воронеж)¹⁶¹.

К августу 1644 г. численность татар, появившихся на Муравском шляхе, оценивалась уже в 30-40 тысяч человек. 26 августа порядка 20 тысяч появились в Рыльском уезде, основательно разорив его, а уже 27 числа они были под Севском. Воевода Н. Нащокин писал, что в третьем часу татары появились под стенами города. Ратные люди, посланные им против неприятеля, бились с ним в междуречье Сосницы и Липницы, был отбит захваченный в Комарицкой волости полон. 28 августа татары не раз пытались форсировать р. Липницу и Сосницу и проникнуть в Комарицкую волость, но все атаки их были отражены. Отсюда татары пошли Свиной дорогой обратно в Рыльский уезд, по пути разоряя окраинные селения Комарицкой волости. Как обычно комарицкие крестьяне пренебрегли указанием воеводы Нащокина о сходе в Севск, в связи с чем татарами был захвачен крупный полон. Позднее воевода упрекал волостного старосту В. Кормилицына, в том, что он не выслал крестьян в осаду и сам не поехал в Севск¹⁶². Всего в Комарицкой волости были разорены 17 деревень и 4 острожка, причем в одном только Красносельском было взято в полон 1000 крестьян¹⁶³. Отсюда татары двинулись в сторону соседних Кромского и Карачевского уездов. 30 августа татары вновь прошли через Комарицкую волость¹⁶⁴. Страх перед такими огромными по численности силами противника не смог привести к объективной оценке его количества:

¹⁶¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – М.-Л., 1948. – С. 313-335.

¹⁶² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 179. Л. 96-99, 224-225, 310.

¹⁶³ Там же. Л. 237, 321-322, 324-326.

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 187. Л. 330.

служилые люди поговаривали, что крымцев, ногаев и азовцев на южной «украине» в ту пору находилось от 20 до 60 тысяч человек. Повоевав московские окраины, степняки с большим полоном, не опасаясь преследования или атак русских служилых людей, двинулись в сторону Крыма.

Российское правительство сделало выводы. Держать и мобильно использовать крупные воинские соединения на юге оно было не в состоянии. Как правило, гарнизоны окраинных городов Московского государства насчитывали от 500 до 2000 ратных людей, тогда как татар было в десятки раз больше. Сказывалась и высокая мобильность неприятеля.

В связи с этим в Разряде было принято решение об укреплении подвергаемых частому разорению районов юга России. Эта задача была решена посредством милитаризации местного крестьянства путем набора в драгунскую службу.

Начиная с 1646 г., были переведены в драгунскую службу крестьяне ряда уездов юга России: Лебедянского и Козловского, а также дворцовой Комарицкой волости Севского. Крестьянам были оставлены их земельные наделы, началось обучение ратному делу. Семейных обучали драгунскому строю попеременно, а одиноких – раз в неделю, чтобы не оставить пашню. На офицерских должностях у драгун, как правило, находились иноземцы, на унтер-офицерских (капрал, сержант, десятник) – ратные люди из среды крестьян. Вместе с офицерами (начальными людьми) в селения драгун завозились оружие: карабины, пищали, шпаги. Такой разряд окраинных драгун в исторической литературе получил наименование «поселенных». Обеспечение их всем необходимым не требовало от правительства каких-либо существенных затрат.

27 сентября 1646 г. в Севск прибыл новый воевода Василий Федорович Леонтьев, более известный под именем «Замятня». В тот же день им был зачитан местным крестьянам царский указ о наборе их в драгунскую службу «для того, что приходят на государевы украины крымские и ногайские люди

и православных христиан побивают и в полон емлют». При этом крестьян освобождали от ряда налогов. Реакция на государев указ у комаричан была далеко не однозначной: «многие услыша твою государскую милость, которые семьянистые и земли за ними угоды немалые – те государской милости обрадовались и служить тебе, государю, драгунскую службу рады» - писал в столицу Замятня Леонтьев. Однако, для одиноких, бедных и малоземельных крестьян драгунская служба стала бы обременительной¹⁶⁵. Историк А.А. Новосельский заметил, что зажиточной большой семье Комарицкой волости было проще выставить одного вооруженного драгуна со двора, нежели малообеспеченным¹⁶⁶. В драгуны попали и некоторые родственники севских приборных людей – стрельцов, казаков и пушкарей, которым не хватило места в ратной службе. Так, в 1656 г. севчане братья Степеревы били челом о переводе их из драгун в казачью службу, где прежде служил их отец¹⁶⁷. Однако, на каких основаниях и в каких масштабах происходил набор в драгунскую службу севских мелких ратных людей – неизвестно, предполагается, что он был весьма не значителен, единичен.

Замятней Федоровичем было определено в службу по человеку с каждого крестьянского двора, что составило 5125 человек в 3 полках и 6 ротах. Из Ливен прибыли начальные люди – кормовые иноземцы числом 36 человек. Какое-то количество иностранцев приехало в Комарицкую волость вместе с Леонтьевым. Низший состав начальных людей – прапорщиков, «саржантов» и «копралов» комплектовался преимущественно из крестьян волости¹⁶⁸.

¹⁶⁵ См. к примеру: *Водарский Я.Е.* К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI-XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. – Очерки по исторической географии XVII в. – М., 1974. – С. 98-117

¹⁶⁶ *Новосельский А.А.* Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века. // Вопросы истории, сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России (сборник статей к 75-летию академика Н.М. Дружинина). – М., 1961. – С. 66-67.

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 386. Л. 1009-1010.

¹⁶⁸ Сохранились сведения о т.н. «драгунских малых» - малолетних помощников драгун, по аналогу чур (джур) у казаков. Так, среди пленных комарицких драгун в Быхове (1656 г.) значатся: Комарицкой волости Чемльжского стану села Доброводья драгунской малой Сенька Борисов, Чемльжского стану деревни Мостечки драгунской малой Васька Мосеев (РГАДА. Ф. 210. Книги Приказного стола. Д. 3. Л. 343 об, 348 об).

Каждый комарицкий драгун был обязан иметь при себе следующее вооружение: пицаль (мушкет), саблю, рогатину или топор. Немногим позднее комарицкие драгуны были вооружены шпагами. На службу драгун должен был выйти «лошадным» - то есть конным¹⁶⁹. Требовалось специально содержать для службы лошадей, использовать пашенных «кляч» строго запрещалось. Единообразной «униформы» не существовало – комаричане имели ее каждый по своему достатку: государево платье, сермяги, епанчи, в зимнее время – шубные кафтаны. Из обуви – кожаные поршни и лапти. Из головных уборов бытовали простые мужицкие и войлочные шапки.

Сохранилось описание знамен комарицких драгун. В 1646 г. Замятня Леонтьев писал царю Алексею Михайловичу: «Да знамена, государь, зделоны не против ж против твоего приказу. Ты, государь, указал по десети знамен зделать в полк зендениныя (вид шелковой ткани – прим. А.Р.), поле червчетое (красное – прим. А.Р.), а опушка белоя, поле белое, а опушка черчета и иными цветы. И знамена, государь, зделоны в лоскутье в крошенином и в зенденином и в холстинах». Также при Замятне Леонтьеве комарицкие драгуны получили тысячу пицалей немецких, 50 пудов пуль, столько же пудов свинца и 50 знамен, сто пудов пороха, десять барабанов. К пикам на флажки - «десять зенденем (кусков шелковой ткани)»¹⁷⁰.

Несмотря на обещанные льготы и освобождение от различных податей, на комарицких драгун вскоре был возложен ряд повинностей, сделав их службу достаточно тяжелой. Хотя формально комарицкие крестьяне и лишались ряда повинностей, вскоре с них стали собирать ямские деньги – по 400 рублей и 400 четей ржи и овса в год. Мотивацией к такому отступлению от государева указа было то, что: «кроме ямщиков [в Севске] подвод взять будет не с кого: в Севске посадских людей нет и в уезде, кроме комарицких драгунов нет же никакого человека»¹⁷¹.

¹⁶⁹ Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII в.в. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I). – М., 1954. – С. 140.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 131. Л. 146 об.

¹⁷¹ Там же. Л. 171-173.

К январю 1647 г. Замятня Леонтьев распорядился укрепить систему обороны Комарицкой волости. Были построены три городка и восемь острожков силами самих комарицких драгун. Как то: Пьяновский городок¹⁷² на р. Усоже (150 сажень в окружности), Радогожский на р. Нерусе (108 сажень) и Болдыжский на р. Несна (92 сажени). Острожки: Быховский на р. Боровенке (87 сажень в окружности), Череможенский (155 сажень), Девятинский на р. Россороге (80 сажень), Моревский на р. Общерица (41 сажень), Долбенкинский на р. Речище (98 сажень), Гнанский – в междуречье Гнани и Лога (117 сажень), Волконский на р. Локня (124 сажени), Ивандинский на р. Летче (117 сажень)¹⁷³. Большая часть этих городков и острожков была построена на месте городищ и некогда существовавших здесь острогов с обветшавшими укреплениями.

Уже к началу 1647 г. тяжести драгунской службы и муштры, сказались непосильным тяглом, обременивши бывших крестьян. Обнадеженное успешным набором в драгуны такого большого числа жителей волости, правительство приказало Замятне Леонтьеву набрать в драгуны еще одну партию крестьян «сколько человек пригоже»¹⁷⁴. На что севский воевода отвечал, что «драгуны от немецкого учения оскорбляются», тем самым подчеркивая, что немецкие начальные люди ставят их себе на караулы «людно» и учат всех скопом – семейных и одиноких¹⁷⁵. «Огорчаясь» от такого учения иноземцев, комарицкие драгуны взбунтовались. Характерен следующий эпизод¹⁷⁶.

В январе 1647 г., в ночь на 23-е число, майор Яган Герин и поручик Адам Адамов вместе с другими начальными людьми из иноземцев Юрием Петровым и Иваном Беклером отправились проверять караул своего «шквадрона» в деревню Горбуново Радогожского стана. В ту ночь

¹⁷² См. Приложения 7 и 8.

¹⁷³ РГАДА. Ф.210. Столбцы Севского стола. Д. 131. Л. 272; РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Д. 216, Л. 223.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 131. Л. 270-272, 279-280.

¹⁷⁵ Там же. Л. 374, 386, 387.

¹⁷⁶ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. – М. 2004. – С. 187-188, 285-286.

ответственными за караул были капралы Клим Седой и Нехорош Семей. Как выяснилось, на карауле никого не оказалось, «знамя ... внесено в избу, и сами де все спят [пьяные] в избе», «а государево знамя ... на полатях коптит, ... у всякого [каждого] из них по топору в руках». Разбуженные драгуны стали «бранить [офицеров] всякою неподобною лаю (лаем) и топорами на них замахивались». На укор одного из иноземцев, драгуны отвечали так: «По что ты пришел? Мы твоево указу не слушаем и вперед слушать не хотим»¹⁷⁷. Раздраженный Герин утром, «как росвело», потребовал драгун на ученье. Однако капрал К. Седой «своровал» и не подчинился указаниям иноземца – его драгуны не явились к смотру и ученью: «не хоте де к нему к смотру и к ученью». Не подчинившись указаниям Герина, драгуны Чемлыжского стана числом 300 человек «и больши» с капралами Климом Седым, Нехорошем Семей, Ивашкой Онохиным и Филькой Шетохиным направились из деревни Горбуновой в село Морево, где в тот момент находился Замятня Леонтьев. Вместе с драгунами, что ушли «с рогатины и з дубиньем», в Морево поспешили начальные люди майора Герина. По пути Клим Седой «ево моеора и товарищей ево, которые с ним ехали, лаел и хотел их бить». К Замятне Леонтьеву вооруженные до зубов драгуны пришли «скопом и заговором». Возмущенный выходкой драгун, Леонтьев «при моеоре и при копытанах» устроил допрос Седому «со товарищи»: от чего пошли спать, бросив караул, и знамя занесли в избу, «безчестя» при этом майора и бывших с ним офицеров. Драгуны загудели «большим шумом»: «нам-де немец не слушивать». Замятня Леонтьев приказал стрельцам-приставам схватить заводчиков – К. Седого, Н. Семого, И. Онохина и Ф. Шетохина, на что драгуны вновь зароптали: «атаманы де козаки, не выдайте». После чего началось избиение приставов: «учели бить и многих ... севских стрельцов побили обухами и кистенями». Стрельцам и казакам удалось выхватить из толпы двух человек капралов – Климку Седого и Ивашку Онохина с шестью

¹⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 191. Л. 306.

рядовыми. Остальные драгуны ушли восвояси «с саблями наголо и рогатины».

До получения царского указа заводчики бунта были отданы под строгий надзор «за пристава». Отстаивая свою честь, майоры Яган Герин и Николай Авлин «со товарищи» о своеволии и «непослушаньи» комарицких драгун подали челобитные на имя великого государя. Любопытно, что в настоящих сообщениях Клим Данилов сын Седой «с братом Гаврылом» названы майорами сотником, а «Негорош Семов» - есаулом¹⁷⁸.

В продолжение разбирательства по поводу дисциплинарного нарушения из Москвы в Комарицкую волость прибыл служилый человек Иван Бахметев. Тому поручалось сказать не замешанным в «гиле» (неподчинении) драгунам «милостивое слово». Четырем зачинщикам было уготовано «битье» кнутом, заводчиков же - Седого и Семого - ждала виселица, в суровое назидание остальным. Однако казнь была отменена, а драгунам велелось признать свою вину дабы «обвесить их не велеть». В челобитной на государево имя драгуны сообщали, что капралы «учли» (затеяли) всё, будучи пьяными и «с молодого ума». Заводчиков направили в Москву, где те были прощены и возвращены на службу домой. После этого инцидента в Разряде посчитали нужным впредь учить драгун «с тихостью и не с большим оскорбленьем, чтоб им к нашей службе исподволь быть привычными». Впредь на караулы предписывалось брать не более трети от прежнего числа драгун, чтобы не отвлекать их от хозяйства. Новый драгунский набор был отменен, чтобы комаричан тем самым «не изжесточить»¹⁷⁹.

Севские воеводы использовали драгун пограничных селений близ «Литовского рубежа» в качестве разведчиков. 11 июня 1648 г. Замятней Леонтьевым и его воеводским товарищем Иваном Кобыльским был направлен в Новгород-Северский «для проведыванья вестей» драгун деревни Рожковичи Андрюшка Жуков. Воеводы велели ему «проведывать тайным

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 191. Л. 310.

¹⁷⁹ Там же. Л. 374-376, 386-387.

обычаем, что в Польше и в Литве у поляков с черкасы и с татары делается». Через три дня Жуков прибежал в Севск с тревожными новостями о появлении в Новгороде-Северском запорожских черкас, «своевольно» занявших город. Мещане рассказали Андрюшке о том, что к черкасам пристают мещане, будники и прочие люди, «копятся (собираются) вместе». Поляки, побоявшись черкас, засели в городе в осаду¹⁸⁰.

Об организованности и слаженности совместных действий комарицких драгун в первые годы своего существования наглядно иллюстрирует следующий случай. При переводе комарицких крестьян в драгунскую службу «по государеву ... указу для обереганья от черкас и от татарского приходу по литовским вестям» в порубежных деревнях и селах волости были организованы сотни, выполнявшие также и сторожевую службу. 17 июня 1648 г. под вечер в Севск приехал «от литовского рубежа из сотни» из деревни Рожковичи драгунский сержант Савва Сытков, который при расспросе показал следующее. Днем ранее, в полдень, в деревню Рожковичи не понятно для каких целей пришла группа запорожских черкас «человек 50 и больше». Настороженные драгуны с оружием в руках вышли навстречу тем казакам, ожидая нападения. Запорожцы стали успокаивать драгун, говоря, что их отряд прислан из Новгород-Северского для поиска поляков и евреев, «а не для какова дурна». Основные же их силы - «тысячи с три» человек стоят в Новгороде-Северском. От Запорожского войска у них строгий наказ с государевыми ратными людьми задоров не чинить – они и сами «войском» служить государю готовы. Запорожцы требовали пропустить их в Севск якобы для выдачи бежавших из Украины в город поляков и евреев. Драгуны в проезде отказали: «поляков де и жидов у них нет», после чего черкасы ушли за рубеж. Появление в Комарицкой волости запорожцев оказалось не случайным. Немногим ранее, 13 июня, драгуны деревни Хинель Афонька Кошлов и Архипко Васильев привезли вести о том, что запорожские черкасы в Новгород-Северском уезде полякам и евреям устроили резню, «а хотят де

¹⁸⁰ АМГ. – Т. II. – Стб. 350.

... [они] польские города очистить по Днепр и служить ... государю». Пушкарь Юрка Луханин, также бывший в Новгород-Северском уезде, обозначил численность находящихся там запорожцев в 4 тысячи человек. В ответ на это царский указ гласил: дабы впредь приезжающих из-за рубежа «с польской и из литовской стороны» поляков, литовцев и евреев «отнюдь не принимать», даже если те захотят перейти под государеву руку и захотят креститься «чтоб в том ссоры не было и с самовольными черкасы ни в чем не задираться»¹⁸¹.

Тяжесть ратной службы, непривычной для крестьян, приводило к частым побегам. Как правило, основным направлением движения беглецов были южнорусские уезды, где драгуны селись в поместьях у детей боярских. Таких беглецов надлежало сыскивать и возвращать из «крестьянства» обратно в драгунскую службу. 23 апреля 1648 г. Замятня Леонтьев и Иван Кобыльский объявили о сыске драгун, бежавших в Белгородский и Карповский уезды: «и живут ... за детьми боярскими». В Карпове и уезде было велено «по многие дни ... биричем кликать», чтобы живущих здесь комарицких драгун «никто [у себя] не держал». Ослушников, те, кто станет держать комаричан у себя в поместьях «втайне, а после про то сыщется», велелось строго наказывать. Карповские служилые и уездные люди царский указ игнорировали и продолжали удерживать у себя драгун¹⁸².

Начало милитаризации крестьян волости и перестройка их быта на военные основы совпали с началом казацкого выступления Богдана Хмельницкого на Украине. Комарицкие драгуны приняли участие во многих походах московского войска. Весной 1654 г. из Севска вместе с 4000 драгунами и 300 прочих служилых людей (в т.ч. и севских) выдвинулся в сторону Киева воевода Андрей Васильевич Бутурлин. В конце августа он вместе с украинскими казаками выступил из Фастова в Бердичев, где занял укрепленные позиции. В другом отряде – капитана Конона Мясоедова –

¹⁸¹ АМГ. – Т. II. – Стб. 354.

¹⁸² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Безгласного стола. Д. 42. Л. 35-36

находилось 500 комарицких драгун, штурмовавших город Синява. Осенью 1654 г. отряд А.В. Бутурлина стоял под Белой Церковью, испытывая большие трудности со снабжением. Некоторая часть комарицких драгун для «корму» самовольно пошла «под польские города в Подляшье», какая-то часть покинула отряд севского воеводы. Начался падеж лошадей, без которых служба драгун была не возможна.

В конце ноября началось крупное польское выступление под Брацлавом. Уже в декабре в этих тяжелых боях участвовали вместе с украинскими казаками комарицкие драгуны майора Христофора Графа и капитана В.П. Колупаева. Брацлав пришлось оставить, а драгун Х. Графа по приказу Бутурлина перевели с казаками к Умани для защиты города от возможного нападения. Драгуны и севские казаки приняли участие в обороне этого города от поляков и сражении под Ахматовым с неприятельскими отрядами гетмана С. Потоцкого. В сентябре 1655 г. русское войско и казаки Хмельницкого подошли ко Львову и осадили его. Уже 19 числа отряд Г.Г. Ромодановского разгромил здесь польское войско Потоцкого. В этом сражении приняли участие 300 городских дворян и 900 драгун. Помимо упомянутого сражения севчане и комарицкие драгуны находились в составе отряда, занявшего Люблин¹⁸³.

Комарицкие драгуны несли службу как бы в тылу Белгородской черты, за пределами укреплений которой, как показывала практика, часто все-таки появлялись отряды степняков. Кочевники приносили серьезный урон населению этих областей, уводили в плен тысячи людей, нарушали систему засек. Фактически, правительство одновременно решило две важнейших проблемы: создало Севский укрепленный район и расположило на территории его гарнизон. Тем не менее, непривычный военный быт и дальние походы вглубь территории Украины сказались тягостно на бывших крестьянах (вспомним, что русское войско, в составе которого находились в

¹⁸³ Крашенинников В.В. Указ. соч. – С. 150-153.

т.ч. и драгуны из Комарицкой волости доходило до территории современной Западной Украины). Плохое снабжение и отсутствие конских кормов приводили к падежу лошадей, без которых драгун терял боеспособность, бежал из войска. Однако в первое время драгуны из Комарицкой волости показали себя достаточно стойко во многих кампаниях русского войска в период казацкого восстания на Украине.

В то же время милитаризация крестьянского населения Комарицкой волости на положении драгун обусловила начало процесса консолидации их в отдельное сообщество служилых людей по прибору. Селения волости имели по 20-40 дворов и владели землей сообща, как это было распространено у городских казаков, стрельцов и пушкарей. Кроме того сохранялся фонд пустой и не занятой земли, что способствовало развитию внутренней колонизации¹⁸⁴. Комарицкие драгуны основывали новые починки и слободки, зазывая туда людей. В 1672 г. драгун деревни Скакино Брасовского стана Петрушка Некрасов подал челобитную воеводе Белгородского полка кн. Г.Г. Ромодановскому с просьбой основать новую слободу в Чемлыжском стане неподалеку «промеж села Селино и деревни Белитиной». В Разряде прошение драгуна было одобрено, место под новую слободу (селище) вместе со всеми угодьями и дубровами перешло к челобитчику¹⁸⁵.

Итак, основными предпосылками к милитаризации комарицких крестьян было разорение волости и соседних уездов, не способность окраинных воевод мобильно выставить против неприятеля крупные соединения ратных людей, а также организовать оборону уездных крестьян в острожках. Московское правительство решило проблему на месте: сделало из крестьян служилых людей. Однако резкая перестройка быта, налоги и сборы, а также неправильная организация учения ратному делу приводили к разорению крестьянского хозяйства, нежеланию служить и выливалось в неподчинения

¹⁸⁴ Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости. – С. 73

¹⁸⁵ ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 141. Л. 1-4.

и недовольства, бегство со службы в соседние уезды «во крестьянство». Но при этом, на начальном этапе существования в Комарицкой волости поселенных драгун, правительство обеспечило вооруженный тыл за Белгородской чертой. Перечисленные выше источники дают основания судить о достаточно высоком уровне ратной службы драгун Комарицкой волости, слаженным совместным действиям драгунских сержантов и капралов на границе, участие их в дальних походах на Украину.

До середины 30-х гг. XVII столетия Севский острог и дворцовая Комарицкая волость находились в составе Брянского уезда, обособленно существуя друг от друга. Волость имела собственное земское управление в лице старост и целовальников (выборные должности из крестьян) и долгое время не подчинялась брянским и севским воеводам.

Постройка нового городка на юго-западных рубежах Московского государства приходится на второй год действующего перемирия – «мирных лет», подписанного в Деулино между Москвой и Варшавой. Опасаясь вероломного нарушения мирного договора и проникновением на Русь с «литовского рубежа» отрядов вольных черкас, в Москве посчитали нужным построить на древнем городище в южной части Брянского уезда жилой острог. Сюда были переселены новгород-северские стрельцы, казаки и пушкари, до этого временно жившие в соседнем Рыльске. Первое время они и были единственным населением Севска, неся гарнизонную службу, по совместительству занимаясь торговлей и ремеслами, а также разведкой по указаниям местных воевод. Новый служилый городок должен был стать форпостом на границе с Новгород-Северским уездом Речи Посполитой, центр которого вместе с соседним Черниговом, представляли собой крупные по тем временам плацдармы для возможного наступления польских войск на территорию Русского государства.

Севский городок первое время представлял собой небольшое военное поселение с постоянным гарнизоном и только к середине 30-х гг. XVII столетия стал уездным центром. При этом администрация Севска и

Комарицкой волости продолжала оставаться автономной, общение жителей волости с центром осуществлялась через приказную избу в селе Лугань Чемлыжского стана.

С 1634 по 1648 гг., собственную корпорацию «служилого города» в Севске фактически заменили выходцы из Стародуба и Рославля, переселенные в последствие в новый город Бобрик. Несмотря на временное проживание в Севске, они продолжали поколениями отождествлять себя со стародубцами и рославцами, ожидая возможности вернуть утраченные их предками поместья¹⁸⁶.

Характер службы севских ратных людей – стрельцов, казаков и пушкарей представлял собой стандартный перечень обязанностей служилого человека, характерный для аналогичных категорий на юге России XVII столетия: стрельцы, кроме службы в гарнизоне города, находились в приставах местной съезжей избы; казаки выполняли роль рассыльщиков. Служба полковых казаков была более мобильна, чем стрельцов и пушкарей, будучи конной. Мобильность обеспечивала наилучшую боеспособность при выполнении военных задач. Поэтому полковые казаки часто использовались воеводами Севска для выполнения ответственных поручений. Чем ближе было порубежье – тем активнее служилое население привлекалось к сменной службе в стоялых острожках на южных городищах.

Сторожевая служба в Севском уезде берет начало со времени основания в Брянском уезде жилого острога. Сторожи носили нерегулярный характер, выставлялись только на случай военной опасности – по слухам об активности воинских людей Речи Посполитой и татар. Тем самым сторожи в Севском уезде отличались от аналогичных сторож в «польских» (степных) городах, где служба велась постоянно, а сами сторожевые пункты находились на расстоянии от 10 до 100 км от города. В сторожевой службе были задействованы как севские служилые люди, так и местные крестьяне. С переводом их на положение поселенных драгун в 1646 г. обязанности по

¹⁸⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д. 1089. Л. 255.

несению сторожевой службы целиком легли на учрежденные в порубежных селениях сотни¹⁸⁷.

Основными предпосылками к милитаризации комарицких крестьян было разорение крымскими и ногайскими татарами волости и соседних уездов, неспособность окраинных воевод мобильно организовать и действовать сообща, выставить против неприятеля крупные соединения ратных людей. Правительство царя Алексея Михайловича решило проблему на месте: сделало из крестьян служилых людей. Однако резкая перестройка быта, высокие налоги и сборы, а также неправильная организация обучения ратному делу – «драгунскому строю» - приводили к разорению крестьянского хозяйства, нежеланию служить и выливалось в неподчинения и недовольства, бегство со службы в соседние уезды «во крестьянство». При этом на начальном этапе существования в Комарицкой волости поселенных драгун, правительство обеспечило вооруженный тыл за Белгородской чертой.

Близилась сроки истечения Деулинского мирного соглашения, два государства готовились к решительной схватке за Смоленск и северские города. Именно в обстановке Смоленской войны Севск оправдал своей военное значение, сдержав натиск крупного войска кн. Иеремии Вишневецкого и черкасских полковников.

¹⁸⁷ АМГ. – Т. II. – Стб. 354.

Глава 2. Военно-стратегическая роль Севска и Комарицкой волости в годы Смоленской войны 1632-34 гг.

Военно-стратегическая роль Севска и Комарицкой волости в обороне русского государства на юго-западных рубежах особенно проявилась в период Смоленской войны (1632-1634 гг.). К 30 гг. XVII в. обстановка на русско-польском порубежье накалилась, особенно в Северной земле, издавна служившей объектом территориальных споров между Русью и Литвой. Воеводы русских порубежных городков старались подробно отслеживать любую информацию обо всем происходящем в Речи Посполитой. Ожидались крупные миграции в Московскую Русь православного населения.

В пограничных уездах на юго-западе Московского государства все контакты гражданского населения с жителями Польши прекратились. Согласно грамоте, полученной в Севске воеводой Михаилом Еропкиным от 3 ноября 1632 г., в Комарицкую волость торговых людей пускать впредь было не велено, так как среди них могли быть лазутчики, «проведовашие вести»¹⁸⁸. Московская сторона активно готовилась к наступательным действиям на «литовскую» часть Северной земли (Чернигово-Северщину) с намерением включить в состав Русского государства ранее принадлежавшие ему города и уезды.

§ 2.1. Севск как плацдарм для наступления на «литовские» города Чернигово-Северщины

Перед началом войны правительство предприняло попытку укрепить обороноспособность Севска, включив в его гарнизон даточных крестьян. Город должен был стать наступательным пунктом для вторжения русских войск на территорию Чернигово-Северщины – исторической области

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 83. Ст. 10. Л. 258-259.

Северской земли в составе Речи Посполитой¹⁸⁹. Гарнизон Севска накануне Северского похода насчитывал 400 стрельцов и казаков, даточных казаков Комарицкой волости – 400 человек, пушкарей – 60 человек, захребетников «неписьменных людей» - 300 человек, Комарицкой волости крестьян с пищалями – «тысеч с пять боевых людей, опрочь тех крестьян, которые будут в осаде с ыным боем»¹⁹⁰. В малом остроге вместе с даточными крестьянами на воротах и башнях были поставлены 50 стрельцов и казаков, в большом остроге – 190 стрельцов и казаков.

Городские укрепления Севска накануне войны оставляли желать лучшего. Малый острог «в земли весь погнил», большой был менее ветх. В башнях обоих острогов «верхняя бревенья и мосты перегнили и кровля з башен посвалялась и обламы не покрыты и торасы розвалились». Ров, который окружал два острога, попортился, частокол погнил.

В начале 1631 г. Севск располагал следующей артиллерией: две медных полуторных пищали (200 ядер в 6 гривенок к одной и 36 по 4 гривенки к другой), 10 пищалей полковых железных (по 108 ядер в 3 гривенки), 3 медных тюфяка (к ним по 1 и 17 гривенок дробы), 4 пищали медных затинных (99 ядер свинчатых), пороха 199 пудов 22,5 грамм, свинца, 192 пудов 23,5 грамм. В 1630 г. Пушкарский приказ снабдил Севск также 100 пудами пороха ручного, 50 пудами пушечного, 50 пудами свинца. Хлебных запасов в Севске было 3622,5 четей ржи¹⁹¹.

Возглавить южную, севскую группировку походного войска, должны были воеводы Федор Плещеев и его воеводский товарищ Баим Болтин, московский дворянин (бывший дьяк Новгородской чети): «быть на ... государеве службе на Севере в Севске, ... с ним велено бытии ... в товарищех». В составе их сотен должны были находиться дворяне и дети

¹⁸⁹ Географический термин, обозначающий ту часть Северской земли, которая после 1618 г. находилась в составе польского государства.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 72, 73.

¹⁹¹ *Сташевский Е. Д.* Указ. соч. – С. 269, 270.

боярские, донские, поместные и верстанные казаки и стрельцы из Брянска, Карачева, Болхова, Стародуба, Почепа, Севска, Рыльска и Путивля.

Между тем, пока в Севске происходили сборы ратных людей, Комарицкая волость не раз была атакована неприятельскими отрядами. 8 ноября на монастырское село Селичню (брянского Свенского монастыря, находилось на территории Комарицкой волости) пришел польский отряд вместе с «русские мужики» села Негино Трубчевского уезда, «человек со сто и больше». Местным крестьянам во главе с приказчиком удалось отсидеться на монастырском дворе и обстрелять неприятеля из пищалей. Севским воеводой М. Еропкиным немедленно был направлен вслед за литовским отрядом голова Григорий Бакшеев с казаками. Баим Болтин в свою очередь послал из своих сотен детей боярских во главе с карачевцем Степаном Соковниным и болховичем Михаилом Таратухиным. Неприятеля удалось догнать в селе Негино, но тот успел скрыться в лесу. Карачевские и болховские дети боярские наотрез отказались спешиваться и прочесывать лес. Опасаясь, что они могут покинуть отряд, Григорий Бакшеев решил пойти в обход с проводником чтобы «тех воров обойти наперед». Отряд прошел 20 верст и оказался возле деревни Зерново Новгород-Северского уезда, где и заночевал. Но далее идти дети боярские вместе с Бакшеевым отказались, т.к. «про литву ведомо не стало и куды оне лесом пошли», у многих из них от быстрой скачки выдохлись лошади. Однако Григорий Бакшеев повел свой отряд из севских и комарицких даточных казаков в Новгород-Северский уезд, где ему удалось захватить нескольких «языков». Судя по их рассказам, в Новгород-Северском появились 400 человек ратных людей, а в Трубчевске – 200 немцев-наемников. Как только р. Десна замерзнет – следует ожидать прихода из этих городов поляков и черкас в Севск и Комарицкую волость.

13 ноября «с утра до света» польским отрядом и русскими мужиками из Трубчевска (300 человек) был совершен внезапный налет на комарицкое село Брасово. Были побиты крестьяне, взят полон¹⁹².

Географическое положение – близость стратегически важных для Московского государства городов Чернигово-Северщины к Севску – предопределило его дальнейшую важную роль как наступательного пункта (плацдарма) для начала военной кампании – Северского похода. Накануне начала боевых действий, несмотря на ветхое состояние городских оборонительных укреплений, Севск был неплохо оснащен крепостной артиллерией, на случай осады в житницах имелось достаточное количество хлебных запасов. Гарнизон находился в полной боеготовности и при необходимости мог оказать неприятельским отрядам, появившимся в пределах волости, сопротивление и преследование. Местное дворцовое и монастырское крестьянство было оснащено огнестрельным оружием и выставляло в Севск для городской службы даточного человека.

§ 2.1.1. Северский поход 1632-33 гг.

По плану операции русским ратным людям предписывалось: «северские города Новгородок, Стародуб, Трубчевск, Чернигов, Монастыревской (Монастырский – прим. А.Р.) учинити под государевою высокою рукою к Московскому государству». Сначала русским полкам была поставлена задача взять приступом Новгород-Северский (южная группировка, Севск), параллельно с ним Почеп, Стародуб и последним – Трубчевск (северная группировка, Брянск)¹⁹³. Взяв указанные города, Московское государство получило бы широкий контроль над бассейном р. Десна. Еще в эпоху современников данная кампания получила наименование «Северский поход» (порой в источниках встречается также «Литовский поход»).

¹⁹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д 95. Л. 332-334.

¹⁹³ КР. – Т. II. – Стб. 429.

10 сентября воеводы Федор Плещеев и Баим Болтин вместе с 229 детьми боярскими из Болхова и Карачева пришли в Севск. В городе они должны были ждать дальнейших распоряжений из Разряда и подхода остальных сил - ратных людей из Рыльска и Путивля.

Накануне появления сотен Плещеева и Болтина воеводе Севска Михаилу Еропкину следовало освободить дворы в Пушкарской слободе, где планировалось разместить карачевцев и болховичей. Однако уже 17 сентября они заняли и другие слободы: Ямскую, Казачью и Стрелецкую. Но и этих дворов оказалось не достаточно для размещения рати воевод Ф. Плещеева и Б. Болтина. 25 сентября к Михаилу Еропкину в съезжую избу приехал болховский сын боярский Климент Нелюбов с просьбой дать им дворы и в самом остроге. Здесь находились клетки ратных людей и комарицких крестьян с разнообразными запасами на случай осады города.

Действия Ф. Плещеева и Б. Болтина резко обострили отношения с севским воеводой. В случае с осадными дворами компромиссное решение было найдено: по челобитной самих болховичей и карачевцев решено было построить в Севске еще один острог, т.к., по мнению детей боярских в осадное время разместиться им и всему севскому гарнизону с комарицкими крестьянами в нем будет невозможно: «стоять ... негде, острог мал и теснота в нем великая». В самих же слободах им находиться «от литовских людей опасно, город порубежной, ближней от литовскова рубежа»¹⁹⁴.

Новый острог и «крепости» (вал, ров и надолбы возле него) должны были возводиться силами севских ратных людей и комарицких крестьян. Федор Плещеев и Баим Болтин лично осмотрели место на посаде, которое, по их мнению, наиболее подходило бы для постройки нового острога: «чтоб изместитца ратным людем со всею службою и с лошедьми» - подчеркивали они в своей челобитной на имя царя. Описано оно было так: 569 сажений, на постройку необходимо 5690 бревен, по десять на сажень и на три башни. По расчетам воевод тут могли бы разместиться 4 тысячи ратных людей,

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 21.

большую часть которых составили бы вооруженные комарицкие крестьяне¹⁹⁵. Острог предполагалось возвести в рекордно короткие сроки до приближения холодов: «вскоре за тепла, докуды земля не умерзла».

Однако воевода Севска не торопился посылать своих людей на строительные работы. М. Еропкин мотивировал это тем, что для его постройки севских служилых людей не достаточно, а Комарицкой волостью ведает приказ Большого дворца, но не Разряд: «уездных людей в Севске нет, одна де в уезде Комарецка волость и про ту де волость именно не написано, что ею делать острог, а хотя б де и написано и яз де розряду не слушаю, тою волость владеет дворец, а не розряд» - писал воевода в своей челобитной на имя царя Михаила Федоровича¹⁹⁶. Опасения Еропкина были понятны – в ожидании начала войны воевода не мог снять служилых людей с караулов и сторож «от литовского рубежа», а приказать комарицким крестьянам строить новые укрепления могла только соответствующая грамота из приказа Большого Дворца¹⁹⁷.

В ожидании военных действий активизировалась разведка севчан на территории Новгород-Северского уезда. Пока сотни детей боярских из Болхова и Карачева в бездействии стояли на посаде в Севске, в Новгород-Северский еженедельно посылались лазутчики. В октябре 1632 г. севские разведчики казак Климка Лахтин и стрелец Лучка Меринов сообщали о том, что в городе находится небольшой гарнизон всего лишь из 100 человек ратных людей – гайдуков¹⁹⁸.

Однако из-за раздора с севским воеводой Ф. Плещеев и Б. Болтин со своими людьми оставались в полном неведении всего происходящего, не получали никаких разведданных. О чем писали царю: «и опасаемся по Михайлову к себе недобру от севских людей и от комарецких мужиков всякова дурна, чтоб они на нас и на ратных людей не навели литовских

¹⁹⁵ Там же. Л. 69.

¹⁹⁶ Там же. Л. 70.

¹⁹⁷ Там же. Л. 123.

¹⁹⁸ АМГ. – Т. I. – Стб. 435. См. Приложение 12.

людей и черкас. А литовской ... рубеж от Севска близко и за рубежом севским многим людем и комарецким мужиком племя и кумьи и сваты»¹⁹⁹. По мнению воевод это обстоятельство способствовало информированию поляков о готовящемся походе русских ратников на Новгород-Северский, и о небольшой численности детей боярских из Карачева и Болхова, находящихся в Севском гарнизоне. Кроме того, в сотнях обоих воевод полностью отсутствовали огнестрельное оружие и артиллерия²⁰⁰.

Несогласованность действий походных воевод и Михаила Еропкина, плохое оснащение и снабжение болховичей и карачевцев заставили ратных людей искать провиант и конский корм в Комарицкой волости, подорвали их дисциплину, деморализовали: «возят с поль лошединые кормы и овес и сено и хлеб всякой даром и обиды ... чинят ... комарицких крестьян бьют и грабят». Как считали Ф. Плещеев и Б. Болтин, это было вызвано тем, что Михаил Еропкин запретил продавать их людям провиант и фураж для лошадей: «в Севске на торгу хлеба и конских кормов и овса нет»²⁰¹.

Иногда случались и побеги из сотен походных воевод. 22 октября в съезжую избу Севска пришел крестьянин порубежной деревни Бересток Петрушка Степанов. Он рассказал, что этой ночью в их селении появился незнакомый конный человек, спрашивал «дароги за рубеж». Крестьяне дороги не показали, а незнакомец был задержан. Отправленный в Бересток севский казак М. Еманов сотоварищи привели его к воеводе. Нарушителем оказался болховский сын боярский Иван Псищев. Он уверял севского воеводу, что поехал в деревню Марицу на пруд «для винново куренья» и ночью заблудился, при этом отрицая, что искал дорогу в Литву. 24 октября к Михаилу Еропкину приехал сын боярский Назар Емельянов, чтобы сопроводить Псищева обратно в сотни. По словам Емельянова этот служилый направлялся за рубеж для грабежа, «а не в ызмену»²⁰².

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 70.

²⁰⁰ Там же. Л. 72.

²⁰¹ Там же. Л. 125.

²⁰² Там же. Л. 171-173.

В преддверии похода походные воеводы попытались тайно заручиться поддержкой православных жителей Новгород-Северского, Почепского, Трубчевского и Стародубского уездов. С грамотами к старостам, целовальникам и лучшим людям были отправлены севские казаки Фома Собакин и Митя Гуляев. Трубчевские посадские и уездные люди отвечали, что в городе с урядником Красковским всего 20 человек гайдуков. При первом удобном случае по государеву указу готовы его связать и выдать русским, только бы воеводы не велели ограбить ратными людьми, ... не подали Литве». Они же сообщили об отъезде в Польшу кн. Салтыкова²⁰³.

Указ «идти под Новгород-Северский изгоном», пришел в Севск 10 ноября, само выступление планировалось на конец месяца. Для укрупнения походного войска были определены 100 стрельцов из Севска и столько же из Рыльска. Воевода Михаил Еропкин должен был снабдить сотни Плещеева и Болтина пушечными запасами (50 пудов свинца), из Москвы ожидали 10 пудов пороха и столько же свинца. Пушек в отряде не было, их доставили немногим позже.

24 ноября разведка донесла, что в Новгород-Северский и Трубчевск подошло пополнение общим числом в 600 человек польских жолнеров (пехоты), которое планировало, как замерзнет Десна, идти «воевать» Севск и Комарицкую волость²⁰⁴. В дальнейшем они не подтвердились.

Внезапная смерть первого воеводы Федора Плещеева заставила быстро назначить на эту должность 27 ноября 1632 г. дворянина Ивана Еропкина, которому следовало не мешкая, «без замотчанья», в срочном порядке ехать в Севск и принять на себя основное командование. Сделав последнюю остановку в комарицком селе Орля, отряд Болтина, не дожидаясь подхода Ивана Еропкина с его ратными людьми, уже 25 числа был в 15 верстах от Новгород-Северского²⁰⁵.

²⁰³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 179-180. Один из представителей рода кн. Салтыковых, присягнувших польскому королю. Владели землями в Черниговском уезде, в дальнейшем известны как Салтыки.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 334.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 106.

Оба воеводы располагали следующими силами:

С Иваном Еропкиным (человек):

- брянчан дворян и детей боярских – 64;
- карачевцев – 92;
- болховичей – 154;
- стародубцев – 19;
- почепцев – 25;
- рылян – 171;
- путивльцев – 143;
- московских, путивльских и черниговских стрельцов и казаков – 400;
- севских стрельцов – 100.

Всего: 1168 человек.

С Баимом Болтиным (человек):

- детей боярских Новгород-Северского – 88;
- рославцев – 40;
- черниговцев – 131;
- новгород-северских, рыльских и путивльских казаков и атаманов

(верстанных и беломестных) – 109.

Всего: 388 человек.

Итого: 1556 человек²⁰⁶.

В качестве пополнения штата походных ратников, И. Еропкину и Б. Болтину, следуя царскому указу, предписывалось отправить в Рыльск, Путивль и Комарицкую волость, на торги и мелкие торжки бирючей, которые обязаны были кликать «не по один день», созывая в войско всякий охочий люд. Штат охочих казаков, по планам московского правительства, не должен был превысить 500 человек. К концу ноября 1632 г., было определено и жалование охочим казакам, оно составило 4 рубля. На должности начальных людей у охочих казаков должны были находиться дворяне и дети боярские «кого пригоже». Из Москвы в Севск охочим людям готовились

²⁰⁶ КР. – Т. I. – Стб. стб. 390-391.

поступить порох и свинец, запастись которыми требовалось строго по обстоятельствам. Свинец и порох впустую расходовать запрещалось, всему было велено вести учет²⁰⁷. Прибору в войско подлежали только лично свободные люди: «и из службы из тягла и крепостных ни каких людей в новоприборные казаки не имати». Немногим позже в охочие казаки было запрещено брать детей боярских и беглых из-под Смоленска солдат, донских и яицких казаков²⁰⁸. Тем не менее, поначалу укомплектовать штат охочих казаков в 500 человек не удалось, о чем свидетельствовала помета к грамоте из Севска в Москву: «и северских, государь, городов, и ис Камарицкой волости охочих людей в казаки никто не пишуца и в службу не прибираюца». Чуть позже, однако, некоторое количество охочих казаков все-таки набрана была: небольшая часть северских охочих казаков принимала участие в зимней осаде Трубчевска в 1632 г. в лице карачевских и комарицких охочих людей²⁰⁹; с Иваном Еропкиным под Стародуб ходили 200 карачевских и трубчевских охочих людей²¹⁰. Среди последних находились также посадские люди самого Трубчевска Сенька Шеломечков сотоварищи²¹¹.

В то время, пока в Севске происходили последние приготовления к походу, 17 ноября товарищ брянского воеводы кн. Василия Ромодановского Никита Оладьин со своими ратными людьми атаковал Почеп. В ходе завязавшегося боя был ранен сам городской урядник Ян Лапинский, успевший сбежать из города в сторону Стародуба. Оставшиеся без урядника горожане скоро сдали город. Однако уже на следующий день под стенами города появился польский отряд урядника Яна Дроздовского (300 человек), с которым «был бой с утра до вечера». Избы на почепском посаде, в котором засели поляки, были сожжены. По общим подсчетам неприятель потерял в этом бою 93 человека. Людям Оладьины достались знамена, литавры и 63

²⁰⁷ КР. – Т. II. – Стб. стб. 425-433.

²⁰⁸ Там же. – Стб. 471.

²⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 18, 51.

²¹⁰ Там же. Л. 79-81.

²¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 9.

«языка»²¹². К весне следующего года городские укрепления были отремонтированы, сформировался гарнизон²¹³.

Итак, 25 ноября русский отряд находился всего лишь в нескольких верстах от Новгород-Северского. Нападению на город предшествовала разведка. Ратным людям необходимо было узнать: «кто ныне в Новьгороде литовской державец» (урядник), численность ратников города, а также получить сведения об артиллерийском наряде и особенно – «сколько в Новьгородке ныне русских людей». На «литовском рубеже» был схвачен крестьянин села Ивот Новгород-Северского уезда, который дал сведения, что в городе находился капитан Ян Кунинский, с ним «литвы человек со ста», которые имеют поместья в уезде. Пахолков при них «человек со ста ж» и черкас 60 человек. Посадских людей и русских – также 100 человек. Урядник согнал уездных крестьян в осаду, на случай которой хлебных запасов было достаточно много. Кунинский укрепил «худые места», отремонтировал башни. У городских стен был поставлен в три ряда чеснок²¹⁴. Из наряда, по словам крестьянина, в городе семь пушек. Ожидая подхода русского войска, Кунинский направил в черкасские городки своих людей за помощью к казацким полковникам. В этих городках по оценке пленника могло находиться «черкас в сборе быть тысяч с пятнатцать». Крестьянин особо отметил, что в Новгород-Северском уезде «многие села и деревни, а живут в них русские люди, а владеет ими пан Вишель и сам он в Новгороде с людьми своими, людей с ним человек с десять». Сведения крестьянина были близки к действительности²¹⁵.

Получив разведданные, из походного войска выделился авангард в 500 человек во главе с Семеном Болтиным. Урядник Новгород-Северского,

²¹² АМГ. – Т. I. – Стб. 601.

²¹³ Из десяти почепских детей боярских, живших после 1618 г. в Брянске, 100 брянских стрельцов. КР. – Т. II. – Стб. 466.

²¹⁴ Состоит из нескольких соединённых звездообразно острых стальных штырей, направленных в разные стороны. На земле один шип чеснока направлен вверх, а остальные составляют опору. В основном концы штырей соответствовали вершинам правильного тетраэдра. Заграждение из множества разбросанного чеснока было эффективно против конницы, применялось также против пехоты, слонов и верблюдов.

²¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 340-341.

Ян Кунинский, начал незамедлительно готовиться к обороне. В его распоряжении находились 300 человек шляхты, казаков и гайдуков, 12 медных литых пушек, 10 железных затинных пищалей и 6 бочек пороха. Для охраны местного костела, в котором находились «русские люди», Кунинским была направлена сотня запорожских черкас с двумя затинными пищалями²¹⁶.

В двух верстах от Новгород-Северского, отряд Семена Болтина был атакован неприятельской конницей, насчитывавшей до 200 всадников, однако количественное превосходство русских вынудило литовцев отойти к городским стенам. В ходе боя русскими ратниками было поймано 25 «языков», которых доставили к Баиму Болтину для сбора сведений о противнике.

В тот же день к Новгород-Северскому подтянулись основные силы русской походной рати, расположившись на посаде. 30 ноября внимание служилых людей привлек католический костел, в котором засели православные люди и служившие полякам черкасы. Баим Болтин вступил с осажденными в переговоры, призывая их, помня присягу государю Михаилу Федоровичу, от литовских людей «отстать» и с его людьми не вступать в бой. На что был получен ответ, что осажденные ради были бы перейти на сторону московских людей, но находятся под бдительной охраной черкас. После военного совета Баим Болтин решился штурмовать новгород-северский костел: «и литовских людей, которые сидели в костеле многих побили и живых поимали». Были взяты две затинных пищали, из костела и рва выведено 152 человека²¹⁷.

Описывая городские укрепления, Баим Болтин подчеркивал, что тайник сделан хитро и выходит к самой Десне, поэтому лишить осажденных воды не удалось бы²¹⁸. Гарнизон Яна Кунинского засел в крепости с достаточным

²¹⁶ Кулаковський. П. Указ. соч. – С. 107 // *Lipiński W. Początek działań rosyjskich w wojny Smoleńskiej 1632-1634 i obustronne przygotowania wojskowe // Przegląd Historyczno-Wojskowy. – Т. IV. – Warszawa, 1931. – S. 53.*

²¹⁷ АМГ. – Т. I. – Стб. 512.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 528.

количеством провианта и боеприпасов, вследствие чего осада города могла бы затянуться на достаточно долгое время. Приняв решение лишить осажденных контактов с уездом, Баимом Болтиным были построены острожки возле городских стен.

Тем не менее, Кунинскому удалось отправить за помощью гонцов в город Нежин, где в ту пору находились капитан Счастный Вишель и Адам Вишневецкий, в распоряжении которых были 1000 человек ратных людей. Кн. Иеремия Вишневецкий, знаменитый польский магнат, располагал гораздо большим воинским контингентом – в 15 тысяч человек казаков и «подымовных» людей, но выступить к Новгород-Северскому так и не решился, мотивируя тем, что королевского приказа не поступало²¹⁹. Счастный Вишель обещал посланнику Яна Кунинского – шляхтичу Михаилу Орлу, что в скором времени вышлет на подмогу в осажденный Новгород-Северский войско в 6 тысяч человек. Однако не произошло и этого.

Горожане поспешили донести Баиму Болтину, что от Кунинского они слышали о готовящемся подходе через 4 недели военной помощи осажденным полякам.

4 декабря отряд из детей боярских, стрельцов и казаков головы Григория Толченинова (250 человек), вышедшего из Путивля, пополнил рать Б. Болтина. Вместе с Толчениновым в Новгород-Северский пришел отряд путивльского селитрянника, черниговца Дмитрия Горбунова (70 охочих людей)²²⁰.

15 декабря новгород-северцы «литовские люди и русские воры» решились на вылазку с намерением разрушить один из острожков «подле бояраков». Против них были брошены отряды Ивана Волжина и болховского сына боярского Игнатия Кривцова. Атаку удалось успешно отразить, после чего русские ратники гнали литовцев до самого города. 30 человек «литвы» оказались в плену.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 164, 131-132; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 527-528.

²²⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 95-96.

На военном совете 20 декабря Баимом Болтиным вместе с дворянами и детьми боярскими было принято решение брать город приступом, а его крепостные сооружения поджечь. Наступление длилось до полуночи, одна из городских башен (Иерусалимская) была подожжена охочими людьми черниговского сына боярского Дмитрия Горбунова. С нее огонь перекинулся на ближайшие строения, спалив половину города «до пороховая казны». Видя свое безнадежное положение, Ян Кунинский с «поляки и черкасы» пытался бежать по Стародубской дороге, однако был взят в плен.

Тем временем в городе продолжались бои, 11 знатных шляхтичей и два ксендза заперлись в башне у Никольских ворот. Среди них оказались: городской приказчик Мартин Арцишевский, новгород-северский и черниговский чашник²²¹ Томаш Липчинский, писарь Ян Струпчевский и Ян Милянковский. Поляки заявили, что сдадутся только при гарантии отпуска их вместе с семьями в Речь Посполитую. Баим Болтин отправил к ним детей боярских Сафрона Тютчева, Игната Кривцова, Александра Хитрова и Ивана Стремоухова для сопровождения через пылающий город и разгулявшуюся толпу.

Группа из 50 шляхтичей и 40 гайдуков, бросившись к одним из городских ворот, пытались бежать, однако, будучи окруженными ратными людьми, поляки сложили оружие. Со стороны Десны московские ратные люди вошли в город, где им сдались 400 человек поляков, черкас, гайдуков, пахолков и литовских крестьян. Из города были выведены 2000 человек русских посадских людей и уездных крестьян, которых частично планировали расселить в уезде, а частично разобрать дворянами и детьми боярскими. С башен сняли артиллерийский наряд. Пленные были отправлены в Москву двумя партиями – первыми были высланы 75 шляхтичей, затем 330 гайдуков, пахолков и черкас²²².

²²¹ Придворная должность в Великом княжестве Литовском. Чашники прислуживали великому князю на праздничных обедах. Как правило, чашниками были представители знатнейших родов.

²²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. Д. 27. Л. 138-140, 161-162, 239-245, 246-250, 359-361; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 73. Л. 68-77, 79-88; АМГ. – Т. I. – С. 485, 518, 520.

После взятия города Иван Еропкин торопился поскорее привести население «ко кресту» - присяге царю Михаилу Федоровичу, а затем выступить на Стародуб, где к тому времени уже находился Никита Оладьин, вышедший из Брянска²²³. Баим Болтин предлагал Ивану Еропкину не торопиться и для начала укрепить город, основательно выгоревший после поджога. Оставить его в таком состоянии и бросить большую часть походной рати под Стародуб сейчас было бы опасно – Новгород-Северский легко могли атаковать находящиеся в уезде неприятельские отряды. Не совсем ясна была ситуация с ожидаемым подходом рати Счастливого Вишля и войска кн. Иеремии Вишневецкого.

К январю 1633 г. в той части города, что находилась в ведомстве Баима Болтина, был построен острожек. Иван Еропкин в своей части строить острог отказался и 7 января с отрядом выступил в сторону Стародуба. К нему же присоединились солдаты немецкого полковника Анца Фридриха Фуца (Анса Индрика Фукса), в начале января присланного из-под Серпейска. Численность отряда последнего неизвестна, однако по Разрядным книгам за 1632 г., полк Фуца, сперва определенный к высылке под Смоленск, составлял 679 человек «капитанов, и майоров, и всяких приказных людей и салдат»²²⁴.

После ухода под Стародуб Ивана Еропкина, на его место был назначен Иван Бобрищев-Пушкин²²⁵. Вместе с ним в Новгород-Северский из Рыльска пришло и ратное пополнение из новгород-северских дворян и детей боярских – 179 человек, новгородских поместных и кормовых казаков – 91 человек, новгородских старых и новоприборных стрельцов – 100 человек. Из Курска и Севска прибыли также: курян детей боярских – 100 человек, стрельцов – севских и курских – 100 человек.

Таким образом, в подчинении Баима Болтина находились 388 человек, Бобрищева-Пушкина – 670, карачевца Ивана Буцнева и некоего стрелецкого

²²³ АМГ. – Т. II. – С. 558.

²²⁴ КР. – Т. II. – Стб. 387.

²²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 638, 718-719.

головы – 240 человек²²⁶. Здесь же служили и 100 брянских стрельцов²²⁷. Итого ратный контингент Новгород-Северского составлял цифру в 1398 человек. Поскольку Иван Еропкин, уйдя в Стародуб, забрал с собой свинцовую и пороховую казну, вместе с Бобрищевым-Пушкиным из столицы прислали две пищали и ядра к ним²²⁸.

Взяв Новгород-Северский, московская администрация незамедлительно приступила к формированию местного гарнизона и корпорации служилых землевладельцев. В первую очередь в городе поселились 179 новгород-северских детей боярских, вышедших после 1618 г. в Россию, 91 поместный и кормовой казак. Численность «новоприборных» стрельцов поначалу составляла 80 человек, однако позднее гарнизон пополнился еще двадцатью. Кроме того временно в городе несли службу черниговские стрельцы, присланные из Путивля (100 человек), севские стрельцы (100 человек), курские дети боярские с головой (100 человек), курских стрельцов (также 100 человек)²²⁹.

Рассмотрим события в окрестностях Трубчевска, происходившие параллельно с боями под Новгород-Северским. В начале 20-х чисел ноября 1632 г. под Трубчевском появляется крупный (порядка 700 человек) отряд из детей боярских Карачева, охочих людей и казаков из Сомовской и Комарицкой волостей, возглавляемый подьячим севской съезжей избы Григорием Ферапонтовым, стародубцем Осипом Бакшеевым и братьями Веревкиными (Горностаем и Семеном). Увлеченные преследованием польского отряда, отброшенного от деревни Сныткиной Комарицкой волости на территорию Трубчевского уезда, эти ратные люди незамедлительно приступили к осаде города. На помощь Ферапонтову из Севска в срочном порядке выступил голова Григорий Бакшеев с казаками и стрельцами. Он вез с собой 2 пищали полковые, 5 пудов пороха, 3 пуда свинца и 50 ядер.

²²⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 11-13.

²²⁷ КР. – Т. II. – Стб. 673.

²²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 638, 719.

²²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 454.

Прибыв под Трубчевск, севчане застали под городом служилых людей брянского головы Андрея Зиновьева. Началась осада города, доступ к воде был перекрыт, что в последствие сыграло решающую роль.

Утром 5 декабря 1632 г. Трубчевск, после двухнедельной осады русским войском, пал. Город принял Григорий Бакшеев, с вестью о победе (сеунчем) в Москву были отправлены сын боярский Горноста́й Вере́вкин и карачевский казачий атаман Илья Горячкин. По словам этих служилых в Трубчевске некоторые поляки, гайдуки и прочие литовские люди во главе с шляхтичами Богданом Нетицким и Иваном Синицким пожелали перейти на службу московскому государю и целовали крест. Тем, кто остался верен Речи Посполитой и присягнуть русскому царю не захотел, было разрешено уйти на территорию польского государства.

Походным воеводам с трудом удалось держать ситуацию в городе под своим контролем. Некоторые служилые люди бросились на добро трубчевских горожан и поляков. От рук разбушевавшейся толпы из комарицких и сомовских мужиков едва не погиб урядник Трубчевска Богдан Красковский. Григорий Бакшеев и Семен Веревкин, ворвавшись в самую гущу вышедших из подчинения крестьян, рубили их саблями и ослопами²³⁰. Красковского вместе со челядью отпустили в Речь Посполитую.

Урегулировав обстановку в городе, Андреем Зиновьевым, назначенным городским воеводой, были произведены перепись населения Трубчевска, инвентаризация артиллерийского наряда, пороховой казны и имеющегося свинца²³¹. В городе московским воеводам достались: «пищаль волконея (фальконет) железная, к ней 37 ядер, ядро по полугривенке, 4 пищали затинных, да мушкет большой; к ним 18 ядер свинцовых, дробу (дробь) железного полпуда; зелья 4 пуда 1 гривенка, свинцу 3 пуда пол-4 гривенки²³²»²³³. Началось формирование трубчевского гарнизона.

²³⁰ РГАДА. Ф.210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 69-100.

²³¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 310.

²³² Весовая мера. В одном пуде 40 больших фунтовых, а малых гривенок 80.

²³³ КР. – Т. II. – Стб. 465.

В стрельцы было велено прибрать вольных и охочих людей числом 100 человек. Жалование им предполагалось назначить по примеру с брянских стрельцов: пятидесятникам 4 рубля, 7 чети ржи и овса; десятникам – 3,5 рубля, 6,8 ржи и овса; рядовым – 3 рубля, хлеба 6 четей. Для этого на трубчевском торге велено было кликать бирючам, созывая всяких желающих в стрельцы. Однако таковых не нашлось. В городе находились 28 человек людей князей Трубецких, составлявших при польской администрации отдельную хоругвь²³⁴. На предложение стать стрельцами они ответили отказом, сообщив, что хотят и впредь служить конную службу в казаках, а земли держать за собой по-прежнему²³⁵. Кроме них, конную службу в Трубчевске несли также местные полковые казаки, как категория служилого населения известные в городе еще с 1604 г.²³⁶

Вопрос с формированием местного стрелецкого гарнизона вскоре разрешился. В город были переведены 100 человек московских стрельцов. Также среди служилых Трубчевска на временную и постоянную службу были назначены 92 человека воронежских поместных атамана и беломестных казака, 5 пушкарей, 39 посадских людей и 9 бобылей²³⁷. В Трубчевске находились и севские казаки: «по 25 человек, переменяясь помесечно». Итого гарнизон Трубчевска насчитывал 325 служилых людей, 48 жилецких и 25 казаков Севска.

Трубчевск был принят в состав Московского государства в качестве одной большой дворцовой волости²³⁸. Помимо этого некоторые дворцовые волости образовались также в Стародубском уезде, к примеру, Дроковская²³⁹. Кроме того, на территории Трубчевска находились владения Чолнского монастыря.

²³⁴ Станиславский А.Л. Гражданская война в России. XVII века. Казачество на переломе истории. – М., 1990. – С. 239.

²³⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 357, 358.

²³⁶ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Akty_Popov_I/41-60/42.htm

²³⁷ КР. – Т. II. – Стб. 464-465.

²³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 60. Л. 336-342.

²³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 44; о Дрокове см: Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Полк Стародубский. – Т. I. – Брянск, 2008. – С. 405.

Горожане и уездное население Трубчевска всецело оказались на стороне московских ратных людей. Из жителей посада были сформирован отряд охочих людей во главе с Сенькой Шеломечковым, участвовавший в последствии вместе с ратными людьми в штурме Стародуба²⁴⁰.

В Трубчевск и его уездные селения стали приходить люди из Рыльского и Брянского уездов, а также Комарицкой волости, называющие себя здешними старинными жителями. Судя по их сообщениям, после отдачи Трубчевска полякам в 1618 г. эти люди «пометали (побросали – прим. автора)» свои дворы и пашни, а на их землях были испомещены литовские люди. Эти крестьяне жили в дворцовых селах и деревнях в России, а иные за детьми боярскими. Царский указ постановил принимать этих выходцев и ничем им преград в поселении на территории уезда не чинить²⁴¹.

Последним пунктом в данной военной кампании был Стародуб. 28 декабря 1632 г. отряд товарища брянского воеводы - Никиты Оладьина - встал в двух верстах от города. Уже 3 января служилые люди осадили Стародуб. Литовские ратники совершили несколько вылазок под прикрытием крепостной артиллерии, но все их атаки была отбиты. Спустя пять дней Иван Еропкин, Богдан Нагой и немецкий полковник Анц Фуц подошли к городу. Найдя свое положение безнадежным, городской урядник Станислав Колмацкий принял решение о капитуляции²⁴². В городе русским достался внушительный артиллерийских наряд: пушка медная в длину сажень, без ядер, полуторная медная пищаль с 470 ядрами, 5 полковых пищалей с 10 ядрами к каждой, 13 затинных пищалей и одна медная пищаль с разорвавшимся стволом. Ко всему этому 8 пудов пороха, 7 пудов свинца, 20 пудов селитры²⁴³. Как того и требовали обстоятельства – в городе был сформирован местный гарнизон²⁴⁴.

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 9.

²⁴¹ Там же. Л. 492.

²⁴² АМГ. – Т. I. – С. 560.

²⁴³ АМГ. – Т. I. – С. 553.

²⁴⁴ Из Брянска с головой Ефимом Самариным в Стародуб прибыли 60 стародубских детей боярских, «которые были в Стародубе при Литве», две неполных сотни московских стрельцов (194 человека), 30 недавно прибранных в службу казаков, 12 пушкарей и затинщиков. В сентябре 1633 г. в городе были

Закрепившись на означенных позициях в указанных городах, воеводы направляли своих людей в тыл противника. 22 января из Стародуба под Гомель за «языками» вышел отряд детей боярских Богдана Булгакова и Ивана Ермолина. 30 января ратные люди вернулись в Стародуб. Судя по их отчету, московские ратники выжгли посад Гомеля и «повоевали» его уезд, «села и деревни выжгли ж, и уездных людей многих побили и в полон поимали». В бою под Гомелем был ранен сам голова Богдан Булгаков²⁴⁵. Сюда, под Гомель, а также Пропойск и Чечерск, ходили комарицкие охочие люди: «под Стародубом гоняли в загон, воевали литовскую землю, села и деревни повоевали и пожгли и у городов посады и слободы пожгли». Кроме этого, крестьяне набрали себе полон, который по возвращению домой предполагали поселить в своих дворах, а также частично продать. Как только комаричане вернулись под Стародуб из Гомельского уезда с полоном «и с лошадьми и з животиною и со всякою полонною рухледью», были ограблены дворянами и детьми боярскими: «полон и лошади и платья и всякую добычу поотнимали». На что охочие люди били челом московскому царю с просьбой дать разрешение на новые походы в Речь Посполитую: «[нам], вольным людишкам, ... Комарицкой волости крестьянишком ходить в Литовскую землю войною»²⁴⁶.

В конце января, дети боярские и донские казаки вместе с комарицкими охочими людьми влились в отряд крестьянского атамана Ивана Балаша, находящегося в Стародубском уезде. Отсюда эта рать направилась к Чернигову и «к черкасским городам» для грабежа. Государева грамота, обращенная к разбойникам, призывала их отстать от воровства и грабежа черкасских городков, стыдило их за этот поступок - поход в черкасские города без царского приказа. Особо оговаривалось то, что воеводам северских городов разрешалось «промышлять [войной]» лишь над теми

поселены 55 стародубских детей боярских, живших до этого в Алатыре. Помимо этого вооружены были жители стародубского посада: с пищалями 60 человек, рогатинами 288 человек. Общая численность нового гарнизона составила 351 человек (КР. – Т. II. – Стб. стб. 461-462).

²⁴⁵ АМГ. – Т. I. – С. 552.

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 569, 570.

уездами Речи Посполитой, которые ранее находились в составе Московской Руси, «чтоб их от литовских людей очистить к московскому государству по прежнему». Правительство царя Михаила Федоровича уличало ратных людей в разорении сел и деревень, захвата в полон единоверцев - православных христиан, «чего в Московском государстве николи не повелось». Служилым людям было обещано, что за их «ослушание» никакого наказания они не понесут, «кормовые деньги велено ... давати по прежнему». Отдельное обращение к Ивану Балашу и его охочим людям призывало идти на службу под Смоленск «без всякого сумнения». Охочим же людям украинских и северских городов надлежало вернуться домой, «кто откуда пришел», на черкасские города «однолично без ... царского указу» не ходить²⁴⁷.

Основная задача отрядов воевод Баима Болтина, Ивана Еропкина, Никиты Оладьина и Андрея Зиновьева была выполнена. Русским удалось закрепиться в означенных городах и создать здесь военный район. Однако неудачные боевые действия русского войска под Смоленском предопределили исход всей кампании в целом. 20 апреля 1634 г. в деревне Поляновка, находившейся между Дорогобужем и Вязьмой, начались мирные переговоры между Россией и Польшей. Русскую сторону представляли боярин Ф. И. Шереметев; окольный князь А. М. Львов; дворянин С. М. Проестев и дьяки Г. Нечаев и В. Прокофьев. Польскую - коронный канцлер епископ Я. Задзик, литовский гетман Христофор Радзивилл.

В Москве отказалась от всех занятых в ходе войны русских городов: Новгород-Северского, Трубчевска, Почепа, Чернигова Стародуба и Рославля. Исключение составил только Серпейск с уездом. Речь Посполитая обязалась вывести свои войска из пределов Русского государства. Кроме того, польский король Владислав отказался от всяких претензий на русский

²⁴⁷ АМГ. – Т. I. – С. 447-448.

престол. Россия должна была выплатить Речи Посполитой контрибуцию в размере 20 тысяч рублей²⁴⁸.

4 июня было подписано мирное соглашение. Московским государем по разным украинным городам были разосланы грамоты о прекращении боевых действий, «чтоб на обе стороны кровь христианская унять». Согласно условиям Поляновского перемирия, состоялся обмен пленными: «а которые русские люди в полону в Польше и в Литве, и тех, по посольскому договору, всех из Польши и из Литвы отпустить в московское государство тотчас; а которые польские и литовские люди в полону в нашем в московском государстве, и тех полонянников отпустить в Польшу и в Литву»²⁴⁹. Теперь все походы «для промыслу» в литовские и черкасские города русских ратных людей пресекались: «и ... по мирному договору в литовскую сторону, за рубеж, в войну ... ратных людей не посылали; ... и ... мимо ... указа самовольством за рубеж не ходили и с порубежными людьми задоров никаких не делали». Всякому, кто ослушался бы этих предписаний, грозила смертная казнь. Тогда же решился вопрос и о полонянниках, в массовом количестве находящихся у русских ратных людей порубежных городов: «тех всех полонянников ... переписать, кто именем и которых городов, где кто взят и кто какой веры, и в нашем в московском государстве кто крещен в нашу, в православную, в крестьянскую веру». Списки полонянников надлежало отправлять в столичный Разряд²⁵⁰.

В 1634 г. в съезжих избах разных северских городов были составлены росписи «литовского полону», набранного черниговскими, рыльскими, рославльскими, брянскими и почепскими дворянами и детьми боярскими, рыльскими и путивльскими беломестными и полковыми казаками, пушкарями, брянскими стрельцами и людьми «пушкарского чину». Характерно, что, судя по росписям, в походах принимали участие и местные соборные попы. Росписи представляли также донские казаки и атаманы,

²⁴⁸ Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. – СПб. 2009. – С. 29-33.

²⁴⁹ АМГ. – Т. I. – С. 623.

²⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 605-609.

бывшие в походах в составе московского рати под Новгород-Северском, Трубчевском и прочих «городех»²⁵¹. Ратные люди обстоятельно рассказали, кого из пленников, где и при каких обстоятельствах взяли: «а взял того мальчика с товарищи ... как приходили литовские люди под Рыльск из-под Севска» и пр. Примечательно, что некоторые «полонянки» были куплены у комарицких крестьян и казаков станицы Балаша: в то время за пленника давали по 2,5-3 «рубли» и «больши», до восьми включительно.

В съезжей избе Севска отметились соборные попы, севские пушкари, даточные и жилецкие казаки, стрельцы, ямщики, а также крестьяне Чемлыжского стана. Главным контингентом пленников у севчан и комарицких крестьян были женщины и девки, взятые во время походов под Борзну, Стародуб и Трубчевск²⁵².

Начался вывод служилых людей из Трубчевска, Новгород-Северского, Почепа, Стародуба и Рославля. Дворяне, дети боярские и приборные служилые люди были выведены в Рыльск, Севск, Карачев, Брянск и Путивль. В начале июля 1634 г. произошла передача Трубчевска, Стародуба, Новгород-Северского и Почепа Речи Посполитой. 1 июля польскому представителю Якову Меленовскому брянчанином Андреем Зиновьевым был сдан Почеп. Как и полагалось, московскими людьми полякам были предоставлены росписи пороховой казны и артиллерийского наряда. Почепским детям боярским вновь пришлось вернуться в Брянск, куда они и были сведены после «первой почепской отдачи» в 1618 г. В Брянск ушли также 8 человек местных детей боярских, которые ранее не выходили на поселение в Брянск, а остались здесь, «за королем». 20 посадских людей пожелали остаться в Почепе²⁵³.

2 июля рылянин Иван Стремоухов по государеву указу передал литовцам городские ключи от Трубчевска, опись наряда и прочее – «с щем [чем] взяли город». Приняли город «королевские дворяня» Криштоф

²⁵¹ РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. Д. 72. Л. 127-214.

²⁵² Там же. Л. 209-214.

²⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 118. Л. 275.

Хвощевич и Криштоф Ехнунович²⁵⁴. В Севск вышли 24 человека трубчевских стрельца, оружие у которых изъял Иван Стремоухов, отдав в брянскую казну. 7 июля из Трубчевска в Брянск вышли люди «разных чинов», среди которых: игумен Чолнского монастыря, соборный поп, трубчевские дети боярские и их неверстанные родственники, стрелецкий голова, стрелецкий пятидесятник «со своею пятидесятнею» и пушкари²⁵⁵. 8 июля воевода Иван Бобрищев-Пушкин со всеми формальностями передал Новгород-Северский хорунжему Счасному Вишелю и Николаю Пенскому. Любопытно, что далеко не все новгород-северские «русские» служилые люди покинули город и ушли в Севск и Рыльск. Так, остались «с государевыми казенными пищальми и без них ... а в государевы города идти не похотели» 37 стрельцов (из них 2 пятидесятника и 4 десятника), 10 человек пушкарей и затинщиков²⁵⁶. Дворяне, дети боярские а так же казаки и атаманы всех мастей (кормовые и поместные) «из Нова городка вышли все в Рылеск», за исключением новика сына боярского Василия Хваева, оставшегося по непонятным причинам. Туда же был привезен и вестовой колокол. Приборные служилые люди, пришедшие в Рыльск, были представлены 59 стрельцами с казенными самопалами, 24 человека пушкаря и затинщика, «а те пушкари и затинщики по государеву указу были в Новгородке на житье из Севска» (севские пушкари, после взятия Новгород-Северского Баимом Болтиным, некоторое время находились в этом городе). Прочие служилые люди (казенный кузнец, рассыльщик, «старые новгородские пушкари и затинщики» составляли группу в 8 человек²⁵⁷. Четыре человека новгород-северских стрельца были задержаны литовскими людьми по неясным причинам.

²⁵⁴ Там же. Л. 199.

²⁵⁵ Там же. Л. 197-198.

²⁵⁶ Там же. Л. 225-226, 228.

²⁵⁷ Там же. Л. 220.

§ 2.1.2. Севское осадное сидение (март 1634 г.)

В годы Смоленской войны (1632-34 гг.) отряды поляков и черкас дважды появлялись под стенами Севска. Первый приступ, судя по челобитной воеводы Федора Пушкина, датируется 3 июня 1633 г. Сведения о количестве нападавших и составе их отрядов скудны: пришли под Севск «многие литовские люди поляки и черкасы запорожские». Воевода расписал по воротам и башням севских ратных людей и даточных казаков с комарицкими крестьянами и, укрепившись, сел в осаде. При этом крестьяне волости двух северных станов – Глодневского и Брасовского – не дали ни одного даточного казака на службу в Севск²⁵⁸.

Особое внимание вызывает эпизод осады Севска в начале марта 1634 г. Судя по данным, полученным от двух пленных черкас, захваченных рыльскими служилыми людьми в апреле 1634 г., действия отрядов казацких полковников находились под непосредственным командованием коронного гетмана Конецпольского, направившего под южные русские города 12 тыс. черкас во главе с гетманом Ильяшом Бутом (Черным)²⁵⁹.

Прежде чем появиться в Комарицкой волости, черкасы и поляки пытались овладеть Курском (13-15 января)²⁶⁰. 1 марта 1634 г. под Севском появился большой отряд из поляков и запорожских черкас, взявший город в осаду. Неприятель стал лагерем (табором) в городских предместьях.

По мнению атамана охочих людей из Комарицкой волости Ивана Колошинского²⁶¹ под Севск пришли отряды кн. Иеремии Вишневецкого, польного гетмана²⁶² Николая Жолкевского, запорожцы гетмана Ильяша Бута, а также полковники Григорий Черкасский, Данила Каневский, Яцко Острянин, Юрко Чигиринский (Латыш), Филон Корсунский и некто Белецкий. Ивану Колошинскому (по-видимому происходящему из села

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 372.

²⁵⁹ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в. – Белгород, 2004. – С. 159.

²⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 102. Л. 514.

²⁶¹ См. Приложение 2.

²⁶² Hetman polny (польск.) – заместитель командующего армией в Речи Посполитой.

Колошичи дворцовой Комарицкой волости) удалось наскоро собрать отряд из охочих людей Севского уезда и уже 3 марта выступить в сторону Севска на помощь осажденным. Не дойдя до города 20 верст на р. Нерусса, Колошинский со своими людьми столкнулись с небольшим неприятельским отрядом из «литвы», с которым вступил в бой. Литовцы были разгромлены, удалось захватить трех «языков», среди которых оказался атаман Федор Навакевич (Новоковский), черкашенин из Переславля. Двое других захваченных «языков» оказались простыми «пашенными мужиками» (крестьянами): Ивашка Кузьмин (Коцов) из Лохвиц, а Ивашка Моисеев из окрестностей Белой Церкви. В расспросе Коцов сообщил, что 4 недели назад в Лохвицах кн. Иеремия Вишневецкий начал сбор «подымовных» даточных людей с крестьян своей вотчины: с 3-х дворов по человеку, в число которых попал и он, Ивашка. Все трое утверждали, что как только войско князя и черкасских полковников подступило к Севску, они его покинули и в составе отряда численностью в 80 человек направились в Комарицкую волость для грабежа. Колошинский незамедлительно направил захваченных языков в столицу через Карачев в сопровождении сотника Дядчева, есаула Найденки Харланова и казака Ивашки Мартынова. Наиболее содержательные показания дал черкашенин Ивашка Моисеев, рассказав следующее. К запорожцам он пристал накануне Покрова Пресвятой Богородицы (14 ноября) того же года и пришел в Севск вместе с войском Ильяша Бута. О количестве людей у короля и королевича под Смоленском Ивашка не знал, зато сообщил, будто бы ему известно, что прошлой осенью из-под Смоленска король и королевич писали гетману Конецпольскому о сборе гусар и запорожцев и о присылке оных в качестве военной помощи. Конецпольский в тот момент стоял на турецкой границе в городе Бар. В середине февраля Конецпольский отпустил в Смоленск Жолкевского с 2000 человек. По указу польского короля князь Иеремей Вишневецкий провел сбор подымовных людей в своих вотчинах – по человеку с 3-х дворов, в ходе чего собрал порядка 5000 человек. По словам Моисеева, запорожцев было 2000 человек, а

всего вместе с Жолкевским и Вишневецким черкас, поляков да подымовных людей – 9000 человек. Тогда же, в середине февраля, в Батури к Жолкевскому «в товарищи» был направлен некий поляк Лука, чтобы идти вместе с ним под Севск. Кроме того Федор Новоковский сотоварищи добавили, что слышали они о приходе под Каменец-Подольский крымских татар с ханом Темиром-Мурзой²⁶³. Из речей пленных черкас следует, что кн. Вишневецкий, придя под Севск, располагал достаточно внушительными силами, но основной контингент его войска составляли насильно мобилизованные даточные люди его вотчин.

В гарнизоне Севска во время осады находилось 250 стрельцов, 125 городских казаков и 300 даточных комарицких казаков. Из числа этих служилых людей по словам воеводы Федора Пушкина «на ... государевых службах под Новым Городком Северским и под Стародубом и под Трубчевском и в литовские приходы под Севском в приступы и на выласках» были убиты 31 стрелец, 15 человек служилых казаков и 32 даточных комарицких казака. Однако положение их было бедственное: «с осадные нужи отцынжали (болеют цынгой), лежат больны»²⁶⁴. Итого – всего 597 человек. С таким числом служилых людей воеводе Пушкину пришлось выдержать почти двухнедельную осаду города войском кн. Вишневецкого.

Восстановить ход событий можно по двум отпискам севского воеводы Федора Пушкина, отправленных в 20-х числах марта в Разряд вместе «с проходцы» (гонцами) из даточных казаков Карпиком Семеновым и Пронькой Подовинниковым²⁶⁵. Из этих писем следует, что уже 1 марта, как только Севск был взят в осадное кольцо «со всех сторон», из острога произошла первая вылазка отряда стрелецкого и казачьего головы - стародубца Григория Бакшеева, состоящего из местных служилых и охочих людей,

²⁶³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 70-75.

²⁶⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 110. Л. 6-7.

²⁶⁵ См. Приложение 1.

конных и пеших. В ходе завязавшегося боя севчанам удалось уничтожить небольшой отряд из «литвы» и черкас, были взяты «языки».

Следующая вылазка «на литовских людей и на таборы» произошла на следующий день, 2 марта. Отряд возглавили стародубцы Григорий и Василий Бакшеевы, сын боярский Дмитрий Рагозин и подьячий севской съезжей избы Степан Фофанов. Как и в прошлый раз в отряде находились севские стрельцы и казаки, даточные комарицкие казаки и охочие люди. В этой вылазке севчанам удалось взять неприятельские знамена и еще нескольких «языков». В допросе с пытки они рассказали, что под Севском кроме всех перечисленных И. Колошинским с кн. Иеремией Вишневецким стоят полковники Кассаковский и Кисель, капитан Счастный Вишель, а с ними: «поляков, фуртьян²⁶⁶ и немец, которые были в прошлом году против турок, и казаков запорожских, письменных (реестровых) выписных (исключенных из негого), и королевских, и Вишневецкого городов гайдуков и всяких сборных людей тридцать тысяч». Из артиллерийского наряда у кн. Вишневецкого и казацких полковников были 8 медных полуторных и полковых пушек. Пленники сообщили также о подготовке подкопа.

После второй вылазки неприятельское войско вновь совершило атаку городских укреплений Севска: «учинило тесноту великую», около крепостных стен в 15 саженьях стояли туры, с которых велся непрерывный огонь из пушек – «и день, и ночь». На головы осажденным севчанам сыпались зажженные стрелы.

Для предупреждения новой вылазки черкасы устроили в своих сотнях караульные роты. В ночь с 3 на 4 марта отряд осадного головы Алексея Руднева и севских подьячих Григория Ферапонтова, Ивана Федорова и Мелентия Никитина вместе с севскими и комарицкими служилыми людьми внезапной очередной контратакой отбили от города эти караульные роты: «многих поляков и литовцев посекли, языков взяли».

²⁶⁶ Вероятно волохов (румын или молдаван).

После небольшого затишья 6 марта в Севск от кн. Вишневецкого и гетмана Жолкевского был прислан поляк с целью провести переговоры о размене полона: государевых людей, которые взяты на боях под Севском, на тех черкас и литовцев, что были полонены севчанами в Борзне и иных городах. Поляк, ссылаясь на слова Вишневецкого и Жолкевского, предложил прислать в Севск роспись этих полоняников.

Для переговоров по данному вопросу в неприятельский лагерь отправился голова Григорий Бакшеев, но компромиссного решения в переговорах найдено не было. Раздраженные упорством осажденных, кн. Вишневецкий и гетман Жолкевский направили в Севск лист с угрозами, чтобы Федор Пушкин сдал им город, а сам со служилыми людьми его покинул. Не желая продолжать безрезультатные переговоры, Пушкин вернул им письмо, гонцу велел передать «с бранным словом», чтоб они впредь «таких врак и прелестных слов» ему не писали. После чего на лагерь осаждавших обрушился шквал пушечного и ружейного огня.

Опасаясь возможной измены и для «укрепления осадного сидения», Федором Пушкиным была учинена присяга голов, приказных, служилых и осадных людей на верность царю Михаилу Федоровичу и его сыну царевичу Алексею: «[чтобы им] ... служить и прямить, и во всем радеть, и города не сдать и из города не скинуться и никакия хитрости над городом не учинить».

В ночь с 6 на 7 марта, с 3-х часов утра, неприятель пошел на новый ожесточенный приступ, смыкая кольцо вокруг Севска. Во многих местах был выломан частокол, в ров неприятель набросал дрова и солому, успел поджечь две башни. В отчаянной схватке и этот приступ был отбит. Пожар потушили, рвы очистили, а заодно захватили новых «языков». Видя такое положение дел, «крепкостоятельство» севчан, в первом часу дня враг снял осаду и отошел от городских стен, после чего удалился в свой лагерь. Из таборов были направлены небольшие отряды в соседние с Севском города. Бежавшие к севчанам из польского лагеря «выходцы ... русские люди» сказали, что под городские стены Севска ведется подкоп. По прошествии нескольких дней

относительного затишья, 12-го марта отряды Дмитрия Рагозина, братьев Бакшеевых и Афанасия Никитина атаковали вражеские шанцы, где порубили «многих людей». Место подкопа было обнаружено и вскоре засыпано.

В ходе осады поляки получили весть о выступлении в поход турецкого «царя» с крымскими татарами. Вишневецкий, Жолкевский и Казановский вместе со своими полковниками «сняли» походные таборы и выдвинулись в сторону Литовского рубежа. Между людьми кн. Вишневецкого и запорожцами возник конфликт. Они отказывались возвращаться в Литву и желали идти к Смоленску или на Муравский шлях²⁶⁷.

Тем временем небольшие отряды поляков и запорожцев после снятия осады Севска 20 марта отправились в Комарицкую волость для «шарпанья» (грабежа и разбоя). Между тем, кн. Вишневецкий изменил направление и в скором порядке выступил в сторону Карачева, где был уже 23 марта. Но и этот город смог выдержать осаду неприятеля²⁶⁸.

Отсюда отряд черкас во главе с гетманом Ильяшем, полковниками Данилой Даниловым и Яцко Остринином выступили в сторону Курска, который безуспешно пытались взять с 4 по 16 апреля²⁶⁹.

Несмотря на малочисленность гарнизона (всего 597 человек), севчанам удалось выдержать осаду и производить частые активные вылазки против войска кн. Вишневецкого и казацких полковников. Основная заслуга в этом принадлежала правильной организации обороны воеводой Федором Пушкиным и его начальными людьми. Хотя соотношение сил было не в пользу севских ратных людей, основную массу войска кн. Иеремии Вишневецкого составляли его «подымовные» крестьяне, боеспособность их была крайне низкой.

²⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 70-75.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 117. Л. 126.

²⁶⁹ Папков А.И. Указ. соч. – С. 159.

§ 2.2. Военно-оборонительная роль служилого сообщества Комарицкой волости в годы Смоленской войны

Годы Смоленской войны на северском театре боевых действий примечательны широким движением крестьянских масс. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости принимали участие в боевых действиях в качестве охочих людей, возглавляемые своими сотниками и есаулами, а также в роли даточных казаков – ратников, укрепивших гарнизон Севска с 1632 по 1634 гг.

Все эти формирования сыграли разную, подчас не однозначную, роль в организации обороны Севска и Комарицкой волости во время вторжения неприятельских отрядов.

§ 2.2.1. Даточные казаки

По мнению историка Е. Сташевского первый набор даточных казаков произошел в 1633 г., когда были взяты на службу первые 600 человек. Это не совсем так. Данное служилое сообщество появилось в гарнизоне Севска уже к февралю 1632 г., накануне Смоленской войны. Воевода Михаил Еропкин отправил в Москву с вестями о моровом поветрии в Могилевском уезде и выходе на «государево имя» новгород-северского гайдука Левки Соколовского с даточным казаком Степаном Гордеевым²⁷⁰.

Набору даточных казаков предшествовала царская грамота из приказа Большого дворца, который ведал всеми делами в дворцовой волости: «взято было в Севск с Комарицкие волости даточных козаков шестьсот человек». В 1644 г. севский воевода, Никифор Никитич Нащокин, сообщал, правда, о 500 казаков: «а в прежние годы ... были в Севску взяты ис ... дворцовой с Комарицкой волости с крестьян пятьсот человек датошных людей с пищальми»²⁷¹. В первой половине октября 1632 г. воеводы Федор Плещеев и Баим Болтин, прибывшие с болховскими и карачевскими детьми боярскими в

²⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 83. Ст. 10. Л. 143-165.

²⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 155.

Севск, сообщали о 400 даточных казаках, находившихся в городе²⁷². Судя по всему численность даточных казаков в Севске постоянно менялась – от 200 до 600 человек, в зависимости от обстановки и позиции крестьян.

Смена наименования с даточного человека к даточному казаку связана в первую очередь с реорганизацией службы этих ратников: «и Комарицкие ... волости даточным по прежней ... государеве дворцовой грамоте отъезжие службы служить не велено, а велено ... им служить ... горадавую осадную службу в Севску»²⁷³. В отличие от даточных людей, записей в разрядных книгах о даточных казаках нет. По всей вероятности эти ратники собирались только на случай вестей об активности поляков, черкас и татар, то время как служба даточного требовала постоянного присутствия их в городе. Иногда даточные люди и даточные казаки фигурируют в числе севских ратных людей одновременно²⁷⁴.

Комарицкие крестьяне обязаны были выставлять даточного казака «для осадново времени» с каждой жилой выти, снабдив его пищалью, топором и рогатиной, а также боеприпасами и провиантом. В Севске даточные казаки служили «понедельно», затем уступали место новой очереди. Так как даточные казаки являлись всего лишь временными служилыми людьми, то поручные записи по ним не составлялись – правительство намеревалось использовать их только на время осады: «имати даточных козаков по их крестьянской очереди понедельно и беспоручно»²⁷⁵.

Даточные казаки привлекались к ближним походам против черкас, поляков и татар, а также преследованию неприятеля. В середине августа 1633 г. в Комарицкую волость, со стороны Карачева проникает татарский отряд. Против степняков был брошены ратные люди - отряд севских и даточных комарицких казаков головы Григория Бакшеева. 15 августа он писал, что ходил за крымскими воинскими людьми по сакме в степь, но татар

²⁷² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 72.

²⁷³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 564.

²⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 464.

²⁷⁵ Там же. Л. 181.

так и не нашел, «потому что итить была ему в степь далече за теми крымскими людьми не с кем». Бакшееву пришлось вернуться в Комарицкую волость, причем на обратном пути охочие люди стали покидать его отряд: «все разошлись по себе». Выслеживать татар с наличием такого числа служилых людей было опасно – с Григорием Бакшеевым остались всего 70 человек казаков. Остальным служилым вместе с комарицкими даточными казаками было наказано стоять в Комарицкой волости на Свиной дороге «в крепкие места и в крайние села и деревни для обереганья от татар». 17 августа татары дали о себе знать в Глодневском и Радогожском станах, возле Свиной дороги, где пожгли несколько сел и деревень. Действуя оперативно, ратными людьми в деревне Пальцево Глодневского стана был построен острожек. Далее по рассказу Бакшеева следовало, что в некоторых местах волости произошли стычки служилых людей с крымцами, где: «севские и комарицкие даточные казаки с теми крымскими людьми дрались». 18 августа татары в третий раз совершают набег на селения Комарицкой волости – были атакованы деревни Бычки и Кузьминки, где также бои с русскими ратными людьми – Ивашкой Беляевым и Бориской Орефьевым сотоварищи. Согласно смете с татарских следов – сакм - севскими казаками было определено, что татары приходили в Комарицкую волость численностью «тысячи с две и больши»²⁷⁶.

Кроме ратной службы, даточные казаки Комарицкой волости выполняли также полицейские функции, отправлялись воеводами в Москву и соседние города с письмами. В 1633 г. даточным казакам Титу Герасимову и Степану Елизарову сотоварищи поручалось задержать 10 человек комарицких крестьян, ходивших в деревню Полевые Новоселки Новгород-Северского уезда с целью грабежа²⁷⁷.

Новая ратная повинность оказалась для комарицких крестьян весьма тяжелой, особенно в годы Смоленской войны и частого разорения

²⁷⁶ РГАДА. Ф.210. Столбцы Московского стола. Д. 79. Л. 107-108.

²⁷⁷ Там же. Л. 281-286.

неприятельскими отрядами их сел и деревень. Последнее обстоятельство являлось главным критерием плохой организации казачьей службы крестьян, что проявлялось в подобных эпизодах. 27 февраля 1633 г., в то время, когда «приходили под Путивль литовские люди», воевода Севска Федор Пушкин отправил в Комарицкую волость «многих жилых и даточных козаков с паметьми (грамотами)» для набора со всех четырех станов «для осадного времени ... даточных козаков к прежним в прибавку с выти по человеку». Однако комаричане воеводских грамот не послушали и даточных казаков в Севск не дали. Далее Федор Пушкин подчеркивал, переписываясь с Разрядом: «а на которые ... немногих сел и деревень крестьяне не по своей очереди даточных козаков прислали – и те без пищалей и без запасов. И те их даточные казаки, быв дни по два и по три, из Севска збежали». Пушкин отмечал, что в осадное время эти казаки «непрочны и безопасны», а в «приход литовских людей с такими быть опасно»²⁷⁸.

Следующий эпизод иллюстрирует явственное нежелание комаричан отбывать ратную службу. В мае 1633 г. из Путивля в Севск приехали севские казаки Ивашка Смыков и Алешка Гордеев. Они доложили, что слышали от воевод Никиты Гагарина и Андрея Усова о том, что 12 мая с Мокшевицкого перевоза (на р. Сейм) путивльские сторожевые казаки привезли тревожную весть о черкасах, направляющихся под Путивль. По примерной смете, литовских людей было «сорок тысяч». Черкасы и поляки везли с собой «по два челны на десятка». Мокшевицкий перевоз находился достаточно близко к Путивлю – всего в десяти верстах. По случаю этого, местные воеводы приказали ратным людям сжечь посад. Получив такую новость, Федор Пушкин вновь попытался набрать в Севск 400 человек даточных казаков «к прежним в прибавку», но крестьяне вновь не дали ратников в Севск. Более того: крестьяне с женами, детьми и пожитками и сами отказались ехать в осаду в Севский острог, предпочитая скрыться в лесах. По вестям комарицкие крестьяне Чемлыжского и Радогожского станов дали только 200

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 180-182.

человек казаков. Крестьяне же двух других станов – Брасовского и Глодневского по подговору Данилки Седого казаков не дали совсем. 19 мая черкасы и поляки уже стояли под Путивлем. Снова были отправлены в волость ратные люди с наказами от воеводы Пушкина, который «велел им Брасавского и Глодневского стану на крестьянех даточных козаков с выти по человеку доправить, а доправя – выслать в Севеск тот час». В осаду поехали только крестьяне Чемлыжского стана. Находящиеся в Севске «для городской поделки» крестьяне, услышав, что польское войско находится в 10 верстах от города, вновь по подговору старосты Данилки Седого разбежались²⁷⁹.

К осени 1633 г. численность даточных казаков, необходимых для прибора в Севск, снижается в два раза. Этому способствовали челобитные старост, целовальников и самих крестьян Комарицкой волости: «и ныне ... по твоему государеву указу ... половина тех даточных [казаков] от службы отставлены²⁸⁰». К 1635 г. даточных казаков вновь заменяют даточные крестьяне, все так же «против сошного письма с 403 вытей 197 человек»²⁸¹.

Даточные казаки представляли собой служилое сообщество из дворцовых крестьян, приближенное к положению гарнизонных ратных людей, но по ряду причин так ими и не ставшее. В первую очередь это связано с тем, что правительство не было заинтересовано в том, чтобы оставлять этих ратников в составе севского гарнизона, ставя задачей лишь временное усиление его численности. Служба крестьянина-казака была пешей и преимущественно городской. Будучи пешими, даточные казаки не могли участвовать в длительном преследовании неприятеля на территории волости и сопредельных территорий.

Постоянное разорение сел, деревень, слободок и починков Комарицкой волости неприятельскими отрядами в годы Смоленской войны оказали серьезное влияние на всю ратную службу местного крестьянства. Риск быть взятым в полон, опасения за хозяйство не позволяло комарицкому

²⁷⁹ Там же. Л. 322-324, 512-514.

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 564.

²⁸¹ КР. – Т. II. – Стб. 809.

крестьянину постоянно находиться на службе в Севске. Побег и неявка на службу были крайне распространенными явлениями. Тем не менее даточные казаки приняли участие в мартовской обороне Севска 1634 г. от войска кн. Вишневецкого и казацких полковников. Даточный казак Пронька Подовинников был дважды послан севским воеводой Федором Пушкиным в Москву с вестями о недавней осаде Севска²⁸². За это он был пожалован речкой Речицей «с рыбною ловлею» в деревне Ивановой Радогожского стана²⁸³.

Несмотря на относительно короткий срок существования в Комарицкой волости этого милитаризованного сообщества крестьян, в нем начали сформировываться черты социальной идентификации, характерные для служилых людей²⁸⁴. После взятия «языков» под Карачевом в марте 1634 г., комарицкие даточные из деревни Добрик Сержка Агеев и Степанка Голиков именуют себя казаками²⁸⁵.

§ 2.2.2. Охочие люди

«Охочими людьми» в Московской Руси, как правило, именовались те добровольцы из разных слоев русского общества, которые брались за выполнение разного рода поручений или временно находились в ратной службе. Таковыми являлись волонтеры из родственников служилых, посадских и «гулящих» людей, крестьян различных категорий, прибранных в ратную службу (преимущественно солдатскую) и участие в военных походах. Основной причиной прибора службу являлась малочисленность ратных людей в походных ратях и гарнизонах окраинных городов.

Обычно ратная служба охочих людей осуществлялась без жалования, «за добычу», захваченную в походе, к которой причислялись: скот, лошади,

²⁸² АМГ. – Т. I. – С. 589, 607, 611.

²⁸³ РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. В. 2. Ч. 2. Д. 9. Л. 114 об.

²⁸⁴ Аналогичным примером прибора населения на временную военную службу может послужить милитаризация крестьянства юго-западной Сибири в первой половине XVIII в. (т.н. выписные казаки). См.: Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. – СПб, 2010. – С. 331; <http://pereformat.ru/2011/12/krestyane-sibiri/>

²⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 117. Л. 126, 221.

коровы, рухлядь и прочее добро, однако, были и исключения. Отдельные предписания касались захваченного полона, который «даром... [у них, охотников – прим. А.Р.] иметь не велено». Отсюда следует, что стимул для участия в ратных походах всякого рода волонтеров был более чем высокий.

Примечательным фактом было массовое участие охочих людей Северной «украины» в Смоленской войне 1632-34 гг. Наиболее крупным сообществом охочих людей Северной земли был представлен дворцовыми крестьянами и «гулящими» людьми Комарицкой волости.

Первый крупный сбор охочих людей был запланирован перед началом выступления из Севска ратных людей воевод Ф. Плещеева и Б. Болтина на Новгород-Северский. 11 ноября 1632 г. Баим Болтин отправил гонца к воеводе М. Еропкину с требованием, чтобы тот прислал к нему на двор бирюча, «кому прокликать в Севске на торгу чтоб шли охочие всякие гулящие люди и комарецкие крестьяне шли писатца хто похочет ... служить, идти за рубеж под города». Однако Еропкин бирюча не дал, мотивируя тем, что лично займется прибором охочих людей с подьячим Степаном Калининым. Несмотря на требование Баима Болтина ускорить процесс сбора охочих людей, отправив с грамотами во все станы дворян и детей боярских, Еропкин медлил. По словам Б. Болтина, если к сроку начала выступления охочие не приберутся – в Новгород-Северский идти будет не с кем²⁸⁶.

Тогда Баим Болтин начал набирать охочих насильно, чем вызвал резкий протест и отказ выступать в поход комарицких крестьян и гулящих людей: «они охочие люди с воеводой Баимом Болтиным ... в поход идти опосаютьца». Охочие люди напомнили воеводе об обидах и притеснениях, которые доставили им его ратные люди во время их пребывания в Севске²⁸⁷.

Свои отряды охочие люди организовывали по образцу вольных казаков. Так, в челобитной 1633 г., они именуют себя «Комарицкой волости казаки»,

²⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 337, 338.

²⁸⁷ Там же. Л. 346, 347.

среди которых выделяются сотник Гришка Дядин и есаул Найденка Харламов²⁸⁸. Имеются сведения о существовании выборных сотников²⁸⁹.

Охочие люди из Комарицкой волости приняли участие во всех походах московских полков на Чернигово-Северщину. Отдельные отряды достигали литовских (белорусских) городков Посожья (Чечерска, Гомеля, Кричева), а также Чернигова. Перечисленные крепости (кроме Чернигова) имели небольшие воинские гарнизоны, в связи с чем не могли оказать нападавшим должного сопротивления²⁹⁰.

Второй сбор охочих людей состоялся зимой 1633 г. Следуя предписаниям царской грамоты, севский воевода Ф.Т. Пушкин велел в четырех станах Комарицкой волости «биричем кликать не по один день», чтобы все желающие «охочие крестьянишки» шли в полк к стольнику Ф.М. Бутурлину и Г.А. Алабьеву, «чтобы ... государю служить, в литовскую землю ходить воевать». Сбор полка Ф. Бутурлина и Г. Алябьева происходил в Путивле²⁹¹. Боевой задачей этого полка была военная экспедиция на черкасские городки. Содержание воззвания к охочим людям волости звучало так: «если в Комарицкой волости всякие неписьменные охочие гулящие люди похотят служить и со всеми прочими в полку быть на службе²⁹²».

В декабре 1633 г. воевода Ф.Т. Пушкин направил охочих людей с головами и сотниками под черкасский городок Борзну: «для промыслу над городом». В селе Полошково Новгород-Северского уезда «на Спаском поли» этот отряд соединился с путивльскими и рыльскими ратными людьми. Объединенными силами Борзна была взята, русскими ратными людьми достался артиллерийский наряд и знамена, взяты «языки». Большой и малый остроги Борзны, а также села и деревни округи, были сожжены. Отсюда отряд выступил в Севск. За десять верст до Спасского поля путивльские

²⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 117. Л. 121.

²⁸⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. С. 555.

²⁹⁰ Города, местечки и замки Великого княжества Литовского. Энциклопедия. 2-е издание. – Минск, 2013. – С. 120, 185

²⁹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 568.

²⁹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 95. Л. 73.

дворяне, дети боярские и верстанные казаки «боем» стали отнимать у комарицких охочих людей полуторную пушку и прочие трофеи «и ис пищалей ... почели стрелять». Было убито несколько охочих людей. Как утверждали комарицкие крестьяне, путивльцы ограбили их, «завидуючи» такому трофею. Вернувшись к своему стану, где комаричане оставили («пометали») свои запасы, сани и коней на Спасском поле «на станех», они нашли его разграбленным путивльскими ратными людьми: запасы и кони были увезены, охочих людей, стороживших стан, переранили, «а иных до смерти побили». Комаричане возвращались в Севск пешими. Крестьяне всех четырех станов волости, участники этого похода, «Ивашка Тешинцов, Томилка Рогач, Озарка Яковлев со товарищи» били челом, однако просьбы о возврате коней, платья, денег и прочих запасов да трофеев остались без ответа²⁹³. «Языков» в лице поляков и черкас привели в Рыльск (17 человек) и Путивль (20)²⁹⁴. По примерным данным количество дворов в слободах близ Борзны в тот год составляло приблизительно 300-400, отсюда следует, что урон городку был весьма внушителен²⁹⁵. Отдельные участники похода были поощрены государевым жалованием: севский казак Богдашка Моисеев получил себе «сукна доброго» - за «языка литвина»²⁹⁶. Судя по спискам полоняников, взятых севскими ратными людьми, а также комарицкими крестьянами, которые были составлены весной 1634 г., участие охочих людей в данных походах было более чем внушительное²⁹⁷.

Однако низкий уровень дисциплины и боевой подготовки отрядов из крестьянских волонтеров зачастую приносил больше вреда, нежели пользы всей военной кампании Северского похода. В декабре 1632 г. был взят Трубчевск, в штурме которого участвовали охочие люди во главе с подьячим Григорием Ферапонтовым и Афанасием Никитиным, а также отряд атамана

²⁹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 255-257.

²⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 53. Л. 333; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 73. Л. 1-2.

²⁹⁵ *Ткаченко Н.М.* Очерки по истории крестьян Левобережной Украины XVII в. Автореферат диссертации доктора исторических наук. – Киев, 1963. – С. 10.

²⁹⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 3. Общий 2303. Частный 85.

²⁹⁷ РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. Д. 72. Л. 209-214.

Ивана Колошинского. После взятия города брянскому голове Андрею Зиновьеву поступали жалобы от жителей Трубчевска «чтоб от грабежа комарицких мужиков и карачевских казаков унимал»²⁹⁸. В челобитной крестьян всех четырех станов Комарицкой волости, ходивших в составе охочих людей под Трубчевск, была жалоба на брянских дворян и детей боярских, грабивших их «по дарогам». По-видимому такая же ситуация произошла и ранее под Новгород-Северским после взятия, когда у комарицких охочих людей была отобрана силой часть их добычи²⁹⁹. По отписке Ивана Еропкина от января 1633 г., получив желанную добычу в ходе взятия Трубчевска, значительная часть охочих людей «разошлись по своим домом»³⁰⁰.

Тем не менее, известны эпизоды, когда охочие люди послужили неплохим подспорьем гарнизонам порубежных городов во время их осады крупными неприятельскими войсками. 7 марта 1634 г. карачевский стрелецкий и казачий голова Григорий Афионов вместе с охочими людьми Комарицкой волости Ивана Колошинского ходили «для промыслу над литовскими людьми», появившимися в окрестности. Отряд включал стародубских детей боярских, живших после Деулинского перемирия в Карачеве, а также карачевских беломестных и полковых казаков со стрельцами во главе с пятидесятниками Максимом Медведевым и Василием Шамастиным – всего 160 человек. В комарицком селе Бобрик (на р. Усожа, в 20 верстах от Севска) отряд погромил находящиеся там черкас. 16 марта охочие люди Комарицкой волости Митька Двоежильный сотоварищи и карачевские служилые люди доставили захваченных языков в Карачев. От них удалось узнать, что под Севском в то время стоят кн. Иеремия Вишневецкий, «а с ним жолнеры, гойдуки и подымовные люди и волохи (румыны)», а также полковники Вишневецкий, Белецкий, Сокира, Кисель, Жолкевский. Вместе с кошевым Ильяшом Переяславским и Яцком

²⁹⁸ АМГ. – Т. I. – С. 451.

²⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 58. Л. 568, 569.

³⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 120.

Острянином пришли исключенные из реестра запорожские казаки (выписчики). 11 марта неприятельское войско под Севском получило пополнение в лице людей полковника Филона Корсунского – «15 знамен» (приблизительно 3000 человек), уже успевших побывать в Комарицкой волости³⁰¹. 23 марта в Карачев прибежали люди Ивана Колошинского. Они рассказывали, что в Сомовской волости Карачевского уезда стоят литовцы и «крестьян многих посекли». Иван Колошинский был вынужден отступить с отрядом к Карачеву, но вскоре черкасы уже были под городскими стенами³⁰². Григорий Квашнин начал поспешно укреплять город и расписывать по башням служилых людей, а также комаричан Ивана Колошинского. В ночь с 23 на 24 марта «за четыре часа до света» неприятель взял город в плотное кольцо³⁰³. Иван Колошинский с охочими людьми, стрелецкий и казачий голова Григорий Афанов и карачевской съезжей избы подьячий Григорий Васильев с местными служилыми людьми – беломестными и полковыми казаками и стрельцами этого же города, были отправлены воеводой на вылазку. С большим трудом карачевцы и комаричане отразили неприятельский приступ³⁰⁴. Поляки и черкасы были выбиты с посада, который, правда, успели поджечь и поспешно уйти «тою же сакмою». Русским достались 15 человек «языков», среди которых оказался черкасский сотник, белоцерковец Степан Долголенский (Долголенко), схваченный лично Колошинским³⁰⁵. Тем временем, польское войско, несколько дней пытавшееся взять приступом город Севск, ушло по Карачевской дороге в Комарицкую волость, к селу Бычки (на р. Неруссе), а затем в село Морево Радогожского стана, где стало «табурами»³⁰⁶. Накануне у поляков и черкас была рада, на которой последние пожелали уйти «в свою землю», куда, по слухам, пришел сам «турской» (турецкий султан).

³⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 234-236.

³⁰² Там же. Л. 247.

³⁰³ Там же. Л. 248.

³⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 117. Л. 126.

³⁰⁵ Там же. Л. 219.

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 384.

Слабый контроль московского командования над охочими людьми в составе своих отрядов, низкая дисциплина и склонность к грабежу, заставляли охочих людей покидать полки и бежать к крестьянскому атаману Ивану Балашу. В отписке Ивана Еропкина от 20 января 1633 г. в Рязряд, воевода заметил, что Балаш сплотил вокруг себя отряды «с орляны, и с кромчаны и Камарицкие волости с крестьяны». «Балашовцы» опустошили Стародубский уезд, 27 января их отряды стояли всего лишь в нескольких верстах от города Почеп – в деревнях Чернобабцы и Губастово. Сюда же подтянулись из-под Смоленска 800 казаков некоего атамана Вихря. Начался грабеж местного населения. В срочном порядке из Стародуба вместе с воеводой Иваном Еропкиным против «балашовцев» выступил сам Еропкин и брянские стрельцы пятидесятников Федора Котельникова и М. Куракова (100 человек)³⁰⁷. Отсюда отряды Балаша ушли в Посожье. Были совершены налеты на Гомель, Чечерск и Кричев. В письме воеводы Богдана Нагово патриарху Филарету отмечается посещение «балашовцами» также окрестностей Чернигова и черкасских городков: «подлинно, государь, неведомо, а говорят в мире, что комарицкие мужики и Балаш пошли под Чернигов к черкасским городкам»³⁰⁸.

Однозначных данных о количестве охочих людей Комарицкой волости, принимавших участие в походах русских ратных людей нет. Крестьянин комарицкого села Литиж Ивашка Терентьев в севской съезжей избе ноябре 1633 г. рассказал, что в Филиппов (Рождественский) пост 1633 г. в Комарицкой волости собрались охочие люди числом 2000 человек с атаманом «роспопою» Иваном Колошинским и пошли под Трубчевск и Стародуб³⁰⁹.

Сохранились сведения о совместных боевых действиях охочих людей из Комарицкой волости и соседних уездов. По сведениям рославского воеводы кн. Дмитрия Сеитова, полученным от пленных казаков, в конце сентября

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 99. Л. 20, 23.

³⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 98. Л. 18.

³⁰⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 100. Л. 569-571.

1633 г. в Курске вокруг пушкарского сына Федосея Милютина был сформирован отряд охочих людей в 200 человек, отправившийся на соединения с комаричанами под Севск³¹⁰.

Итак, ввиду малочисленности воинских соединений московского походного войска, отправленного на Чернигово-Северщину в 1632-34 гг. охочие люди, не смотря на плохую подготовку, дисциплину и низкие боевые качества, на определенных этапах Северского похода и военных экспедиций на черкасские городки, оказали значительную помощь русским отрядам. Они участвовали в осаде и обороне городов, самостоятельно организовывали оборону Комарицкой волости.

Перед началом крупномасштабных военных действий за Смоленск, Севский жилой острог был выбран московским правительством в качестве наступательного пункта на города Чернигово-Северщины. В городе произошло сосредоточение ратных людей из Болхова, Карачева, Путивля и Рыльска. Для укрупнения штата походного войска была предпринята попытка включить в его состав добровольцев из местных крестьян и «гулящих людей» Комарицкой волости. Севский гарнизон на время Смоленской войны пополнился даточными людьми и даточными казаками, которые, впрочем, составили незначительное подкрепление обороне города.

Основная задача русских войск, дислоцировавшихся в Брянске и Севске, заключающаяся во взятии городов Чернигово-Северщины (Новгород-Северского, Стародуба, Почепа и Трубчевска) была выполнена. Наиболее трудные бои и стойкое сопротивление русским войскам оказал Новгород-Северский. Отличительной особенностью эпизода взятия этого города связано с наиболее полной по отношению к другим означенным городам базой источников, что позволяет в полной мере реконструировать ход событий.

Во время войны за Смоленск под Севском дважды появлялись крупные отряды запорожских казаков и «подымовных людей» кн. Иеремии

³¹⁰ Там же. Л. 306-309.

Вишневецкого. Однако, несмотря на малочисленность местного гарнизона, при умелой организации обороны воеводой и стародубскими детьми боярскими, бывшими головами у ратных людей, севчанам удалось выдержать двухнедельную осаду крепости и совершить несколько удачных вылазок, деморализовав неприятеля. Напряженная обстановка на русско-польском порубежье вынуждала население Комарицкой волости организовывать отряды самообороны, оказавшиеся основательным подспорьем для защиты региона от неприятельских отрядов.

Глава 3. Участие ратных людей Севска и Комарицкой волости в колонизационных процессах 30-40-х гг. XVII в.

По окончании Смоленской войны Московское государство перешло к усилению обороны южных окраин. Приоритетным методом оборонительной политики правительства являлась колонизация. С 1630-х гг., в связи с возведением укрепленных городов Белгородской засечной черты и необходимостью комплектования их гарнизонов, государство привлекло к колонизационным процессам ратных и охочих людей. Среди них были выходцы из Севска и Комарицкой волости. Архивные документы 40-х гг. XVII в. по данной местности позволяют проследить основные географические направления колонизации на примере участия севчан и комаричан в ратной службе за пределами своих гарнизонов. К таковой также относились походы в составе добровольческих отрядов в низовья Дона против крымских татар и служба в «новоприемных» городах Северской земли (Каменный, Бобрик, Недрыгайлов и Олешня).

§ 3.1. Севчане и комарицкие охочие люди в гарнизонах новых городов на Белгородской черте

По окончании Смоленской войны русское правительство приступило к усилению южной окраины государства и начало строительство грандиозного оборонительного сооружения, получившего в истории название Белгородской засечной черты. Воспользовавшись перемирием, государство имело возможность перебросить значительное количество ратных людей для строительства и комплектования гарнизонов новых городов на южном порубежье³¹¹.

³¹¹ См. Приложение 14 (карта 2).

§ 3.1.1. Усерд

В числе первых городов Белгородской засечной черты, на строительство и временную службу в который были направлены севские стрельцы и казаки, был Усерд.

Крепость Усерд была возведена по решению правительства на одноименном городище на р. Тихая Сосна в 1637 г. Решение о ее строительстве было принято по предложению служилых людей разных городов «от приходу воинских людей поставить острог на Калмиюской сакме» для обороны территории Оскольского, Белгородского и Курского уездов от ногайских и крымских татар. Осмотр места будущей крепости происходил под руководством сына воеводы Старого Оскола Панкрата Пущина вместе с головой ратных людей Яковом Левыкиным и казачьим атаманом Иваном Орефьевым. Они заключили, что место для острога вполне подходящее, достаточное чтобы устроить служилых людей землями и угодьями тысячу человек³¹². Город должен был стать центром нового укрепленного участка протяженностью от Валуйского леса возле устья р. Усерд на восток по р. Тихая Сосна.

Построить крепость и усилить её оборону предполагалось путем привлечения ратных людей разных южнорусских городов. Приказным порядком в Усерд переселяли казаков из Черни, Пронска, Дедилова, Курска, Оскола; стрельцов из Одоева, Печерников, Белева, Белгорода и Ливен. В крепость также были сведены стрельцы из Калуги, Козельска, Карачева, Брянска, Крапивны, Михайлова, Тулы, Дедилова, Лихвина, Перемышля, Белева, Каширы, Венева, Епифани, Гремячева, Печерников, Ельца, Ливен, Новосия, Одоева, Черни, Кром, Курска, Оскола, Алексина, Зарайска, Севска (41 человек), Болхова, Белгорода (всего 884 человека). Существенным подспорьем в строительстве города были временно служившие полковые казаки из Карачева, Крапивны, Михайлова, Дедилова, Белева, Венева, Гремячева, Печерников, Ельца, Ливен, Новосия, Кром, Курска, Оскола,

³¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 73. Л. 3.

Севска (42 человека), Болхова, Смоленска, Мещовска и Шацка (всего 606 человек)³¹³.

Подробные сведения непосредственно о службе ратных людей из Севска в Усерде дает смета лета 1637 г. В гарнизоне крепости значились в «естех» (явившихся) 32 севских стрельца, 19 казаков, больным сказался казак Васька Плошковец. В Усерде умерли стрелец Васька Гульнявого и казак Гаврилка Летягин, 12 человек севских стрельцов сбежали со своей службы³¹⁴. На «вечное житье» в городе остались севские казаки Сидорка Макаров и Митька Золотухин³¹⁵. Общая численность севчан на службе в Усерде в указанный период составляла 83 человека.

Постройка города началась 9 апреля 1637 г. с возведения крепостных стен. Служилые люди свозили лес к нижнему Усердскому городищу. К 1 мая стрельцами и казаками было свезено 10520 дубовых бревен длиной по 3,5-4 сажени и толщиной от 5 до 8 вершков. Одновременно велось строительство стоялых Осинового и Раздорского острожков на татарских перелазах³¹⁶.

Судя по отписке Ивана Бутурлина и Саввы Нарбекова, в остроге имелись 6 глухих башен и проезжие ворота. Протяженность городской стены составляла 361 сажень с «полусаженью», высота стены до обломов – 2,5 сажени. Под зелейную (пороховую) казну был устроен дубовой погреб, периметром в 4 сажени, под хлебные запасы – амбар, периметром в 8 сажень. На случай осадного времени был сделан тайник.

Полевые укрепления Усерда представляли собой надолбы «в три кобылины»³¹⁷ на подступах к городу «для береженья конских стад и сенных покосов» и засеку от р. Сосны до Сосенского лесу «дубом и липягом большим деревьем верст с пять до Сосенского острогу».

³¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбы Белгородского стола. Д. 85. Л. 624-627.

³¹⁴ Там же. Л. 527, 528, 532-535, 537, 538, 542.

³¹⁵ Там же. Л. 366.

³¹⁶ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 100-103.

³¹⁷ Под «надолбом в три кобылины» следует понимать сооружение из трёх вкопанных под углом в землю бревен, наддолбленных и связанных между собой.

Непосредственно по возведении городских укреплений была организована станичная служба. «Ежеден переменяясь», усердские станичники ездили вниз по р. Сосне до устья, к Раздорскому и Осиновому острожкам, «до Филькина плеса и до Жестовых гор»³¹⁸.

Спустя три года, началось более масштабное переселение служилых людей Севска и Комарицкой волости в новые города-крепости Белгородской засечной черты.

§ 3.1.2. Новые города на Ворскле

В начале 1640 гг. русское правительство решило перекрыть маршруты движения крымских и ногайских татар на Рыльский и Путивльский уезды путем строительства новых крепостей и острожков между р. Ворскла и Муравским шляхом на юго-западе Белгородской черты³¹⁹.

Дабы «ту новую сакму от татар отнять и украинные северские города от татарские войны уберечь», с 1639 г., государство приступило к проектам строительства городов и острожков в местности с наличием необходимых для обороны естественных преград – рек, урочищ, возвышенностей (городищ, курганов). Наиболее подходящими местами для перехвата Муравского шляха были Хотмыжское («Макарово тож») городище и Вольный курган, расположенные в Путивльском уезде. Это подтвердили при опросе служилые люди и бортники из Курска, Рыльска и Путивля, имевшие здесь свои промысловые ужожаи. Поначалу было решено возвести город, способный перехватить главное направление продвижения татар на северские земли. Путивльский воевода Григорий Пушкин отмечал, что без постройки нового города Рыльскому, Путивльскому и Курскому уездам, а также Комарицкой волости «от приходу крымцев и нагайцев будет поруха большая, уберечи не мошно». Выбор строительства крепости стоял между урочищами Хотмыжское городище, Вольный курган и Карпово Сторожевье.

³¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 108. Л. 124.

³¹⁹ Река Ворскла берет истоки в 35 километрах северо-западнее Белгорода, протекает по Сумской области Украины и далее, огибая Полтаву, впадает в Днепр.

Наиболее удачным местом было Хотмыжское городище, которое располагалось между Муравским и Бакаевым шляхами. Здесь, «перелезши» р. Ворсклу, татары шли вверх по течению до впадения в неё р. Ворсклицы и, пройдя Хотмыжское городище, выходили с Муравского на Бакаев шлях³²⁰. Между тем, Г. Пушкин считал, что на Хотмыжском городище следовало поставить крепость, на Вольном кургане – стоялый острог. Карпово сторожевье рассмотрению не подлежало³²¹.

Однако в ход строительства крепости вмешалось обстоятельство. В августе 1639 г. два небольших татарских отряда форсировали р. Ворскла и устремились вглубь российской территории. Первый перешел Ворсклу близ Вольного кургана, второй – неподалеку от Хотмыжского городища. Это показало, что для основательного перехвата Муравского шляха требовалась постройка не одной, а сразу двух крепостей – на Вольном кургане и городище Хотмышль.

Досмотр мест будущих крепостей велся детьми боярскими из Белгорода, Путивля и Рыльска. Крепость Хотмышль было решено возвести на месте «Хотмыцкого де городища на реке на Ворскле ниже Карпова сторожевья верст з дватцать. Городище де не сама велика (не очень большое – *A.P.*) да крепка, над рекою Ворсклою вошло клином. Да перекопан ров глыбокой сажень с 10 глубина и больши. А стоит в лесу...». При досмотре служилые люди обнаружили предполагаемое место бывшего хотмыжского посада: «где был посад, лесу нет»³²². Осмотрели окрестные уголья – подходили ли они для устройства «на житье» служилых людей с семьями численностью 1000 человек. Выяснилось, что «около посаду пашень [пашням] большим быть мочна», а на реках Локна и Ворскла можно построить мельницы³²³. По завершении осмотра дети боярские заключили, что Хотмыжскому городу суждено быть: «а на Хотмыцком де городище мочно быть жилому городу,

³²⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 113. Л. 36.

³²¹ Там же. Л. 42.

³²² Там же. Л. 19-20.

³²³ Там же. Л. 22, 28.

потому что к тому городищу есть пашенные поля и сенные покосы и хоромный дровяной лес и всякие угожья»³²⁴. Однако чертежа Хотмыжского городища составлено не было. Белгородский воевода Афанасий Тургенев, побывавший на Карповом сторожевые и в Хотмышле, рапортовал в Разрядный приказ, что «Хатмыцкого городища на чертеж не начертил, потому что [его] обвели белгородские обротчики для своих бортных ухожьев»³²⁵.

В 10 верстах к юго-западу от Хотмыжского городища находился Вольный курган и представлял собой урочище – объект в зоне промысловой деятельности посадских людей Путивля и Рыльска. На этом месте было решено возвести другой город-крепость – Вольный³²⁶.

К месту постройки двух новых городов на р. Ворскла были сведены 1070 ратных людей из разных украинских городов, среди которых: дворяне и дети боярские из Тулы, Рязани, Курска, Стародуба, Белева, Рославля; беломестные, кормовые и полковые казаки из Рыльска, Путивля, Белгорода и Севска; стрельцы из Севска и Москвы, пушкари и кузнецы с прочих городов.

Прибор служилого населения в штат гарнизонов Вольного и Хотмыжска проходил без особых затруднений. Постепенно из курян, путивльцев и рылянь, происходивших из кормовых и полковых казаков, детей боярских и вольных «гулящих» людей, начала формироваться корпорация «служилого города» Хотмыжска. В гарнизоне крепости было немало выходцев из Комарицкой волости³²⁷. Служилые люди Севска приняли самое активное участие в строительстве Хотмыжска в мае-июне 1640 г.³²⁸. В строевой

³²⁴ Там же. Л. 20.

³²⁵ Там же. Л. 38. Вероятно в значении «огородили».

³²⁶ Там же. Л. 36.

³²⁷ Так, в раздаточных книгах Хотмыжска 1640-42 гг. можно встретить Фому Григорьева Шенякова, который в «скаске» о своей и отцовской службе сообщает интересные подробности: «служил он в Белгороде в самопальниках, а отец его жил в Комарицкой волости. На государевой службе в Хотмыжске с 148 (1640) г. На службе он на мерине с рогатиной и длинной пищалью».

³²⁸ Здесь и далее по контексту: РГАДА. Ф.210. Книги Белгородского стола. Д. 9.

книге упомянуты 47 севских казаков с пятидесятником Федором Исаевым, 50 стрельцов сотника Карпа Рябинина и пять пушкарей³²⁹.

Строительство новых городов проходило под руководством воевод Василия Толстого и Гаврилы Бакина (Бокина). Крепости были возведены в рекордно короткие сроки: Хотмыжск с 17 мая по 28 июня,³³⁰ Вольный – с 24 мая по 12 июля³³¹. Одновременно с ними возводились стоялые остроги Углицкий и Лосицкий, остроги на Пробойной горе (в Колотом лесу) и на Раковых горах. За успешное выполнение задачи Г. Бакин получил 20 рублей положенного государева жалования, а В. Толстой – денежное жалование, «ковши и соболи»³³².

В разгар строительства в окрестностях новых городков не замедлили появиться крымские татары. В конце мая 1640 г. ратные люди, находившиеся на сторожах и заставах Хотмыжска, заметили татарский отряд «человек 300 и больше», который вел полон из промышлявших в угодьях близ Ворсклы служилых людей севрюков. Настигнув татар, «хотмышеня» вступили с неприятелем в бой. Татарский отряд протерпел поражение и отступил к Бакаеву шляху, дабы далее ступить «через реку Псел изгоном в рыльские, и в курские, и в орловские, и в кромские, и в камаритцкие места». Заметив, что на Хотмыжском городище ратные люди строят город, а заставы и перелазы перекрыты, татары повернули на Муравский шлях и отошли под Валки, в пределы современной Харьковской области Украины³³³.

В последующие годы по завершении строительства крепостей шло активное комплектование их гарнизонов. В 1640-1641 гг. в сообщество служилых людей Хотмыжска активно набирались вольные охочие люди. К 1641 г. общая численность хотмыжского гарнизона составила 243 сына боярских (без ружья), 400 конных казаков (из них 209 с казенными пищалями, полученными в Хотмыжске; 5 человек с пищалями, что дали «в

³²⁹ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Д. 117. Л. 104-105.

³³⁰ Там же. Л. 264.

³³¹ Там же. Л. 342-343.

³³² РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Д. 139. Л. 126, 134.

³³³ Там же. Л. 93.

городех» (откуда вышли) и 186 со своими пищалями), 134 стрельца (из них 126 с казенными пищалями, выданными в Хотмыжске; 8 с пищалями, что даны «в городех»), 23 пушкаря и один казенный кузнец. Значительную долю прибывших в Хотмыжск «охотников» составляли «гулящие люди», о происхождении которых можно судить с их же собственных слов. Среди них в документах упоминается один терский казак – десятник Ивашка Терский, а также три путивльца - Афанасий Седой, Василий Мухацкий и Василий Кривой, которые заявили, что в Путивль пришли из Козельского уезда (села Субботники), где прежде жили «во крестьянх» за Григорием Горихвостовым. Приходили также монастырские крестьяне Никольского и Дмитриевского монастырей Рыльского уезда, Богородицкого монастыря Путивльского уезда, которые прежде жили на оброчной земле, будучи вольными людьми. Были и представители посадских людей. К примеру, путивльский посадский Еремей Выходцов стал служилым человеком. Несколько пришлых новоприборных служилых являлись оброчными людьми монастырей юга России: десятник Григорий Денисов сын Буренин, жил в Путивле на оброчной церковной земле за соборным попом Юрием Почесеевым; Тимофей Готовицкий жил в Путивле за Пятницким попом; Семен Зубов жил в Курске за Богородицким монастырем.

Массовый перевод по службе севчан на «вечное житье» в Вольный и Хотмыжск состоялся осенью 1641 г. Получив в Севске жалование «на подъем», «селитьбу» (вместе с годовым) в размере 8 рублей, они поставили на хотмыжском посаде в казачьих слободах свои дворы. В конце осени того же года им было разрешено вернуться в Севск и Комарицкую волость за семьями и своим имуществом («животами»). Севский воевода Иван Загрязский, посчитавший, что севчане бежали со службы из новых городов³³⁴, посадил их в тюрьму. Однако 22 ноября он получил царскую

³³⁴ Опасения И. Загрязского были не напрасны. Немногим ранее некоторые родственники служилых людей – ямщики и крестьяне, определившись в казачью службу на Хотмыжск, взяли государево жалование «оклад свой 8 рублей» и якобы отправились к месту службы. Как выяснилось из грамоты, присланной из Стрелецкого приказа, «новоприборные казаки Власка Иванов Трубоченин, Сенка Прокофьев, Мокейка да

грамоту, в которой приводилось письмо хотмыжских воевод В. Толстого и Г. Бакина от 30 октября того же года с объяснением настоящей причины отпуска севчан домой. Загрязскому приказывалось немедленно освободить ратников из заключения и отпустить в Хотмыжский уезд. При этом служилые люди были обязаны продать свои дворы. На места «убылых» ратных людей воевода Севска должен был прибрать новых «не крепостных и не пашенных крестьян».

Таким образом, среди севских служилых людей, переведенных в Хотмыжск, были один сын боярский, один пушкарь, 11 стрельцов, 17 полковых казаков, два рассыльщика и два ямщика – всего 35 человек. Также 14 стрельцов, получившие в Севске годовое денежное и кормовое жалование, сбежали «воровски» в Хотмыжск³³⁵.

Гарнизон города-крепости Вольный формировался из разнообразных представителей служилого сообщества XVII в. – детей боярских, казаков, стрельцов, пушкарей, воротников из Стародуба, Путивля, Курска, Рыльска, Севска (с Комарицкой волостью), Брянска, Москвы, Смоленского уезда, Белгорода, Новосиля, Ливен, Новгород-Северского, Мценска, Кром, [Старого] Оскола, Трубчевска и Орла, а также крестьянского населения. Прибором охочих людей в Вольный занимались воеводы Афанасий Толочанов и Гаврила Бакин. Грамотой Разрядного приказа им поручалось набирать «вольных людей, которые в городех в службах и на тегле за помещики и за вотчинники на пашнях не были и по крепостям ни у ково не служили». О составе населения нового города можно судить по раздаточным книгам государева жалования служилым людям Вольного 1640 – 1642 гг.³³⁶ В книгах указывалось происхождение «новоприборного» служилого (а так же его отца или деда) из определенной местности.

Ивашка Тимофеевы дети КрENEвы» и прочие «на службе в Хотмыжске не бывали», сами сбежали. Среди беглецов был также севский сын боярский «стародубского выхода» Исai Дуров.

³³⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 132. Л. 258-266.

³³⁶ Здесь и далее по контексту: РГАДА. Ф.210. Книги Белгородского стола. Д.8.

Вольновские казаки служили конную службу на мерилах с государевым карабином и саблею, стрельцы – пешими, либо с пищалями, либо с карабинами. К 50-м гг. XVII века численность вольновских казаков существенно снизилась: с 300 до 250 человек: «а иные казаки с Вольного збежали и померли, а иные на боях побиты, а иные розданы во крестьянстве и холопстве»³³⁷.

В числе охочих людей Вольного в 1640 г. упоминаются четыре севских казака во главе с десятником Якушкой Грешным, два стрельца и три пушкаря. В феврале 1641 г. временную службу в Вольном, в период формирования в городе артиллерийского наряда, отбывали 9 севских пушкарей³³⁸.

Севчане получали жалование в размере 4 рубля в год. 18 мая 1641 г. дети боярские Вольного получили жалование «на прежнее жалование в додachu» в соответствии со служебными статьями: дворовые – 10-12 рублей, городовые – по 8-14 рублей. В 1642 г. царское новоприборным вольновским служилым были выданы денежные средства на дворовое строение и на «селидьбу»: пятидесятникам – 16 рублей, десятникам – 15 рублей и 25 алтын, рядовым – 15,5 рублей³³⁹.

В последствие комаричане участвовали в «строельном деле» - городских работах в Вольновском уезде. После 1646 г. они были включены в состав местных драгун.

Приток населения из Комарицкой волости продолжался в города на р. Ворскле и во второй половине XVII в.³⁴⁰.

³³⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Д. 32. Л. 398.

³³⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 139. Л. 7, 8.

³³⁹ Государево денежное жалование выдавалось служилым людям в съезжей избе строго при наличии поручных записей по каждому ратному человеку, по которому подписывались его товарищи-сослуживцы. В первые годы существования Вольного среди поручителей за служилого человека не редко числились его земляки. Синхронно тому составлялись списки новоприборного служилого люда – «хто имяны.....и хто с каким боем боем и хто с которово города на Вольное пришол». Получив положенное жалование, вольновские служилые обязаны были: «быти на Вольном и государева жалованьем на вечное житье устроитца и указанные свои пашни пахать и хлеб сеять и с Вольново не збежать и никаким воровством не воровать».

³⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 1284. Л.26.

§ 3.1.3. Карпов

Наиболее массовое переселение на Белгородскую засечную черту выходцев из Севского уезда связано с основанием города Карпов, который возник в середине 1640-х гг. на территории Рыльского уезда.

Местность, называемая «Карпово сторожевьё», впервые упоминается в документах в Уставе станичной и сторожевой службы 1571 г., учрежденном кн. Михаилом Воротынским, где указывалось: «от Рылска новою дорогою на Карпово сторожевище переехати Муравской шлях»³⁴¹. В Уставе дается подробное описание и места «Карпово сторожевьё»: «А Карпово сторожевьё место высоко пришла гора клином, а стоит на реке на Ворскле. А от Ворскла [Ворсклы] к Муравской дороге пришло поле чистое, а поперег его до Муравской дороги версты с три и по речкам по Ворсклу и по Везенице против Карпова сторожевьё крымской царь и большие люди идучи ставятца на станех. А с Карпова сторожевьё то видит как они [татары] идут и как на Ворскле на станех станут». Далее следует примечание: «А за речку за Ворскол царь и большие люди не хаживали для того что по Ворсклу по обе стороны Карпова сторожевьё пришли леса большие и ржавцы и болота есть и на Крымсково царя и на людей мочно приходить на походе или на станех из за Ворскла из лесов и из крепостей а опричь Муравской дороги меж Донца и Ворскла обходу царю крымскому и большим людям иной дороги нет опричь Изюмской и Калмиюсской дороги»³⁴². Судя по описанию, в конце XVI в. данному месту придавалось серьезное стратегическое значение. Оно представляло собой открытый участок, способствовавший проникновению татар на территорию Курского, Путивльского и Рыльского уездов, а также Комарицкую волость и «иные северские места».

³⁴¹ *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846. – С. 19.

³⁴² *Роспись польским дорогам (времени Федора Ивановича).* // Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII столетии, собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. Издание историко-филологического общества, состоящего при императорском Харьковском университете. – Харьков, 1886. – С. 2.

В 40-х гг. XVII в. русское правительство приняло решение укрепить Карпово сторожевье. В связи с этим решением путивльский воевода Григорий Пушкин провел опрос детей боярских путивльцев, черниговцев и людей прочих чинов, включая бортников, которые бывали на местности и знали татарские перелазы с Муравского на Бакаев шлях³⁴³. Дети боярские были направлены на «Карпово сторожевье» для досмотра мест, подходящих для возведения укреплений, после чего заключили, что там «городища нет, только, де, один перекоп по ровному месту»³⁴⁴. Так в 1644 г. на пересечении Муравского шляха и посольской дороги от Путивля к Северскому Донцу был построен деревянный стоялый острог. Однако служилые люди, бывавшие на стороже между реками Псел и Пена «от Байковых гор» (в окрестностях «Карпова сторожевья») предлагали упразднить крепость, т.к. крымские и ногайские татары ее «во многих местех обходят»³⁴⁵.

В 1646 г. Карпов острог был включен в систему укреплений возводившейся Белгородской засечной черты. Тем не менее, крепость не могла вместить достаточное для обороны участка количество служилых людей. При обследовании острога выяснилось, что передняя и задняя стены его «мерюю» по сто сажень, «длинным сторонним стенам» (боковым) - по 155. Периметр острога составлял 510 сажений. «И тот острог и худ и низок. И в том остроге твоих государевым жилецким людям в приход воинских людей изместитца будет негде» - писали в Разрядный приказ курские воеводы Василий Шереметев и Андрей Плещеев.

Летом того же года правительство решило перестроить острог. 10 июля 1646 г. белгородскому воеводе Никите Ивановичу Одоевскому «со товарищи» государевым указом было поручено «от приходу воинских людей» укрепить городок на «Карповом сторожевье», устроить там же

³⁴³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 113. Л. 14.

³⁴⁴ Там же. Л. 19.

³⁴⁵ Там же. Л. 2.

земляной вал с острожками и башни «со всякими крепостями»³⁴⁶. 28 августа служилыми людьми начался вывоз леса к «городовому строению»³⁴⁷.

Гарнизон новой крепости комплектовался из казаков, стрельцов, пушкарей, драгун и воротников из Мценска, Печерников (рязанский пригород), Рязска, Данкова, Сапожка, Михайлова, Курска, Орла, Ельца, Лебедяни и Ливен³⁴⁸. В Карпов также были переселены ратные люди из Комарицкой волости.

Приказному человеку Никите Дмитриевичу Телегину было поручено «прибрать на вечное житье» 500 «семьянистых» и «прожиточных» поселенных драгун из крестьян Комарицкой волости. К летнему переселению в Карпов и «для деловой поры» (строительству острожков и земляного вала) предназначалось собрать по два человека со двора, в зависимости от численности населенного пункта. Остальных же крестьян с женами и детьми по государеву указу следовало прибрать зимой, когда основная работа по принятию переселенцев под «дворовую селитьбу» будет завершена. Предписывалось вести учет оружия («боя») – у кого какое имелось: ружья, пищали, рогатины и даже лука³⁴⁹.

В начале августа 1646 г. Н. Телегин начал прибор комаричан для переселения в Карпов³⁵⁰. Крестьяне сел, слободок, починков и деревень Чемльжского, Радогожского, Глодневского и Брасовского станов густонаселенной Комарицкой волости выделяли людей для переселения только из больших крестьянских семей, при наличии более двух сыновей. Прибору не подлежали дворы, где «крестьяне сами стары и дряхлы» а также в коих «детишки малы»³⁵¹.

³⁴⁶ Здесь и далее по контексту: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 184. Л. 150-156, 218-222, 242-249.

³⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 184. Л. 150-156, 218-222, 242-249.

³⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 224. Л. 33-39.

³⁴⁹ В источнике слово «луки» зачеркнуто.

³⁵⁰ Здесь и далее по контексту: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 131. Л. 87-138-151, 159-161, 291-292, 384-385, 412-413, 472, 480-497.

³⁵¹ См. подробнее: *Ракитин А.С.* Роспись дворцовых крестьян Комарицкой волости, определенных в службу и «вечное житье» на Карпово сторожевье. // Белгородский краеведческий сборник. – Вып. 10. – Белгород. – С. 49-63

Добровольцам обещали выдать на переселение по 2 рубля на человека. Однако денежных средств на всех переселенцев не хватало, некоторые крестьяне начали отказываться от переезда в Карпов. Во избежание побегов Телегин пообещал комаричанам скорую выплату (уже в самом Карпове) денег, которые «пришлют с Москвы», под поручные записи (расписки) «им жить и никуда не збежать и государю не изменяли».

«Пересмотря» всех прибранных крестьян «на лицо», вооружив каждого пищалью с порохом и свинцом, 14 августа Телегин выступил с комаричанами к «Карпову сторожевью», передвигаясь к месту назначения с «великим береженьем, разведывая вестей про татар и черкас», чтобы не подвергнуться внезапному нападению.

По указанию белгородского воеводы новоприбранным комаричанам были отведены земли под усадьбы, пашни и сенные покосы. Согласно царской грамоте от 12 августа 1646 г. в Карпове следовало устроить особую Драгунскую слободу «для того драгунского строенья на тысячу человек» при наличии близ нее воды и леса. Сразу по прибытию на «Карпово сторожевье» комарицкие драгуны должны были ставить избы и заготовливать сено, сеять рожь - дабы к новому году «хотя по невелику ржи высеял и велели б есте». В то же время комаричане верстались в драгунскую службу³⁵². Каждому драгуну полагались лошадь «с седлы», мушкет, шпага, ледунка³⁵³ и пика, жалование определялось «по розсмотренью». При этом приказывалось ничем комарицких крестьян не оскорблять и безденежно у них лошадей и ружей «не имать».

Вместе с драгунами украинских городов комаричане приступили к строительству земляного вала между Белгородом и Карповом. В то время на временную службу «до отпуску» в Карпов были отправлены 35 севских стрельцов во главе с пятидесятниками Иваном Андреевым и Игнатом

³⁵² В самой Комарицкой волости местны крестьяне были определены в драгунскую службу 27 сентября 1646 г.

³⁵³ Аналог натруски и зарядца для пороха.

Фоминым³⁵⁴. Однако зимой 1646 г. среди них участились побег, 15 декабря острог покинули Ортюшко Ортемов, Мишко Комарев и Ивашка Быков³⁵⁵.

К тому времени в крепости были назначены воеводы стольник князь Михаил Щетинин и Иван Кобыльский. По их предписанию из Севска в Карпов были высланы ко службе 1000 поселенных драгун во главе с сыном боярским Замятней Леонтьевым и казачим головой Ильей Охлабаевым. Эти драгуны должны были нести службу, «переменяясь» каждый месяц. В январе подобное предписание распространилось на комарицких драгун, служивших в Курске (царский наказ января 1647 г. курским воеводам Василию Шереметеву и Андрею Плещееву).

Таким образом, служилые люди Севска и Комарицкой волости, переселенные в новые города Белгородской засечной черты сыграли важную роль в укреплении обороны данных крепостей и, в то же время, приняли активное участие в заселении и освоении земель южных окраин Московского государства.

§ 3.2. Ратная служба жителей Севска и Комарицкой волости на Дону в 1646-47 гг.

§ 3.2.1. Подготовка добровольцев к отправке на Дон

Активные набеги многочисленных отрядов крымских и ногайских татар (до 60 тысяч человек) в 1643-1645 гг. на южные окраины Московского государства, вынудили русское правительство предпринять военный поход в низовья Дона для усиления войск донского казачества, изнуренного борьбой с татарами и турками. Кампании предшествовала коллективная челобитная донской старшины 1645 г., просившей помощи деньгами, хлебом и порохом³⁵⁶.

Пополняя ряды донского казачества «охочими людьми» из центральных и южнорусских уездов, правительство готовилось к масштабным

³⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 184. Л. 31-32

³⁵⁵ Там же. Л. 166

³⁵⁶ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 114.

наступательным действиям в низовьях Дона против крымских и ногайских татар. По плану правительства в низовья Дона должны были выступить кн. Семен Пожарский, дворяне Ждан Кондырев (из Воронежа) и Петр Красников с тремя тысячами вольных охочих людей.

Первоначально в состав донских добровольцев Ж. Кондыреву было поручено набрать не более 3000 человек. Прибору не подлежали крестьяне, холопы и служилые люди, как свидетельствовал наказ Кондыреву: «а шли б воинские люди на Дон от отцов дети, от братьи братья, от дядей племянники, а чтоб службы и тяглых всяких участков не запустошили³⁵⁷».

Формуляр поручной записи выглядел следующим образом: «[после персоналий]...все мы [указывался город] вольные охочие люди Донской службы поручилися есми мы друг по другу десеть человек, которые в сей поручная записи имени писаны, в том, что взяли мы государево жалованье: у которых пищали свои, по пяти рублев денег, а у которых пищалей нет своих, и мы взяли по три рубли с полтиною да по государевой пищали, и что быти нам за нашею порукою, служить государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси службу в Войску на Дону и быть нам всем готовым, где по государеву указу государевы воеводы, и приказные люди, и донские отаманы нам в войску укажут. А что по государеву указу дано нам жалованья, денег и ружья, и нам за своею порукою тово государева жалованья не пропить, и не проворовать, и ни х кокому воровству не приставать; и государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси не изменять, и з Дону не збежать и без отпуску не съехать. И в Крым, и в Литву, и в ыные государства не отъехать. А будет хто за нашею порукою з государевой службы з Дону збежить, или государева жалованья проворует или в государевых украинских городех останутца, и на нас, на порутчиках пеня государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси, а пени, что государь укажет, и наши порутчиковы головы вместа ево голову. А кой у нас порутчик будет в лицах, на том государева пеня, и порука, и

³⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 36. Л. 100.

государева денежное жалованья. А на то [имя послуха или дьячка, писавшего поручную запись] руку приложил»³⁵⁸.

Охочим людям предписывалось самим построить себе в Воронеже суда для морских походов. Жалование добровольцам назначалось по следующему принципу: «у которых пищаль своя есть» - по 5,5 рубля, не имеющим «оной» - 4,5 рубля; «всем по фунту зелья да по два фунта свинцу». В помощники Ж. Кондыреву был назначен сын боярский Петр Красников, которому поручалось прибрать в состав добровольцев 1000 человек в Ряжске, Пронске, Лебедяни, Епифани, Данкове, Ефремове, Сапожке, Михайлове и Козлове³⁵⁹. Параллельно шел набор охочих людей В. Угримовым в Шацке и О. Карповым в Тамбове. Во все южнорусские города были разосланы царские грамоты о вербовке добровольцев³⁶⁰.

Основными мотивами вольного населения юга России стать добровольцами «донской службы», по сути – донскими казаками, были обретение личной свободы на Дону, нажива всяческим добром, а так же месть за попавших в татарских полон родственников, за убитую родню. По мнению А.А. Новосельского, события похода вольных людей на Дон являлись одним из проявлений подъема патриотических чувств русского народа в условиях усиления крепостного права.

По прибытии в 1646 г. на Дон в задачу отряда кн. Пожарского совместно с донскими казаками входило совершить поход на Перекоп, а отряда Ж. Кондырева с охочими людьми и казаками – пройти морем на судах и высадиться на берегах Крыма.

Примечательно, что в составе отряда Ж. Кондырева были выходцы из Севска и Комарицкой волости. Документальных сведений о ходе набора добровольцев в донскую службу в Севском уезде не сохранилось, однако, данный процесс можно представить, судя по тому, что происходило в соседних северских городах – Путивле и Рыльске. В марте 1646 г. там было

³⁵⁸ РИБ. – Т. XXIV – Кн.2. (далее – Донские дела). – Стб. стб. 962-963.

³⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 36. Л. 134-135.

³⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 908. Л. 273.

велено «по торгом биричом кликать не по один день, которые вольные люди и от отцов дети и от братья братья и от дядь племянники» пожелают идти на Дон с «хлебными и со всякими запасы и с вином», а также со свинцом и порохом – ступали бы они на Воронеж и на «Ялец» и в «ыные польские городы», которые «податны [близки] к Дону и к Северскому Донцу». Воеводам предписывалось сообщать в Разрядный приказ, как происходила вербовка охочего люда, указывать количество добровольцев. В апреле 1646 г. воевода Путивля Юрий Долгорукий отписал на Москву, что дал «добро» идти на Дон 34 охочим людям, из которых трое вскоре вернулись обратно³⁶¹. Примечательно, что в списке путивльских добровольцев значились посадские люди, как например Мишка Кондратьев сын Недрогалов (Недрыгайлов)³⁶². Насколько точно велся учет переселенцев можно судить по свидетельству путивльского воеводы: «многия ... вольные люди ис Путивля пошли на Дон, не записав имян своих». Рыльский воевода Михаил Лодыгин отпустил на Дон около 70 человек. Причем, среди добровольцев встречаются охочие люди с прозвищем «Комарицкий»: «Гаврило Родивонов сын Комарицкой», «Иван Иванов сын Комарицкого»³⁶³.

Комарицкие охочие люди составили две сотни добровольцев донской службы во главе с Сафоном Яковлевым сыном Епишиным и Иваном Андреевым сыном Финтаревым (сотники), а также десятниками: Самойлой Лаврентьевым сыном Смыковым, Степаном Яковлевым сыном Ляховым, Мартином Артемовым сыном Скомороховым, Иваном Ждановым сыном Крюковым и др. Другие подробности о составе добровольческого отряда комаричан можно почерпнуть из поручных записей, которые велись в Воронеже при раздаче жалования Ж. Кондыревым. Некоторые комаричане указали из какого населенного пункта они происходили: Астафий Суржиков «Комарицкый волости села Березавки», «Карп Исаев сын Картавого Севского города Комарицкой волости села Радогощи», «Юря Харитонов сын Тепухов

³⁶¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 202. Л. 145.

³⁶² Там же. Л. 152.

³⁶³ Там же. Л. 136, 137.

Комарицкой волости села Подывотья». В поручных записях четыре комарицких добровольца носят прозвище «Севченин», один – «Комариченин». Из других географических прозвищ в этих десятках значатся Почапцов, Шацкого³⁶⁴, Рылянин, Каширинов, Псковитин, Смольянинов³⁶⁵. Данный факт говорит об обширной географии происхождения населения Комарицкой волости первой половины XVII века.

5 апреля 1646 г. Ж. Кондырев с первой группой добровольцев прибыл в Воронеж. Отсюда его отряд должен был «идти на Дон по полой воде, как лед вскрыетца». Между тем, отряд Кондырева продолжал пополняться. Вскоре численность желающих «стать донскими казаками» превысило норму, установленную правительством. В «вольные охочие люди» пытались проникнуть крепостные крестьяне, холопы и мелкие служилые люди. Так, крестьяне вотчины О. Сукина из Новосильского уезда, все до одного человека, «покиня свои жеребья», подались в донские добровольцы³⁶⁶.

К 20-му апреля численность добровольцев значительно превысила 3 тысячи человек, однако приток охочих людей в Воронеж продолжался. Одновременно велась постройка морских судов – «дощеников» (бóльших по размеру чем струги). Большинство добровольцев отказались участвовать в этом деле, мотивируя тем, что оно им вовсе «не за обычай». Они стали приходить в съезжую избу к воронежскому воеводе Андрею Васильевичу Бутурлину и требовать плотников, которые могли бы «дощеники крыть». Воевода велел жителям Воронежа собрать на дощеники «всем городом» лубья и драницы. Но едва горожане и уездные люди доставили необходимое, «вольные люди лубья и драницы все рознели розно по себе в зохфат озарничеством». Узнав об этом, Бутурлин приказал дать охочим людям гвозди, приобретенные на деньги из государевой городской казны, дабы те построили «дощеники» самостоятельно. Однако добровольцы наняли себе

³⁶⁴ Предположительно комарицкий доброволец с таким прозвищем мог бы происходить из другой дворцовой волости – Верхоценской, которая находилась в составе Шацкого уезда.

³⁶⁵ Донские дела. – Кн.2. – Стб. стб. 931-1042.

³⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 162. Л. 330.

плотников, а сами в ожидании отправления на Дон и страдая бездельем, предались разгулам и буйствам. И вскоре, по свидетельству А. Бутурлина, «от тех ... вольных людей в Воронежском уезде, и на посаде, и в слободах учинилось многое убойство, и грабеж большой», «многих воронежцов в городе и в слободах побивают и грабят, и ходят полками (ватагами) по сороку, и по пятидесяти, и больши»³⁶⁷. «Напився пьяны», добровольцы били своих плотников, «всех переувечили», отчего многие с работы сбежали³⁶⁸. В итоге, к 20 апреля в Воронеже были сделаны 20 «дощаников». Часть из них была отдана охочим людям (по 200 человек на судно)³⁶⁹.

В те дни в Воронеж следовали вольные люди из Северской земли³⁷⁰. Их путь ознаменовался нападениями на селения южнорусских уездов и грабежами. 24 апреля Ж. Кондыреву поступила отписка курского воеводы, с жалобой на прошедший мимо города крупный отряд добровольцев «донской службы» из Северской земли во главе с выборным атаманом Андреем Покушеловым³⁷¹, который грабил предместья Курска, Путивля и Рыльска. 26 апреля отряд А. Покушелова появился с обозом в селе Девица, в пяти верстах от Воронежа. Численность северской рати составляла 1070 человек. Воеводе Воронежа А. Бутурлину их действия показались «воровскими». Он обратился лично к А. Покушелову с осуждением самовольного прихода его отряда под Воронеж. В переписке Бутурлин намекнул Покушелову, что положенные три тысячи добровольцев у Ж. Кондырева уже набраны, а для его отряда ни жалования, ни оружия, ни судов не предусматривалось, после чего резюмировал: «он бы де Ондрей на Воронеж не ходил, и уезду б Воронежского не грабил и не пустошил, и насильства никакова не чинил»³⁷². Кондырев также решительно отказался принять пришедших в Воронеж охочих людей под свое начало.

³⁶⁷ Донские дела. – Кн.2. – Стб. стб. 788–789, 790, 792–793.

³⁶⁸ Там же. – Стб. 821–823.

³⁶⁹ Дощеники – речные суда, значительно более вместительные, чем речные струги.

³⁷⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 212. Л. 4-4а.

³⁷¹ См. Приложение 13.

³⁷² Донские дела. – Кн. 2. – Стб. стб. 818–819.

Из-за произошедших в Воронеже волнений, 1 мая Ж. Кондырев поспешил отправить на Дон первую партию добровольцев, сам же отбыл 3 числа. На Дон ушли 18 дощенников, еще 10 оставались в Воронеже не проконопаченные и не просмоленные³⁷³.

Тем временем отряд Покушелова с рылянином, казачьим сотником Иваном Телегиным направили в Разрядный приказ коллективную челобитную, где объяснили, что идут против татар потому, что «у них крымские люди поимали в полон отцов, и матерей, и жен, и детей, и братью, и племянников», «от крымских и от ногайских людей розорены до конца»³⁷⁴. Причем, добровольцы Северских городов подчеркивали, что часть из них пришла «на Воронож» с оружием, часть – без оногo. Отряд А. Покушелова был принят на службу только 11 мая 1646 г. Тогда же Разрядный приказ распорядился выдать им 500 пищалей, жалованье и отпуска на Дон. Воронежскому воеводе поступил наказ: отвести в слободах дворы на постой северским добровольцам, а затем отправить их на Дон с Петром Красниковым вслед Ждану Кондыреву³⁷⁵.

Известие об отправке на Дон вместе с дворянином Петром Красниковым, отряд Покушелова встретил с негодованием. Тем же днем 11 мая П. Красников пожаловался А. Бутурлину на Андрея Покушелова и его «вольных казаков», что «ему, Ондрюшке и всем вольным людям с ним, Петром на Дон не хаживать и ... государева жалованья не имать» и на Дон «не хаживать». Красников отметил, что охочие люди настолько озлоблены, что готовы при удобном случае его убить. А вскоре и сам А. Покушелов лично подтвердил воронежскому воеводе свой отказ выступить на Дон с П. Красниковым. В ответ на это А. Бутурлин собрал в съезжей избе людей Покушелова и зачитал грамоту Разрядного приказа о назначении во главе отряда П. Красникова. Подлинность грамоты подтвердил подьячий И.

³⁷³ Затем эти дощенники были отделаны и в них были отправлены на Дон вольные люди А. Покушелова.

³⁷⁴ Донские дела. – Кн.2. – Стб. 828.

³⁷⁵ Там же. – Стб. стб. 844–846.

Сурмин, лично ездивший в Москву за документом. Покушеловцы не поверили Бутурлину, открыли бунт, а их атаман стал лично, «мимо государева указу», вносить в списки и прибирать вольных людей. В поручных записях от 18 мая – 6 июня 1646 г., среди донских добровольцев А. Покушелова кроме рылян, путивльцев и комаричан, севчан можно без особого труда обнаружить лебедянцев, козловцев, шатчан, белгородцев, курян, кромчан, воронежцев, нижегородцев, новосильцев, тулян, хотмыжцев, мценцев, орловцев, ефремовцев, козличей (жители Козельска), осколян, москвичев, новгородцев, михайловцев, ельчан, крапивенцев, романовцев (Романово Городище), роменцев (черкасы из города Ромны), черкасцев (из города Черкассы), ряшан (жителей Ряжска), новгород-северцев, черкас из города Гадяч, полтавцев, алешенцев, миргородцев, вологодцев, трубчан (Трубчевск), черкас из Лохвиц³⁷⁶.

Среди добровольцев укрылось много беглых³⁷⁷. А. Бутурлин укорял Покушелова, что тот держит боярских беглых холопов «в хороньбе в лесу» под охраной и не хочет выдать их властям. 2 июня 1646 г. из Разряда Бутурлину поступила грамота с жалобой от стольника В. Бутурлина о бегстве из Москвы восьмерых человек, забравших с собой его лошадей, одежду и прочее имущество. Когда покушеловцы грузились в суда, в их отряде неожиданно обнаружили семь лошадей, предположительно из похищенных этими беглецами. При обличении преступников Покушелов беглых не выдал и суда свои обыскивать не дал. Посланный воронежским воеводой для разбора дела казачий голова С. Позняков был схвачен северскими людьми и продержан на судах три дня³⁷⁸. 6 июня вольные охочие люди Андрея Покушелова были наконец-то отправлены на Дон.

27 мая 1646 г. в столицу Донского Войска – Черкасск прибыло 3037 человек на 70 судах. Кроме официально внесенных в именные списки, в стругах по Северскому Донцу пришло несколько других отрядов из

³⁷⁶ Там же. – Стб. стб. 931-1041.

³⁷⁷ Там же. – Стб. стб. 884–885; РИБ. – Т. XXVI. (Донские дела) – Кн 3. – Стб. стб. 15–16.

³⁷⁸ Донские дела. – Кн. 2. – Стб. стб. 887–891.

Белгорода, Чугуева, Оскола и Валук. Через Белгород прошло несколько отрядов черкас, добровольцы из Шацка и Тамбова спустились на бударах по р. Хопер. Судя по сообщению Ж. Кондырева летом 1646 г., численность охочего люда на Дону составила 10 тысяч человек³⁷⁹, больше половины из них остались без жалования³⁸⁰. Сюда же 15 (по другим источникам 16) июня прибыл и князь Семен Пожарский. С ним пришли 1700 русских ратников, самую боеспособную часть которых составляли астраханские конные стрельцы – представители наиболее «мощной» украинной корпорации, не редко входящей в контакт с казаками и по сути мало чем от них отличающейся. Вместе с князем к Черкасску подошел Салтанаш мурза Аксаков с 2350 ногайских и юртовских татар. Семен Пожарский со своими ратными людьми переправился на правую сторону Дона, остальные расположились на ногайской стороне. Сюда же вскоре пришли горские черкесы (адыги) князя Муцала Черкасского вместе с терскими и гребенскими казаками – 1200 человек. Пришел Би Мурза Иштереков с 300 татарами. Итого, по подсчетам А.А. Новосельского здесь сосредоточилось порядка 20 000 ратных людей³⁸¹.

§ 3.2.2. Боевые действия добровольцев на Дону

Объединённые силы донских казаков и русских добровольцев донской службы, согласно царскому указу, должны были выступить в поход против крымских и ногайских татар, избегая при этом боевых действий с мощной турецкой армией. Несмотря на наличие конкретных указаний к боевым действиям, многие участники похода, как например донские атаманы П. Федоров и И. Каторжный, кн. Муцал и Би мурза Иштереков пытались проигнорировать указ и двинуться на Азов, усиленно обороняемый

³⁷⁹ Там же. – Стб. стб. 903, 919.

³⁸⁰ Там же. – Стб. стб. 810- 811, 860, 901-919.

³⁸¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – Москва-Ленинград, 1948. – С. 380.

турецкими войсками. В споре с кн. С. Пожарским³⁸² и Ж. Кондыревым³⁸³ они отстаивали точку зрения, что именно в Азове происходила концентрация основных сил крымских татар, горских черкесов, темрюцких³⁸⁴ и ногайских татар перед набегами на казачьи городки и далее – на Московское государство. Астраханские стрельцы и татары, находившиеся в подчинении у князя Пожарского, настаивали на начале боевых действий дабы не бездействовать – не «испроестся». Не дожидаясь согласования своих намерений с российским правительством, вопреки уговорам кн. Пожарского, донские казаки стали снаряжать струги для похода на Азов. Вскоре к ним примкнули астраханцы, переправившиеся на правый берег Дона.

В июне объединенное войско из отряда охочих людей Ж. Кондырева, астраханских, терских и гребенских казаков, татар и узденей Муцала выступило в поход на Азов. Соединение отрядов произошло на подступах к Азову на утренней заре, после чего начался штурм крепости. Авангарду войска удалось пробиться в «глиняной город», но закрепиться там он не смог из-за огня крепостной артиллерии. Видя, что попытки взять Азов тщетны, «донские казаки и верховые ратные пешие люди отшед из под Азова, пошли в стругах на море». Ратные люди разделились на две партии. Одна (конная) совершила набег на улусы азовских татар и, погромив их, взяла в плен 30 человек, 300 овец, 500 коров, 30 лошадей и через 3-4 дня достигла Черкаска. Вторая партия (люди Пожарского и Кондырева) вышли на стругах в море, где потопили три турецкие каторги, а две с 30 пушками и провиантом, доставили в Черкасский городок спустя три дня после прихода туда первой партии³⁸⁵.

Следующий поход донцы намеревались совершить на кочевья азовцев и ногайцев на р. Ея (западная территория современного Краснодарского края). На второй день после выступления в поход ратные люди наткнулись на

³⁸² *Бабулин И.Б.* Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. – СПб, 2009. – С.19-20.

³⁸³ *Донские дела.* – Кн. 2. – Стб. стб. 902, 913-914.

³⁸⁴ Адыгские (черкесские) племена Кубани.

³⁸⁵ *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами. – С. 379-381.

«тележную кочевную» сакму. Вечером того же дня кочевья азовских и ногайских татар были разгромлены. В трофей ратникам достались 7000 человек полоняников, 6000 коров, 2000 овец. Не довольные своей долей добычи, черкасы Муцала, донцы и астраханские стрельцы силой отняли у людей Кондырева пленных и скот, после чего «учали полон и животину делити». Этот факт показывает пренебрежительное отношение бывалых ратников к добровольцам³⁸⁶. В то же время кн. Пожарский поспешил перевести черкас Муцала и Би мурза Иштереков с ногайской на донскую сторону³⁸⁷. Астраханцы распродали свой ясырь и на третий день ушли на крымскую сторону Дона, к Пожарскому³⁸⁸.

Утром 6 июля на заре «безвестно» на отряд князя Муцала напала рать крымского царевича Ният-Гирея в 6500 человек. Нападающие «смяли» воинов князя, отбили знамя. Би мурза Иштереков бежал в степи. Оправившись от неожиданного удара, ратники Муцала контратаковали татар. На помощь черкасам Муцала Пожарский направил из Черкасского городка «людей своих с пятьдесят человек». Эти люди переплыли Дон «об лошадях», сам же князь с письменными и стрелецкими головами, детьми боярскими и татарами и 400 человек конных стрельцов «прибежали х казачью к Черкасскому городку, и пометався в казачьи струги в лотки учали под Черкасским городком перевозитца на Азовскую сторону». Сюда же прибыли охочие люди Ждана Кондырева. Бой продолжался до вечера, пока крымцы не отступили. Князь Пожарский был ранен из лука в правую руку, письменный голова Алексей Хрущов «из лука ж ранили в правой бок сквозь пансырь», едисанский Алей мурза Урусов «в правую руку повыше лохтя»³⁸⁹. Астраханского сына боярского Антона Пшагина и стрельцов пять человек

³⁸⁶ Там же. – С. 382.

³⁸⁷ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – С. 382; РГАДА. Ф. 127. 1646 г. Д. 4. Л. 221-224.

³⁸⁸ Там же. Л. 226-227.

³⁸⁹ Там же. Л. 227-230.

«побили до смерти». У Салтанаша мурзы был убит знаменщик и отбито знамя³⁹⁰.

4 августа Ж. Кондырев с С. Пожарским и М. Шишкиным и донскими атаманами отправились в поход на крымцев по ногайской стороне Дона. На утренней заре русские стремительной атакой разгромили татарские станы. В бою погибло много татар, 207 человек попали в плен вместе с каретой крымского царевича. Однако к месту боя подоспели 8000 конных и 2000 пеших азовских и темрюцких татар с артиллерией, в то время как численность русского войска составляла 7200 человек, причем большая его часть была пешая. Оставаясь в меньшинстве, русские ратники были вынуждены отступить под непрерывным артиллерийским обстрелом. Татары преследовали русских людей до р. Койсуг вплоть до наступления темноты. 6 августа отряд достиг Черкасского городка. В этом бою астраханские стрельцы потеряли 200 человек убитыми. Во время затишья они уничтожили часть трофеев, а всех захваченных в плен татар убили³⁹¹.

Осенью того же года отряд Ж. Кондырева совместно с войсками донских атаманов предпринял попытку напасть на Крым. Поход к берегам Крыма состоялся на 37 стругах, по 50-60 человек в каждом.

В начале сентября 1646 г. отряд казаков и охочих людей вышли в Азовское море, причалив вскоре к пристани Верхние Берды. Отсюда русские ратные люди намеревались двинуться к Крымскому городку Роботок и «к Крымским юртам к Казанрогу (Таганрогу)». Передвигались на стругах по ночам – днём опасались быть замеченными зоркими сторожевыми отрядами противника. Однако смелые планы донцов и охочих людей были нарушены разбушевавшейся непогодой: «того дни учинилася морская погода большая». Струги разнесло по морю, где незадачливых казаков носило три дня, пока «не принесло ... повыше Гнилова моря к урочищу к Бирючей косе и розбило к берегу ... морскою погодою пять стругов». Пострадавшим донцам и

³⁹⁰ Там же. Л. 182, 184, 233, 234, 236.

³⁹¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – С. 382-383.

охочим людям удалось спастись, добравшись вплавь до берега, где были подобраны товарищами на другие струги. Тем не менее, их продовольственные запасы были потоплены. По случаю затянувшейся на десять дней новой бури казаки вынуждены были пережить ненастье на берегу. В это время местонахождение русских было обнаружено дозорными татарскими отрядами, которые «учали» около них «ездить» и на них «збиратца». На сходе донскими атаманами с Ж. Кондыревым и М. Шишкиным было решено, что предпринимать внезапное наступление на татарский городок уже невозможно, «потому что учинилось Крымским Татаром ведомо». Русский отряд отошел к пристани Нижние Берды, но и здесь ратных людей вновь застиг шторм, продолжавшийся 8 дней. Во время кратковременного затишья казаки и охочие люди направились к Кривой Косе, где в очередной раз вынуждены были переждать пятидневный морской шторм. Повторная ночная попытка незаметно подойти к Таганрогу морем снова была провалена, так как «в ночи ... учинилася погода морская-ж, и струги ... по морю разносило врознь». Едва струги ратных людей начали сходиться у пристани, с которой намеривались выдвинуться к Донскому Устью, как вдруг снова «учинилася морская погода великая и ветер противной, и понесло ... от Дону в море и рознесло врознь, и принесло на мелкие места». Затем казаки «те струги с мелей сволокли в Донскую протоку в Кутюрмю». Тем временем к месту кораблекрушения пришли азовские татары во главе с Мустафой-Бейем и стали жечь струги. Под натиском неприятеля донцы «не от радости и сами» стали жечь свои струги, дабы те не достались крымцам, после чего бежали на струги, стоящие поблизости в протоке. В протоке «Каланчею в Дон» донцы и охочие люди Ж. Кондырева и М. Шишкина подверглись артиллерийскому обстрелу отряда Мустафы-Бея и турецких янычар, поддерживавших крымцев. Оставив на стругах гребцов, казаки и охочие люди сошли на берег и приняли бой. Во время схватки казаки «с вольными людьми перебили [татар] многих, а иных переранили и

лошадей под ними побили многих». 17 октября ратные люди вернулись в Черкасский городок³⁹².

§ 3.2.3. Итоги донского похода

По завершении неудачного крымского похода отсутствие снабжения провиантом и боеприпасами, несогласованность действий командиров отрядов, также низкая боевая подготовка значительной массы охочих людей и тяготы походной жизни predetermined неблагоприятный исход всей кампании. В челобитной государю атаман Иван Каторжный охарактеризовал состояние охочей вольницы, пришедшей к казакам на Дон, следующим образом: «А от вольных людей и впредь не часть службы и никакова промыслу, потому что многие люди зерщики и тобатчики, проигрывают государева казенное ружье и запас. Где де им государева служба служить! А они де многие и за пищаль не умеют принятца, не токмо что стрелять. Только де государству безчестья такие воины. Уж лучше бы прислали на Дон обученных ратному делу служилых государевых людей»³⁹³. Однако доподлинно известно, что далеко не все добровольцы, ушедшие на Дон, были снабжены ружьями. Более того, 1200 добровольцев из «розных ... государевых городов» - Воронежа, Курска, Валуек, Белгорода и Яблонова, судя по их челобитным на имя царя, не получили ни оружия, ни денежного жалования. Ещё 500 человек получили только деньги (по 2 рубля на человека). Данные охочие люди, котрым не на что было купить оружие, угрожали царю уходом со службы. В ответ челобитчики были пожалованы 1000 пищалями и 3000 рублями: по 3 рубля на человека и по 1 рублю на пищаль³⁹⁴. Однако эта мера не смогла удержать охочих людей на Дону. В отписке от 27 июля 1646 г. донцы сообщали в столицу о том, что многие

³⁹² Донские дела. – Кн. 3. – Стб. стб. 263-267.

³⁹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 235. Л. 192-193.

³⁹⁴ Донские дела. – Кн. 3. – Стб. стб. 86-89.

вольные люди не хотят «государю служить и нужи всякие» с казаками терпеть, убегают от них «к Руси»³⁹⁵.

Последовавшая задержка жалования («зазимовавшего» в Воронеже) участникам походов, затянувшаяся до января 1647 г., привела к голоду в среде охочих людей и их массовой гибели. Другой причиной, повлекшей голод, было пренебрежительное отношение донцов к добровольцам. Бежавшие в Воронеж 160 воронежцев, ельчан и козловцев, сообщали, что голод начался после того, как казаки отняли у них добычу. Вернувшиеся в Ливны донские добровольцы передавали слова Ж. Кондырева: «мне де до вас дела нет, куды хотите, туды и подите»³⁹⁶. После этого началось массовое бегство добровольцев назад на Русь. Так, 5 октября 1646 г. в Курск пришло с Дона 52 человека, которые были «биты по торгам» и посажены в тюрьму. Из росписи беглецов следует, что среди них детей боярских верстанных было 4 человека, детей боярских неверстанных – 9, крестьян помещичьих – 24, монастырских – 5, холопов – 3, гулящий человек – 1, родственников служилых людей – 3, площадной дьяк – 1, служка монастырский – 1, курский рассыльщик – 1³⁹⁷. При допросе беглецов курским воеводой А. Лазаревым все отвечали одинаково: «пошел назад от голоду», «пошел назад, потому что запасу не дано». Сыск вернувшихся с Дона добровольцев, проходил повсеместно, откуда они записывались в отряд Кондырева – в костромских пригородах, на посадах, в Буге, Судиславле, Кадиеве и Соли Большой³⁹⁸.

Лишь в начале 1647 г. на Дон поступила царская грамота с предписанием донцам делиться жалованием с «новоприводными» охочими людьми, кормить их собственными запасами до весны, пока не прибудет жалование. Голодавшим был направлен провиант из Царицына – «к казачьему городку, к Пяти Избам» пять тысяч четей ржаной муки³⁹⁹.

³⁹⁵ Там же. – Стб. стб. 146–148.

³⁹⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – С. 384.

³⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 217. Л. 128-136.

³⁹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 568. Л. 776-778.

³⁹⁹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – С. 228.

В итоге к началу 1647 г. из 10 тысяч вольных охочих людей на Дону осталось не более 2 тысяч, которые продолжили нести службу.

Архивные источники не предоставляют подробной информации о комаричанах на донской службе, кроме списков имен их сотников и десятников. Дальнейшая судьба большей части их отряда неизвестна.

Зимой 1646 г. 130 человек беглецов с Дона появились в Чугуеве. Среди них были выходцы из Рыльска, Путивля, Кадома, Ельца, Нижнего Новгорода, Курска, Калуги, Белгорода, Хотмыжска, а также Севска и Комарицкой волости (45 человек). Среди них было три севских стрельца, семь человек стрелецких родственников, один казенный плотник, четыре «гулящих человека» из Севска, пушкарский родственник, нищий с Севского посада. Остальные являлись комаричанами из селений Дубовицкая, Козинка, Бересток, Быхово, Заулье, Кричино, Доброе поле, Лубошево, Збродок, Обжи, Долбенкино и Сенной. Все беглецы незамедлительно были помещены в местную тюрьму в ожидании царского указа. 10 декабря чугуевский воевода кн. Яков Волконский получил грамоту из Разряда. Ему следовало расспросить: «хто которого города и хто какова чин и отцы у них и братья родные и иные родимцы есть ли и хто имяны и в коих чинах». Однако больше всего правительство было заинтересовано в судьбе казенных пищалей, которыми оно снабдило донских добровольцев. При этом в государеву казну в Чугуеве было изъято 17 пищалей.

В ходе допроса было выяснено, что некоторые добровольцы потеряли свои пищали на Дону (в т.ч. и во время боя, «изронил на бою как ходили под Азов», «как ходили на крымских царевичей»), некоторые продали ее там же или по пути в Чугуев («продал на дороге белгородским станичникам, кому не знает»), у кого-то пищали отняли донские казаки и черкасы. Беглецов следовало отдать на поруки и по весне вновь отправить на Дон⁴⁰⁰.

Итак, формирование контингента добровольцев донской службы происходило из числа вольных и охочих людей южнорусских уездов,

⁴⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. Д. 213. Л. 52-81.

движимых желанием нажиться добром и обрести независимость от государства, подобно донским казакам. Многие из них шли на Дон в надежде вернуть уведенных в плен крымскими татарами родственников. В то же время, отправка большого отряда добровольцев на Дон позволяла правительству решить следующие задачи:

- пополнить численность донского казачества для усиления обороны южных окраин государства;
- подготовить плацдарм для дальнейшего нанесения удара по Крымскому ханству совместно с правительственными войсками;
- выселить из Московского государства как можно больше криминального элемента, привлеченного на Дон грабежами и разбоями.

Однако неудачный исход кампании 1646 – 1647 гг. не оправдал ожиданий правительства. Попытка отрегулировать численность поредевшего донского казачества, важнейшего сдерживавшего буфера между Русью и Крымом, не удалась. Возникшие конфронтации при дележе добычи между охочими людьми, служилыми Астрахани, донскими и гребенскими казаками, а также татарами, подтверждают тот факт, что добровольцы донской службы не смогли служить на равных с донскими казаками из-за низкой боевой подготовки.

Несмотря на значительные финансовые затраты правительства (одним Ж. Кондыревым было израсходовано 15 тысяч рублей⁴⁰¹) большинство добровольцев не смогли прижиться на Дону, в целом по причине некомпетентного управления кампанией и несогласованности действий командования и, как следствие, не смогли способствовать мощному удару русских военных сил по Крыму.

Провальный исход крымской кампании вынудил московское правительство отказаться от дальнейшего использования служилых людей южнорусских уездов в дальних военных походах против крымских татар.

⁴⁰¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства. – С. 377.

§ 3.3. Служба севских ратных людей в «новоприемных» городах Северской земли (Олешня, Каменный, Бобрик и Недрыгайлов)

Помимо службы в городах Белгородской черты и на Дону жители Севского уезда приняли активное участие в освоении территории, отошедшей к Московскому государству после Варшавского перемирия 1644 г. По условиям Варшавского договора польская сторона уступала московской городки Недрыгайлов, Бобрик, Каменный, Олешню и Ахтырку с несколькими городищами и слободками, а также земли в междуречье Большой и Сухой Клевени, ныне находящиеся в Сумской области Украины⁴⁰². При этом «коруна» сохраняла за собой Ромны и Гадяч, земли в бассейне р. Хорол. Среди переданных России сел, деревень и слободок находился и городок Ворон (Воронок), укрепленный людьми новгород-северского старосты Александра Песочинского в 1636 г.⁴⁰³, а также Ахтырская крепость, построенная поляками в 1641 г.⁴⁰⁴.

Передача этих земель под юрисдикцию России состоялась летом 1645 г. (в основном это касалось Заклевенья, междуречье Псела и Сулы было передано чуть позже)⁴⁰⁵ после установления официальной границы между Россией и Польшей. Московское правительство приложило немалые усилия, чтобы укрепить пограничный участок, попытавшись создать здесь собственные корпорации «служилых городов», а также укомплектовав штат приборного ратного люда. Таким образом, в 1644 – 1651 гг., в период обостренных отношений Москвы и Варшавы после восстания под руководством Б. Хмельницкого, русское правительство создало в междуречье

⁴⁰² Олешня – Олешнянский сельский совет, Ахтырский р-н; Недрыгайлов - Недрыгайловский поселковый совет, Недрыгайловский р-н; Каменный (село Каменное) – Каменский сельский совет, Лебединский р-н; Бобрик – ныне с. Московский Бобрик Лебединского р-на.

⁴⁰³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 404. Л. 215, 216, 223. Собственно Александр Песочинский являлся в ту пору самым крупным землевладельцем в окрестностях Новгород-Северского, ему принадлежали в т.ч. Глухов и Погар (см. *Пасічник С.* Новгород-Сіверські землі у роки визвольної війни українського народу під проводом Б. Хмельницького (1648-1657 рр.) // Збірник матеріалів міжнародної науково-практичної конференції молодих учених і студентів «Взаємодія і взаємозв'язок Дніпровського Лівобережжя та Курського Посейм'я (археологія, історія, сучасність)». – Глухів, 2011. – С.34-38

⁴⁰⁴ *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 167.

⁴⁰⁵ РГАДА. Ф. 79. 1646 г. Д. 1. Л. 194-195.

Сулы и Псела укрепленный район путем усиления гарнизонов местных крепостей и формирования вокруг них военных зон – уездов⁴⁰⁶.

До середины XVII столетия рассматриваемая территория Северской земли была малоосвоенной, постоянных селений в связи с «беспрестанными» татарскими «приходами», там не существовало за исключением промысловых угодий: пасек, бортных ухажав, бобровых гонов, рыбных ловлей («рыболовли») и «зверовий» (охотничьих угодий). В XVI в. местность относилась к русскому городу Путивлю, затем, в первой четверти XVII в. вошла в состав польского-литовского государства⁴⁰⁷. Находясь в составе Речи Посполитой, все будущие «новоприемные» городки, слободки и городища относились к Роменской волости Новгород-Северского уезда. В ней находились владения крупных польских магнатов – Казановских, Коссаковских и кн. Иеремии Вишневецкого – потомка великого литовского кн. Дмитрия-Корибута, сына Ольгерда)⁴⁰⁸. К середине 40-х гг. XVII в. сюда начали стекаться крестьяне с Правобережья, мелкая шляхта, казаки и служилые люди.

Неопределенность географической границы между Путивльским и Новгород-Северским уездами сказалась на хозяйственном освоении участка в междуречье Сулы и Псла, за территорию которого шел спор между московской и польской сторонами. Для наблюдения за активностью людей кн. Вишневецких и вольных черкас на границе Путивльского уезда и Роменской волости Новгород-Северского повета, в 1641 г. русские ратные люди построили стоялые острожки: Песчаный – между р. Бобрик и Терн «на реке на Суле на Песчаном броду острог стоячей в дубовом лесу» (ныне село Песчаное Белопольского района Сумской области Украины), Заводицкий - на месте современного поселка Ворожба Сумской области Украины, - и Озоцкий (Возоцкий), в Городецкой волости Путивльского уезда на озере

⁴⁰⁶ *Ракитин А.С.* «Новоприемные» города Северской земли (Каменный, Бобрик, Недрыгайлов и Олешня) и служба в них севских ратных людей (детей боярских Стародуба и Рославля, казаков, стрельцов и пушкарей) // *Деснинские древности.* – Вып.7. – Брянск, 2012. – С. 207.

⁴⁰⁷ *Загоровский В.П.* Указ. соч. – С. 166.

⁴⁰⁸ *Ракитин А.С.* «Новоприемные» города Северской земли. – С. 209.

Озоке «на старой осыпи поставлен во всяком лесу». В Озоцком остроге служили, переменяясь каждые пять недель, дети боярские, казаки и пушкарки из Путивля - 150 человек, в Песчаном – 5 человек «месячных» пушкарей⁴⁰⁹. Помимо того, в Песчаном острожке находились помесечно служилые люди из Рыльска (дети боярские и казаки 75 человек), Севска - 20 человек и пять человек путивльских пушкарей⁴¹⁰. В декабре 1641 г. после стычки между русскими служилыми, заготовлявшими сено на Дехановском городище, с литовскими людьми из Недрыгайлова гарнизон Песчаного острога был укреплен 300 служилыми людьми из Рыльска, Севска и Путивля⁴¹¹.

Заводицкий острожек был поставлен чуть позже, в 1646 г., о чем свидетельствует запись в челобитной путивльских дворян, детей боярских и казаков: «В нынешнем 154 г. были посыланы ... из Путивля для городского строения на Заводицкое городище, и они государю служили и работали, острог ставили со всякими крепостями и от литовских людей оберегали»⁴¹².

Таким образом, к 1647 г. на рассматриваемой территории уже существовали оборонные пункты, в задачу которых входило наблюдение за деятельностью людей вотчины кн. Вишневецкого и пресечение всяческих попыток Речью Посполитой колонизировать ближайшие городища. По мнению русских служилых людей, захват поляками некоторых пограничных городищ Путивльского уезда и возведение в них «фортеций», могло значительно помешать сообщению Путивля с острожками и новыми крепостями на р. Ворскла, а также бортными ухояями и прочими промысловыми угодьями⁴¹³. Для решения этой важной стратегической задачи русское правительство приступило к активной колонизации спорной территории служилыми людьми с разных городов южного порубежья. Весной 1647 г. в «новоприемные города» Северской земли были определены

⁴⁰⁹ РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. Д. 509. Л. 209.

⁴¹⁰ Там же. Л. 219.

⁴¹¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 124. Л. 108-115.

⁴¹² *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. – Т. I. – Глава 16:

<http://diderix.petergen.com/plz-t16.htm>

⁴¹³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 124. Л. 108-115.

как «на вечное житье», так и на временную службу ратные люди Путивля, Рыльска, Севска, Кром, Орла, Карачева, Курска, Мценска, а также черкасы.

19 мая 1647 г. принимать города «из литовские стороны в государеву сторону» выехали воеводы порубежных городов: в Недрыгайлов – Александр Леонтьев, на Олешню – кн. Юрий Борятинский (Борятинский), на Ахтырское городище – Федор Мякинин. Последний был направлен из Севска вместе с отрядом из 10 местных детей боярских, 50 стрельцов и казаков⁴¹⁴. А. Леонтьев прибыл из Путивля с детьми боярскими, стрельцами и казаками. С острожка Песчаного в Недрыгайлов пришло 55 человек ратных людей вместе с запасами пороха и свинца. В Песчаном осталась одна затинная пищаль, «которая поменьши», к ней 50 ядер, пороха 3 пуда, а другую забрали в Недрыгайлов⁴¹⁵.

На Каменное городище временно переводились служилые люди из Заводицкого и Озоцкого острожков, где постоянно находился гарнизон из служилых людей Путивля, Рыльска, Курска и Севска.

23 июня 1647 г., спустя три года после подписания «Варшавского договора», межевые судьи съехались «меж царского величества города Путивля и городищ и коруны Польские городов Чернигова и Черкас», чтобы окончательно утвердить границы спорного участка. В размежевании участвовали: с русской стороны – Замятня Леонтьев, дворянин Федор Мякинин и дьяк Григорий Пятово; с польской – «комиссар коруны Польской» Адам Кисель, земской судья Станислав Пенчинский и подचाший Новгород-Северского Ян Пенчинский. Кроме судей, с польской и московской стороны в качестве свидетелей присутствовали старожилы – путивльские и черниговские дети боярские, донские казаки, пушкари, бобыль попа Алексея церкви Николы Великорецкого; черкасы из Лохвицы, Пырятина, Миргорода, сел Дудки и Плешивки. На съезде было составлено подробное описание слободок и городищ, угодий и урочищ, соседствующих с ними. Русской

⁴¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 1-2.

⁴¹⁵ Там же. Л. 4.

стороне были переданы два городка (Недрыгайлов и Бобрик), четыре городища (Каменное, Ахтырское, Ольшанское и Городецкое), одна слободка (Каменная) и один острожек (Малая Олешня) вместе с оставшимися в них фортификационными сооружениями. Помимо этого, московская сторона получила несколько селений в окрестностях вышеуказанных населенных пунктов, которые в последствие вошли в состав новообразованных уездов.

По получению в свои владения бывших польских территорий русской администрации предстояло решить ряд хозяйственных вопросов. Требовалось предоставить литовским подданным возможность самостоятельно вывезти личное имущество – рабочий инвентарь, инвентарь с буд (поташных заводов), пчел с пасек. Был назначен срок – до Рождества 1648 г. Однако черкасы всеми возможными дипломатическими способами пытались отсрочить отъезд из насиженных мест. 6 января 1648 г. воеводе Путивля кн. Юрию Долгорукому пришло письмо лично от кн. Иеремии Вишневецкого с просьбой дать время своим подданным до весны «у сень жить на государевой земле и сена травить до весны», а животы свозить только после того, «как зимний путь уставитца»⁴¹⁶. Кроме того, к июню 1647 г. на полях близ города Олешня осталось не сжатого «хлеба ржаного и ярового по переписке 324 полосы». Этим воспользовался польский урядник из городка Зеньков⁴¹⁷ Тимофей Лукомский, который без уведомления русской администрации посылал своих людей на жатву хлеба. В ответ на действия польской стороны воевода Олешни кн. Борятинский распорядился поставить на подступах к городу «с литовской стороны в трех местах» усиленные заставы⁴¹⁸.

С 1648 г. московское правительство под надзором путивльского воеводы приступило к созданию в междуречье Псла и Сулы нового укрепленного района. Около городков и слободок были сделаны надолбы⁴¹⁹.

⁴¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 262. Л. 78-80.

⁴¹⁷ Ныне районный центр Полтавской области Украины.

⁴¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 112.

⁴¹⁹ Надолбы – заграждения из бревен, вкопанных вертикально в землю, сдерживающие ход кавалерии.

Была учреждена станичная служба⁴²⁰. В острогах предписывалось ставить избы и клетки с запасами – на случай осадного положения. Комплектование штатов гарнизонов «новоприемных» городков шло достаточно успешно. Служилые люди разных «польских» и «северских» уездов, а также их родственники, братья, племянники, зятья и шурины в праве были самостоятельно выбрать город, в котором пожелали бы служить: «записывать их хто в который город похочет»⁴²¹. Воевода Олешни Роман Борятинский писал о том, что к нему приезжают «из розных городов» и приносят челобитные братья, племянники и внучата детей боярских, которые прежде ни в каких городах «государевым жалованьем поместным и денежными окладами не верстаны и в службу не написаны»⁴²². Особое внимание уделялось вооружению служилых людей. На смотрах в Бобрике, Каменном и Недрыгайлове начальным людям предписывалось обращать внимание на то, чтобы «всяких чинов люди, ... которые у смотру объявятся без ружья и безконны» в дальнейшем были обеспечены лошадьми и оружием⁴²³. Начальные люди обязаны были «почасту» проверять огнестрельное оружие у стрельцов и полковых казаков, «чтоб пищали со всем были готовы, вычищены и с кремнем». Особые инструкции касались хозяйственной деятельности ратных людей. Чтобы не быть взятыми в плен внезапно нагрянувшими татарами, на сенные покосы и зимой «по лес и по дрова» следовало ходить «собрався многими людьми», с пищалью и рогатиной. Полевые работы велись под прикрытием ратных людей, стоявших на сторожах и ездивших «в подъезды». Ратные люди, послушавшиеся данных инструкций, подвергались наказанию «бес поноровки и бес пощады»⁴²⁴.

После межевания и устройства в «новоприемных» городах Северной земли ратных людей, наиболее остро стал вопрос о развитии духовной

⁴²⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 216. Л. 544-608.

⁴²¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 242.

⁴²² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 262. Л. 474.

⁴²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 304. Л. 149-159.

⁴²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 322. Л. 195, 197, 198.

культуры населения. Так, по свидетельству недрыгайловского священника Алексеища, до того, как город отошел к Московскому государству, в нем была церковь Василия Кесарийского «строения литовских людей» (построенная при поляках). Уходя в Речь Посполитую, литовцы осквернили и сожгли храм. Алексеище писал царю, что в церкви никаких сосудов и колоколов нет «и православные ... крестьяне помирают без даров и без покаяния, а роженицы лежат без молитвы». Предложением священника была постройка церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом Василия Кесарийского⁴²⁵. Чуть позже жители Бобрика просили помочь со средствами на постройку соборной церкви Преображения Господня, т.к. плотникам за их работу дать нечего⁴²⁶. Царь распорядился послать вестовой колокол в десять пудов⁴²⁷.

§ 3.3.1. Олешня

Первым городом на постлитовском пространстве стала крепость Олешня. По описанию Ольшанского городища⁴²⁸, составленному межевой комиссией, на нем стояли два острога – «стоячей малой, а другой острог косою». Через р. Олешня на столбах был устроен мост, «а по тому мосту ездят из острогу в острог». Как отмечалось выше, Олешню в Московское государство принимал кн. Юрий Борятинский. При этом была произведена инвентаризация артиллерийского наряда, пороха (зелья) и свинца, а также замков, городских ключей и вестового колокола. Кроме того, Борятинский осмотрел острог и его строения, после чего «чертеж [составил], ... оба острога описал и измерил»⁴²⁹.

Гарнизон Олешни был сформирован из жителей Орла, Курска, Путивля, Рыльска. Из Севска сюда были назначены на временную посменную службу 100 человек стрельцов и казаков вместе с курскими детьми боярскими,

⁴²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 262. Л. 407.

⁴²⁶ Там же. Л. 375.

⁴²⁷ Там же. Л. 391.

⁴²⁸ На одноименной реке Олешне.

⁴²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 94.

стрельцами и казаками (всего 205 человек) ⁴³⁰. Во время подготовки служилых людей к отправке на службу в Олешню рассматривался вопрос их денежного обеспечения. При случае недостатка денег в казне следовало «занять, где доведетца, только б их деньгами не задерживать», «для поспешенья ис своих денег или занять в монастырех или у ково мочно» ⁴³¹.

Среди поселившихся в Олешне севчан были и стародубские дети боярские. Из 236 стародубцев были отобраны 100 семьянистых и прожиточных человек, которым назначили подъемное жалование «на селидбу и перевозку» из Галицкой чети в 5 рублей.

Севчан поселили во дворах «литовского строенья», а также в «местах за городом ис порозжие земли [которые] не блиско города по острогу». Им дали землю с расчетом, чтобы «от тех огородов и острогу и слободам утеснения не было», что было зафиксировано в строельных книгах ⁴³².

§ 3.3.2. Бобрик

Сверх посольских соглашений московской стороне был «отмежован» городок Бобрик, стоявший на одноименном притоке р. Псел. Здесь имелись два острога, церковь Преображения Господня, торговые лавки, кузница, винокурня и пивоварни ⁴³³. Во время межевания Бобрика выяснилось, что с ближайших пасек свезены не все литовские ульи с пчелами. По этому поводу воевода Григорий Зюзин направил сына боярского Данилу Ефросиньева с письмом к уряднику городка Веприк. Зюзин просил очистить пасеки, а литовские дворы в Бобрике снести ⁴³⁴. Тем не менее, дворы «литовского строения» в городке остались и в дальнейшем пригодились – здесь были поселены служилые люди.

⁴³⁰ Там же. Л. 81.

⁴³¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 4, 18.

⁴³² Там же. Л. 262.

⁴³³ *Холмогоров В.И.* Акты, относящиеся к Малороссии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – Кн. 2 – М., 1885. – С. 1-5.

⁴³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 262. Л. 142.

Ратных людей на государево имя в Бобрик призывали «ис полевых и с северных [северских] городов вольных людей на вечное житье»⁴³⁵. Среди жителей Севска переселиться в Бобрик пожелали беспоместные дети боярские Рославля, сообщившие в коллективной челобитной о своем бедственном положении вследствие отсутствия поместий и крестьян: «в Севске ... жить не с чево, земли и сено жате и никокова угодыя ... нет, ... з женишками и детишками волочимся промеж двор по Комарицкой волости скитаючи»⁴³⁶. Позднее к ним присоединились 64 стародубских сына боярских из Севска. В Бобрике служилые люди должны были получить дворы, оставшиеся от черкас и «белорусцев» – «литовского строения», пашню по 20 четей человеку «под городам и в отъезде по дватцати четвертей человеку в поле» и сенные покосы со всякими угодыями. На дворовое строение, перевозку и селитьбу детям боярским было назначено подъемное жалование: 50 человек получили по 5 рублей, 41 – по 6. Чуть позже служилые люди получили к «прежней даче» еще по три и по два рубля соответственно⁴³⁷. Однако по прибытию в Бобрик дети боярские застали в городке вместо ожидаемых готовых под «селидьбу» дворов разоренные: «а место новое и от литовских людей разарено»⁴³⁸. Кроме того, дети боярские были «выслонены» на новые места в большую непогоду, в которую «многие лошаденки на дороге ... пристовали, а иные лошаденки ... пали, а остальные пали уже в Бобрике». Обещанного годового жалования служилые люди вовсе не получили⁴³⁹. Севчане отправили в Москву челобитную с подробным описанием своего бедственного положения. Их прошение было сразу же удовлетворено: во второй половине апреля 1648 г. из Москвы с деньгами был отправлен сын Иван Камчатый с пятью севскими казаками «чтоб ... ему те деньги в Бобрик довести бестрашно»⁴⁴⁰.

⁴³⁵ Там же. Л. 342.

⁴³⁶ Там же. Л. 274.

⁴³⁷ Там же Л. 320.

⁴³⁸ Там же. Л. 317.

⁴³⁹ Там же. Л. 434.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 439.

Позднее, бобриковский священник Михайлище Иванов вместе со стародубцами жаловался в Москву, что хоть дворы и «разданы», а» под огороды места для овощу ... не дано, прокормиться без овощей нечем»⁴⁴¹.

Кроме стародубцев и рославцев, живших в Севске, на сменную службу в Бобрик были назначены дети боярские из Мценска (50 человек), Кром (10 человек), кромские стрельцы (20 человек), брянские стрельцы с сотником (50 человек). На вечное жительство сюда так же были переведены, новгород-северцы и черниговцы из Рыльска⁴⁴².

Бобрик требовалось усилить артиллерией, в связи с чем в середине декабря 1647 г. севские воеводы Замятня Леонтьев и Иван Кобыльский по царскому указу выслали в город на вечное жительство двух «семьянистых и прожиточных людей самых лутчих» пушкарей: Сидорки Чернова и Тимошки Лашина с женами и детьми. Размер их подъемного жалования составил 5 рублей. В Бобрик севские пушкари прибыли 23 января 1647 г.⁴⁴³.

С появлением в Бобрике служилых людей татарские «приходы» происходили «беспрестанно», по случаю чего жители били челом государю с просьбой прислать знамя и пушку, т.к. походы в степь «за татары и за всякими воинскими людьми» ведутся достаточно часто, а по «вестем [в городе] стрелять не из чево, вестовой пушки нет». В ответ на просьбу в Бобрик с сыном боярским Родионом Курским была отпущена железная пицаль, к ней ядро в шесть гривенок и знамя киндячное «розные светы [цвета]»⁴⁴⁴.

Не смотря на то, что заселение Бобрика и формирование его гарнизона проходило весьма успешно, в 1649 г. было принято решение перенести острог с Бобрика на Каменное городище.

⁴⁴¹ Там же. Л. 261.

⁴⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 322. Л. 508.

⁴⁴³ Там же. Л. 75.

⁴⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 279. Л. 213, 214; Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 877. Л. 124, 126.

§ 3.3.3. Каменный

Летом 1647 г. к Московскому государству отошли Каменное городище и Каменная слободка. Вблизи городища, в лесу, русские застали мельницы и пасеки, брошенные литовскими людьми. В слободке, в версте от городища, стояло 68 пустых дворов. Там жила одна семья черкашенина Алешки Пивовара⁴⁴⁵. В четырех верстах от Каменного находилась деревня Будиловка из 20 дворов. Сюда после перемирия возвращались литовские люди, которых надлежало «без замотчанья»⁴⁴⁶, отправлять за рубеж⁴⁴⁷.

На тот момент острог Бобрика находился в крайне ветхом состоянии. По описанию воеводы Кирилла Ушакова, «город и острог разломаны и весь худ и ... в осаде сидеть нельзя, города осадного крепкого нет и многожды мы ... сидим в осаде. А в приход воинских людей под Бобрик ... сидя вконец погибнуть»⁴⁴⁸. Наиболее подходящим местом для постройки нового города представлялось Каменное городище, которое находилось в трех верстах от Бобрика за р. Псел. Эту идею предложили дети боярские из Стародуба, Рославля и Чернигова. Они полагали, что «город ... в порубежье блиско ... всево до рубежа версты с три и про крымских и про ногайских татар вести бывают частые без престани и многожды ... татаровя от Бобрика воют в литовских городех верстах в дватцать и в тритцеть». Каменное городище находилось «в крепком месте [где]... государеву городу быть годно ... леса большие ... в таком городе в осаде сидеть мошно». С городища хорошо просматривался лес и Большой Сагайдачный шлях: «а по другие стороны от Путивля видно верст на пять и больши»⁴⁴⁹. Посоветовавшись с местными детьми боярскими, Ушаков отправил в Москву письмо с предложением построить город на р. Псел «вместа Бобрика», которое было поддержано правительством. Разрядный приказ постановил бобриковским служилым людям – детям боярским, полковым казакам, стрельцам и пушкарям

⁴⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 163.

⁴⁴⁶ Здесь: немедленно.

⁴⁴⁷ Там же. Л. 163.

⁴⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 279. Л. 285.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 286.

самостоятельно заготавливать лес на постройку города. Строительство предполагалось вести «меж пашенной поры», а по окончании заселить крепость служилыми людьми. 18 апреля 1649 г. Ушаков получил грамоту, чтобы «помысля и поговоря ... з детьми боярскими» приступил к укреплению Каменного. На смотре выяснилось, что служилых в Бобрике было мало, «нужные» из них до сих пор не устроились, «а иные ... починают строитца, потому что недавно пришли». Между тем, ратные люди уже не раз побывали в осаде, а стрельцы, казаки и пушкари из других городов, назначенные в Бобрик на временную службу, не являлись: «нетчики [неты] бывают частые». Из назначенных в октябре 1647 г. 20 детей боярских и 30 стрельцов из Орла, 10 детей боярских и 20 стрельцов из Кром к 25 ноября в Бобрик явились только кромчане - 9 человек детей боярских и 11 стрельцов. После городской поделки подали челобитную обиженные на своих земляков стрельцы десятника Куземки Радина, отметив то, что смены им до сих пор нет, а продолжать службу за «нетчиков» становится крайне тяжело⁴⁵⁰. Не дождавшись перемены разбежались стрельцы, назначенные в Бобрик из Брянска и Орла⁴⁵¹.

К началу августа 1651 г. под руководством нового воеводы Федора Юрьевича Арсеньева на р. Псел «на Каменном городищи ... в дубовом лесу в толстом, в отрубе» был построен новый острог. В строительстве принимали участие московские стрельцы и плотницкая артель Ильи Степанова⁴⁵². 15 августа 1651 г. воевода Арсеньев пересмотрел всех служилых Каменного острога на лицо, расспросил их – в котором году и при каком воеводе даны ... государевы казенные пищали⁴⁵³.

Местоположение нового города в стратегическом плане оказалось удачным. От внешних врагов он был надежно укрыт заповедным лесом⁴⁵⁴

⁴⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 279. Л. 62.

⁴⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 263. Л. 68.

⁴⁵² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 333. Л. 13-19.

⁴⁵³ Там же. Л. 54.

⁴⁵⁴ Использование такого леса в хозяйственных целях строго запрещалось под страхом смертной казни.

«поперек на 15 верст», в нем - болота и озера, «от приходу воинских людей ... государевым людем крепость и защита большая»⁴⁵⁵.

§ 3.3.4. Недрыгайлов

О городе Недрыгайлов⁴⁵⁶, перешедшего с лета 1647 г. в ведение Московского государства, в архивных источниках имеются довольно подробные сведения. По описанию, составленному московскими писцами в том же 1647 г., этот дубовый острожек имел большие проезжие ворота 2,25 сажени, четыре угловые башни и две на воротах. Город располагался в очень удобном месте – со всех сторон был окружен р. Дрыгайлов, Березовка, Тванька, Сула и болотами⁴⁵⁷. В острожке находилась церковь Василия Великого «Кесарии Каппадаки[й]ского». Со стороны степи Недрыгайлов прикрывал земляной вал. К валу примыкало девяносто «дворов целых, да пустых дворовых мест, с которых хоромы свезены, сорок девять мест», на посаде, по обе стороны р. Сулы, 206 дворов целых, пустых мест, с которых свезены хоромы – 100 мест. Итого в Недрыгайлове русские приняли целыми 302 двора, пустыми – 149.

После этого острожек был заселен ратными людьми во главе с воеводой Яковом Толочановым. Среди них были выходцы из северских городов: путивльских детей боярских (включая черниговских), стрельцов и казаков – 100 человек; Песчаного острожка рыльских и севских служилых людей – 50 человек. На вечное жительство сюда были определены черниговские дети боярские, жившие в Рыльске. Из Севска в Недрыгайлов были переселены и

⁴⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 333.. Л. 52-53.

⁴⁵⁶ Недригайлов (совр. украинское «Недригайлів»); изредка в источниках встречается также такая форма данного топонима как «Дрыгайлов», по названию одноименной реки. Этимология названия «Недрыгайлов» не вполне ясна, вероятно уже само городище было названо так по фамилии путивльского посадских людей Недрыгайловых (Недрыгаловых), имевших оброчные угодья на р. Ольшанка (Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI-XVII в. – М., 1967. – С. 180, 263, 265, 274). Среди вольных охочих людей Путивля, пожелавших стать донскими казаками, значился посадский человек Мишка Кондратьев сын Недрогалов. Вполне возможно, что последний имел промысловые угодья в непосредственной близости к этому городищу, от фамилии и произошло его название (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 202. Л. 152).

⁴⁵⁷ <http://www.igsu.org.ua/Sumskaja.obl/Nedrigajlovskij.rajon/Nedrigajlov.html>

несли сменную временную службу 25 полковых казаков (переведенные из Песчаного острожка).

В «новоприемные» городки переселилось порядка 75% от общей численности стародубских и рославских детей боярских, живших в Севске (193 человека). Это косвенно подтверждает крестоприводная книга 1682 г. служилых и жилецких людей Севска, присягнувших царевичам Иоанну и Петру Алексеевичам, где числятся всего 35 стародубских детей боярских (из них 4 – недоросля) и ни одного рославца⁴⁵⁸.

Между тем, формирование укрепленного района в междуречье притоков Днепра, р. Сула и Псел, совпало с переходом власти на украинских землях Речи Посполитой от польской администрации урядников и старост к казацким полковникам. В 1650-е гг. рассматриваемая территория стала плацдармом в войне Московского государства за Смоленск и северские города, находившиеся в составе Речи Посполитой. В последствии (с середины 1660-х гг.)⁴⁵⁹ укрепленный район вошел в состав Севского разряда⁴⁶⁰.

§ 3.4. Севские стрельцы и казаки на Чугуевом городище

Весной 1639 г. в Донецкой волости Белгородского уезда на Чугуевском городище было решено поселить черкас Якова Острянина – выходцев из-за «литовского рубежа». Однако пробыли они здесь недолго и в 1641 г. после убийства своего полковника ушли на территорию Речи Посполитой. Земли украинцев отошли к русским служилым людям⁴⁶¹.

Началось заселение города. Для этой цели в апреле 1640 г. на «вечное житье» в Чугуев были отправлены приборные ратные люди из Севска (20

⁴⁵⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 7а. Дела разных городов. Д. 97. Ч. 2. Л. 915 об – 916, 926.

⁴⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 545. Л. 1-81; Д. 439. Л. 241-246. Л. 28-32 об. См. *Водарский Я.Е.* Территория и население Севского разряда во второй половине XVII – начале XVIII вв. Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. – М., 1974. – С. 215-242.

⁴⁶⁰ Севский разряд – военный округ, поставлявший служилых для Севского полка. В его состав входили Лихвинский, Белевский, Болховский, Карачевский, Брянский, Орловский, Кромский, Рыльский, Севский, Путивльский и Недрыгайловский уезды.

⁴⁶¹ *Загоровский В.П.* Изюмская черта. – Воронеж, 1980. – С. 48.

стрельцов и 13 казаков) с сотником Прокофием Косиновым, Белева (10 стрельцов, 13 казаков) с сотником Первым Огарковым, Болхова (два стрельца, семь казаков) со стрелецким десятником Гришкой Филимоновым, Орла (один кузнец) с орловским сыном боярским, Белгорода (один плотник), Кром (восемь стрельцов, 7 казаков), Мценска (17 стрельцов, Курска (20 стрельцов, 30 казаков). Служилые были устроены дворами, пашнями и поселены отдельными слободами⁴⁶².

Участие ратных людей Севска и Комарицкой волости в колонизационных процессах на южной окраине Московского государства в 30-40-х гг. XVII в. велось в нескольких направлениях. Служилые люди Севска и Комарицкой волости, переселенные в новые города Белгородской засечной черты, не только обороняли крепости, но и принимали активное участие в заселении и освоении земель южных окраин Московского государства⁴⁶³. Кроме того, они участвовали в дальних военных походах (донская служба в 1646 г.), а также в формировании гарнизонов укрепленных районов на русско-литовском рубеже.

В 1637 – 1650 гг. комаричане активно участвовали в строительстве и заселении крепостей Усерд, Карпов, Вольный и Хотмыжск на западном участке Белгородской черты. Таким образом, в начале 40-х гг. XVII в. была перекрыта Кальмиусская дорога у р. Тихой Сосны. Участвовавшие набеги татар в 30-40-х гг. XVII в. вынудили московское правительство организовать в 1646 г. в низовья Дона военный поход с участием служилых людей южнорусских крепостей. Среди них было 200 выходцев из Севского уезда. Однако полное отсутствие военной подготовки служилых людей привело к провальному исходу всей кампании.

Наиболее успешно проходила колонизация западного пограничья. После подписания Варшавского договора 1644 г. для Московского государства

⁴⁶² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Поместного стола. Д. 21. Л. 226-228.

⁴⁶³ Следует отметить, что после того, как часть приборных служилых людей переселилась в новые города Белгородской черты, а также в Чугуев, на их место были прибраны новые стрельцы и казаки. К 1645 г. на «убылые места» были взяты 40 стрельцов и 23 казака (РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 255. Л. 398 об, 409 об).

было стратегически важно заселить оставленные литовцами территории русскими людьми. В числе служилых людей из близлежащих городов-крепостей в «новоприемные» городки переселилось 193 стародубских и рославских детей боярских, живших в Севске. Таким образом, государством был сформирован укрепленный район в междуречье притоков Днепра, р. Сула и Псел и создан плацдарм для дальнейшего наступления на Смоленск и северские города, находившиеся в составе Речи Посполитой.

Заключение

Первая половина XVII в. в России ознаменовалась важнейшими политическими и административными реформами. Прошедшее Смутное время стало тяжелым потрясением жизни Московского государства. Его следствием стало страшное разорение и запустение страны. В описях сельских местностей при царе Михаиле упоминается множество пустых деревень, из которых крестьяне «сбежали» или «сошли безвестно куда», или же были побиты «литовскими» и «воровскими людьми». По окончании Смуты перед Московским государством стояла задача восстановления государственного порядка и хозяйства. С точки зрения внешней политики требовалось найти пути преодоления условий Деулинского перемирия, в результате которого страна потеряла ряд западных уездов. Важной предпосылкой для возвращения утраченного должно было стать укрепление позиций Российского государства в районах, прилегающих к западным рубежам и активное заселение пограничных территорий. Особенное место в обороне юго-западных рубежей занимал г. Севск, выросший за 1620 -1630-е гг. из небольшого служилого острога в форпост на границе с Новгород-Северским уездом Речи Посполитой и уездный центр.

Проведенный в ходе исследования подробный анализ документальных источников и литературы позволил автору прийти к следующим выводам:

5. Крепость Севск возникла после Деулинского перемирия в 1619 г. на месте древнего городища на территории дворцовой Комарицкой волости Брянского уезда для защиты Московского государства от нападения со стороны литовских людей и отрядов вольных черкас. Ее гарнизон составляли новгород-северские стрельцы, казаки и пушкари, переселенные из Рыльска. Они несли гарнизонную службу, вели разведку по указаниям местных воевод. Собственной корпорации служилых землевладельцев – детей боярских – в Севском уезде не сформировалось. Однако в 1634 – 1648 гг. в город были переведены дети боярские и дворяне из Стародуба и Рославля, переселенные в последствие в город Бобрик. Вплоть до середины 30-х гг.

XVII столетия Севский острог и дворцовая Комарицкая волость имели обособленное административное управление, впоследствии территория волости целиком вошла в состав сформированного Севского уезда. При этом администрация Севска и Комарицкой волости продолжала оставаться автономной.

6. Местоположение Севского уезда предопределяло характер службы его ратных людей. Угрозы вторжений как крымских татар, так и «воровских» черкасс включали в служебные обязанности севских стрельцов, казаков и пушкарей не только несение городской, но и сторожевой служб. Причем, стрельцы, кроме службы в гарнизоне города, состояли в приставах местной съезжей избы; казаки были рассыльщиками. Наиболее мобильные полковые казаки часто использовались воеводами Севска для выполнения ответственных поручений. Кроме того, служилое население крепости активно привлекалось к сменной службе в стоялых острожках на южных городищах.

7. В сторожевой службе были задействованы как севские служилые люди, так и местные крестьяне, переведенные в 1646 г. на положение поселенных драгун. Милитаризацией крестьянского населения московское правительство планировало организовать оборону участков южного порубежья, где воеводы были неспособны выставить против неприятеля крупные соединения ратных людей, и тем самым обеспечить вооруженный тыл за Белгородской чертой. Однако резкая перестройка быта, высокие налоги и сборы, неправильная организация обучения ратному делу привели к разорению хозяйств поселенных драгун, их массовым недовольствам и бегствам со службы.

8. К началу Смоленской войны Севский укрепленный район, к которому относились город и его уезд, был выбран московским правительством в качестве наступательного пункта на города Чернигово-Северщины. В городе сосредоточились значительные боевые силы из ратных людей Болхова, Карачева, Путивля и Рыльска. Впоследствии состав

походного войска был усилен добровольцами из местных крестьян и «гулящими людьми» Комарицкой волости. В годы Смоленской войны (1632 – 1634 гг.) севский гарнизон также пополнился даточными людьми и даточными казаками.

9. В ходе боевых действий осенью 1632 г. дислоцировавшимся в Брянске и Севске русским войскам удалось взять города Новгород-Северский, Стародуб, Почеп и Трубчевск. В свою очередь Севск дважды перенес осаду крупными отрядами запорожских казаков и «подымовных людей» кн. Иеремии Вишневецкого. Первый приступ к севской крепости (3 июня 1633 г.) «многих литовских людей, поляков и черкас запорозских» был отбит севскими ратными людьми во главе с воеводой Ф. Пушкиным. 1- 20 марта 1634 г. Севск вновь подвергся осаде. Однако при умелой организации обороны воеводой Ф. Пушкиным и стародубскими детьми боярскими, возглавивших отряды ратных людей, немногочисленному севскому гарнизону не только удалось выдержать длительную осаду, но и совершить несколько удачных вылазок, деморализовав неприятеля. Существенным подспорьем в защите региона от нападения противника стали отряды самообороны, сформированные из населения Комарицкой волости. Несмотря на то, что Смоленская кампания оказалась провальной для Русского государства, г. Севск проявил себя как полноценная боевая крепость.

10. В середине XVII в. жители Севска и Комарицкой волости приняли непосредственное участие в колонизационных процессах на южной окраине Московского государства. Они заселяли и обороняли новые города Белгородской засечной черты, участвовали в дальних военных походах (донская служба в 1646 г.) и в формировании гарнизонов укрепленных районов на русско-литовском рубеже.

11. В 1637 – 1650 гг. комаричане активно участвовали в строительстве и заселении крепостей Усерд, Карпов, Вольный и Хотмыжск на западном участке Белгородской черты, которые перекрыли Кальмиусскую дорогу у р. Тихой Сосны. 200 выходцев из Севского уезда состояли в отряде,

сформированного из служилых людей южнорусских крепостей для военного похода в низовья Дона в 1646 г. Однако отсутствие полноценной боевой подготовки служилых людей сказалось на неудачном исходе всей кампании.

12. Наиболее успешной для Московского государства стала колонизация западного пограничья. После подписания Варшавского договора 1644 г. русское правительство спешило заселить оставленные литовцами территории русскими людьми. В числе 745 служилых людей из близлежащих городов-крепостей в «новоприемные» городки переселилось 193 стародубских и рославских детей боярских, живших в Севске⁴⁶⁴. Таким образом, государством был сформирован укрепленный район в междуречье притоков Днепра, р. Сула и Псел и создан плацдарм для дальнейшего наступления на Смоленск и северские города, находившиеся в составе Речи Посполитой.

Как следует из вышеперечисленных выводов, служилое сообщество г. Севска и Комарицкой волости, способствовавшее военному укреплению юго-западных рубежей и, вместе с тем, активной колонизации украинских земель, являлось важнейшим звеном в системе обороны Московского государства первой половины XVII в.

⁴⁶⁴ См. Приложение 15 (Таблица 1).

Перечень сокращений и условных обозначений

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией;

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией;

АМГ – Акты Московского государства, изданные императорскою Академией наук;

ВУСР – Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах;

ГАКО – Государственный архив Курской области;

ДР – Дворцовые разряды;

КР – Книги разрядные;

РГАДА – Российский государственный архив древних актов;

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией Академии наук.

Словарь терминов

Бердыш: *оружие служилого человека (как правило – стрельца) в виде секиры. Имело искривленное в виде полумесяца лезвие, насаженное на длинное древко.*

Бирюч: *глашатай.*

Бобыль: *безземельный член общины.*

Бортник: *человек, занимавшийся сбором меда диких пчел.*

Верста: *русская единица измерения расстояния, соответствовала 500 сажням и 1500 аршинам (в XVII в. – 1, 066, 781 метра).*

Вор: *в Московском государстве – преступник, изменник, смутьян.*

Воротник: *служилый человек в Московском государстве XVI-XVII вв., приписанный к городским воротам.*

Вотчина: *земельное владение, принадлежавшее феодалу потомственно.*

Гайдуки: *пехотинцы в армии Речи Посполитой, аналог стрельцов.*

Гетман: *в Речи Посполитой – командующий войсками (великий гетман, польный гетман, коронный гетман). В Украине – верховный казацкий атаман (реестровый, кошевой).*

Гиль: *неподчинение, бунт.*

Городовой приказчик (урядник): *градоначальник в Речи Посполитой.*

Господарские (государские) слуги: *в Великом княжестве Литовском – крестьяне, основной обязанностью которых была военная служба или выполнение повинностей. К военным относились: пунные и панцирные бояре; к хозяйственно-административным: войты, тиуны; к промысловикам: бобровники, бортники и т.п.*

Грамота: *указ, распоряжение.*

Гривенка: *мера веса на Руси. Различали большую (409,5 грамм) и малую (204 гр.) гривенки.*

Даточные люди: *служилые люди, мобилизованные из крестьян и несвободных людей.*

Дворовая селидьба: *постройка двора.*

Десятина: величина землевладения, площадь земельного участка. Соответствовала примерно одному гектару (1, 092 м).

Десятни: учетный документ служилых землевладельцев в Московской Руси XVI-XVII вв.

Десятник: командир десятка у служилых людей.

Дети боярские: провинциальные дети боярские. Подразделялись на городских и дворовых.

Драгуны: служилые люди XVII в., передвигавшиеся в конном строю и наносившие удары по противнику в пешем порядке.

Дьяк: государственный служащий, начальник органа управления в Московском государстве.

Житница: зернохранилище.

Жолнеры: солдаты в армии Речи Посполитой.

Затинщики: служилые люди, обслуживающие крепостную артиллерию.

Захребетники: безземельные люди, жившие у крестьян, служилых или посадских людей.

Зелье: порох.

Значковый товарищ: казацкое звание (преимущественно в полках Гетманщины).

Казенные кузнецы: оружейники, ковавшие огнестрельное оружие.

Ксендз: католический священник.

Литва: в Московской Руси – белорусы или выходцы из Западной России, с территорий, входивших в Речь Посполитую.

Ляхи: пренебрежительное прозвание поляков.

Межевые книги: рукописные книги со сведениями о размерах и границах земельных владений.

Мурза: представитель родовой знати у кочевых народов.

Новгородская четь: орган финансового управления в Московском государстве. Существовали также Галицкая, Владимирская и Костромская чети.

Оклад: денежное и земельное жалование служилого человека. Измерялся в рублях и четьях.

Острог: фортификационное сооружение, обнесенное рядом вертикально поставленных бревен, заостренных сверху. Различались жилой и стоялый остроги. В жилом остроге имелось постоянное население, в то время как в стоялом несли временную службу.

Охочие люди: добровольцы.

Переписные книги: книги со сведениями по количеству и составу населения в России XVII—XVIII столетий.

Писцовые книги: поземельные описи, использовавшиеся на Руси с XV в. – до середины XVII в., содержавшие сведения об имущественном положении служилых людей; в этих книгах отражалось детальное описание условий хозяйствования вотчин, сёл, монастырей. Составлялись московскими писцами и подьячими.

Пищаль затинная: пушка из наряда городской артиллерии.

Подкоморий: от польского «podkomorz». В Речи Посполитой – судья по спорам о границах имений.

Подымовные люди: крестьяне, взятые в войско с каждого двора.

Подьячий: делопроизводственный чин в центральных и местных учреждениях Московской Руси.

Полон: пленники, захваченный крымскими и ногайскими татарами на восточнославянских землях с целью продажи в Крыму и Турции.

Полоняники: выходцы из татарского или литовского плена.

Починок: вновь возникшее сельское поселение.

Приказ Большого дворца: государственный орган управления дворцовыми волостями Московского государства.

Пристав: надзиратель, смотритель. Должностное лицо, приставленное к чему или кому-либо.

Проезжие ворота: главные ворота крепости.

Пуд: мера веса, равнялась 16 кг.

Пустошь: в XVII-XVIII вв. – мест, где раньше находился населенный пункт, опустевший впоследствии.

Пятидесятник: командир полусотни у служилых людей.

Разрядные книги: книги записи официальных распоряжений в Московской Руси.

Разрядный приказ: орган военного управления в Московском государстве XVI-XVII вв.

Распопа: поп-расстрига.

Рогатина: тяжелое копье для рукопашного боя.

Рухлядь: старый домашний скарб.

Сагайдак (саадак): колчан со стрелами.

Сажень: единица измерения расстояния, соответствовала 2,16 см и содержала три аршина (72 см) по 16 вершков.

Сакма: след в степи от продвижения татарской конницы.

Севрюки: население Северной земли, занимавшееся бортничеством и бобровыми гонами.

Селитрянник: промысловый человек, занимающийся приготовлением селитры.

Сотник: казацкое звание. Командир сотни.

Сторожа: маршрут патрулирования местности детьми боярскими, казаками или местными крестьянами.

Съезжая изба: канцелярия воеводы.

Табор: военный лагерь.

Тайник: тайный ход в крепости, выходящий к воде.

Тюфяк: короткоствольная пушка.

Тягло: от слова «тянуть». Денежные и натуральные обязанности и повинности посадских и служилых людей, а также крестьян.

Уздень: дворянин у кавказских народов.

Фортеция: крепость.

Фунт: см. гривенка.

Хорунжий: *от польского слова «chorągiem» (хоругвь). Дословно: знаменосец. Войсковая должность в Великом княжестве Литовском.*

Целовальник: *должностное лицо на Руси, выбираемое земством в уездах и посадах для исполнения судебных, финансовых и полицейских обязанностей. Перед назначением на должность целовал крест (отсюда название).*

Челобитная: *письменное обращение в Московской Руси к кому-нибудь.*

Черкасы: *запорожские казаки, а также восточнославянское население Речи Посполитой с территории воеводств центральной Украины.*

Шлях: *маршрут продвижения крымских и ногайских татар в южные и центральные уезды Московского государства.*

Список источников и литературы

Архивные документы

Российский государственный архив древних актов:

Ф. 79. Посольский приказ. Сношения России с Польшей.

Оп. 1:

1634 г.;

1638 г.;

1646 г.

Ф. 210. Разрядный приказ:

Оп.4. Дела десятиен;

Оп. 6д. Книги Белгородского стола;

Оп. 6г. Книги Севского стола;

Оп. 6е. Книги Приказного стола;

Оп. 7а. Дела разных городов;

Оп. 8. Разрядные вязки;

Оп. 9. Столбцы Московского стола;

Оп. 10. Столбцы Владимирского стола;

Оп. 11. Столбцы Новгородского стола;

Оп. 12. Столбцы Белгородского стола;

Оп. 13. Столбцы Приказного стола;

Оп. 14. Столбцы Севского стола;

Оп. 17. Столбцы Безгласного стола;

Оп. 16. Столбцы Поместного стола.

Ф. 248. Сенат и его учреждения.

Оп. 39. Дела по коллегиям: Иностранных дел, Военной, Камерц, Берг, Вотчинной и др., Синоду, Штатс-конторе, Медицинской канцелярии, Московскому университету и др.

Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки:

Оп. 1. Ландратские книги;

Оп. 2. Ревизские сказки.

Ф. 1209. Поместный приказ.

Оп. 1.

Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами.

1646 г.

Ф. 396. Архив Оружейной палаты.

Оп. 1. Ч. 3.

Государственный архив Курской области:

Ф. 1555. Коллекция документов XVI-XIX вв.

Оп. 1.

Опубликованные источники

1. Акты Московского государства, изданные Императорскою академиею наук под редакциею Н.А. Попова. – Т. I-III. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1890. – 802 с.

2. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. III. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовл. гос. бумаг, 1841. – 520 с.

3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. I-VII. СПб.: Археографическая комиссия, 1851. – 582 с.

4. Боплан Г. Описание Украины. – СПб.: Тип. Крайя, 1832. – 179 с.

5. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. / Сост. Н. М. Апанович, Е. И. Луговая и др. – Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 586 с.

6. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению, изданные II-м Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. - Т. I-II., СПб., 1850-1855. – 1158 стб.

7. Донские дела. - Кн. II-III. // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией Академии наук. - Т. XXIV-XXVI. - СПб., 1898-1917. - 2134 стб.

8. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с Высочайшего соизволения II-м отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии. - Т. I. - СПб. 1855. - 710 с.

9. Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. - Т. I. - М.: Обществ. польза, 1877. - 323 с.

10. Литовская метрика. Книга записей. - Т. I. - СПб.: Сенатская типография, 1910. - 872 с.

11. Мархоцкий Н. История Московской войны. - М.: РОССПЭН, 2000. - 223 с.

12. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVIII столетии, собранные в разных архивах и отредактированные Д.И. Багалеем. - Издание историко-филологического общества, состоящего при императорском Харьковском университете. - Харьков, 1886. - 396 с.

13. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. - М.: Синодальная тип., 1915. - 238 с.

14. Пясецкий Г.М. Город Севск по переписной книге 1646 г. // Труды Орловской уездной Археографической комиссии. - Вып. 1. - Орел, 1891. - С. 36-52.

15. Пясецкий Г.М. Севск 1623 г. // Труды Орловской уездной Археографической комиссии. - Вып. 3. - Орел, 1895. - С. 22-28.

16. Рукопись Жолкевского. - Под ред. Муханова П.А. - М.: Унив. тип., 1835. - 348 с.

17. Холмогоров В.И. Акты, относящиеся к Малороссии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. - Кн. 2. - М., 1885. - 48 с.

Научная литература

1. Александров В.А. Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. - М., 1967. – С. 235-260.
2. Алексеев В.П. Брянские люди XVII века. – Брянск: Придесенье, 2001. – 200 с.
3. Андросов А.С. Структура сельского населения Воронежского уезда по переписи 1648 г. // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Материалы седьмой региональной научной конференции. - Воронеж, 2013. – С. 27-31.
4. Антонов А.В. Дозорная книга Карачевского уезда 1614 г. // Русский дипломатарий. – Вып. 10. – М.: Древлехранилище, 2004. – С. 223-272.
5. Аракчеев В.А. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI - начала XVII в. – М., 2011. – 507 с.
6. Бабулин И.Б. Князь Семен Пожарский и Конотопская битва. – СПб.: Русская симфония, 2009. – 168 с.
7. Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 626 с.
8. Беляев И.Д. Жители Московского государства: служилые люди // Временник Московского общества истории и древностей Российских. – Кн. 3. – М., 1849. 102 с.
9. Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846. – 144 с.
10. Борщик Н.Д. Состояние учета населения Курского края в XVII в. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. – 185 с.
11. Борщик Н.Д. Опись новопостроенного города Суджи (1664 г.) как исторический источник // Писцовые книги и другие массовые источники

XVI-XX вв.: материалы XV Всероссийской научной конференции. – М., 2008. – С. 74-83.

12. Борщик Н.Д., Раздорский А.И. Переписная книга Курска 1678 г. – Курск: Пресс-факт, 2007. – 150 с.

13. Бугай Н.Ф. Казачество в социуме России. XVII в. – 1917 г. // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы Межрегиональной историко-патриотической научной конференции. – Липецк., 2012. – С. 80-87.

14. Водарский Я.Е. К вопросу о средней численности крестьянской семьи и населенности двора в России XVI-XVII вв. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. – М., 1974. – С. 117-131.

15. Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – нач. XX вв.). – М.: Просвещение, 1973. – 160 с.

16. Водарский Я.Е. Население России в конце XVI – начале XVIII вв. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – М.: Наука, 1977. – 264 с.

17. Гамаюнов А.И. Лебедьянь в начале XVII в. // Исторический квартал. Иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края. – Липецк: Древлехранилище, 2013. – 239 с.

18. Глазатова Е.А., Ракитин А.С. Сокольские драгуны на Белгородской черте. Сказки о количестве поместной земли (1646 г.) // Записки Липецкого областного краеведческого общества. – Вып. 10. – Липецк: изд-во Липецкого областного краеведческого общества, 2013. – С. 149-164.

19. Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. – Воронеж: Истоки, 2001. – 432 с.

20. Глазьев В.Н. Курские дворянские выборные на Земский собор 1648-1649 гг. // Государство и общество: взаимодействие и противостояние. Материалы седьмой региональной научной конференции. – Воронеж, 2013. – С. 31-35.

21. Глазьев В.Н. История южнорусских стрельцов (конец XVI - нач.XVIII в.). – Воронеж: Истоки, 1989. – 198 с.
22. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского. Энциклопедия. 2-е издание. Под редакцией: Беловой Т.В., Аксеновой Е.С., Калистратовой В.В., Языковича Л.В. и др. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2013. – 310 с.
23. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625 – 1700 гг.): биографический справочник. – М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 720 с.
24. Дзюбан В.В., Трифанков Ю.Т., Трифанков Я.Ю., Киселев С.А. История и культура казачества Брянского региона и сопредельных территорий. – Брянск: изд-во Брянского государственного университета, 2012. – 234 с.
25. Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. – СПб., 1895. – 649 с.
26. Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание местным населением уезда государственного органа власти). – СПб.: изд-во Российской Национальной библиотеки, 2000. – 352 с.
27. Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1969. – 304 с.
28. Загоровский В.П. Изюмская черта. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1980. – 200 с.
29. Загоровский В.П. История вхождения центрального черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж, 1991. – 270 с.
30. Загоскин Н.П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. – Казань: Типография университета, 1876. – 223 с.
31. Зенченко М.Ю. Писцовые книги юго-западного порубежья. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – 791 с.

32. Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). – М.: Памятники исторической мысли. – 2008. – 224 с.
33. Зорин А.В., Раздорский А.И., Щавелев С.И. Курск. История города от Средневековья к Новому времени: X-XVII вв. – Курск: Учитель, 1999. – 291 с.
34. Иловайский Д.И. История России. – М.: Типография Кушнарера, 1884 – 1905. – Т. IV. – Вып. 2 – 375 с.
35. Ключевский В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. – Т. III. – Ч. 3. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.
36. Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. – М.: Археографический центр, 1999. – 382 с.
37. Козляков В.Н. Михаил Федорович. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 381 с.
38. Коллман Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. – М.: Древлехранилище, 2001. – 461 с.
39. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб.: Императорская Археографическая Коммиссия, 1906. – 272 с.
40. Кочетков В. Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI-XVIII вв. – Чебоксары, 2012. – 284 с.
41. Крашенинников В.В. История Севска и окрестных мест. – Т. 1. – Брянск: изд-во Клинецовская городская типография, 2011. – 918 с.
42. Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. // Памятники истории Восточной Европы. Под ред. И. Грали. – Т. IV. – М.: Древлехранилище, 1999. – 261 с.
43. Кулаковський П. М. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої (1618-1648 гг.). – Київ: Темпора, 2006. – 495 с.
44. Курбатов О.А. Полки драгунского и солдатского строя, существовавшие к началу русско-польской войны 1654-1667 гг. // Единорогъ.

Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних Веков и Раннего нового времени. – Вып. 2. – М.: Русские витязи, 2011. – С. 503-511.

45. Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в. политическая и военная история. – М.: Старая Басманная, 2014. – 595 с.

46. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 450 с.

47. Лаврентьев А.В. Епифань и Верхний Дон в XII-XVII вв. Очерки истории русской крепости на Куликовом поле. – М.: Древлехранилище, 2005. – 229 с.

48. Лазаревский А.М. Описание старой Малороссии. Материалы для истории, заселения, землевладения и управления. Полк Стародубский. – Т. I. – Брянск: Белые берега, 2008. – 559 с.

49. Лимаров А.И., Сапелин Р.А. Списки присягнувших из крестоприводной книги города Белгорода и уезда царю Алексею Михайловичу в 1645 г. Источники по генеалогии жителей Белгородской черты. – Вып. 1. – Белгород: Крестьянское дело, 2008. – 121 с.

50. Лобов А.Н. Пушкарские аламы XVII в. // Война и оружие: новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция. – Ч. 2. – СПб., 2010. – С. 43- 48.

51. Лысенко А.И. Город Севск и уезд. – Орел, 2012. – 150 с.

52. Ляпин Д.А. На степном пограничье: Верхний Дон в XV-XVII вв. – Тула: Гриф и Ко, 2013. – 208 с.

53. Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII в. – М.: Древлехранилище, 2010. – 593 с.

54. Мальцев В.П. Борьба за Смоленск (XVI – XVII вв.). – Смоленск, 1940. – 54 с.

55. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. – СПб.: Наука, 1998. – 216 с.

56. Матвеев, В.П. Севск. – Орел, 2007. – 56 с.

57. Материалы по истории Шацкого уезда. XVII в. Под. ред. И.П. Алябьева. – Вып. 1. – Шацк, 2013 – 127 с.
58. Мизис Ю.А. Воевода Московского государства Р.Ф. Боборыкин на государевой службе. – Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012. – 366 с.
59. Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII вв. – Тамбов: изд-во Тамбовского государственного университета, 1990. – 106 с.
60. Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Заселение и сельское хозяйство южных окраин XVII в. – М.: Лань, 2013. – 313 с.
61. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 1998. – 574 с.
62. Мокшин Г.Н. Город Землянск на сторожевой и корабельной службе (1661-1717 гг.) // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Материалы Межрегиональной историко-патриотической научной конференции. – Липецк, 2012. – С.77-80.
63. Молочников А.М. Даточные ратные люди как архаичная категория вооруженных сил России в XVI – начале XVII в. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. – Вып. 3. – М.: Русские Витязи, 2014. – С. 30-43.
64. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – Москва-Ленинград: изд-во Академии Наук СССР, 1948. – 452 с.
65. Новосельский А.А. Дворцовые крестьяне Комарицкой волости во второй половине XVII века. // Вопросы истории, сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России (сборник статей к 75-летию академика Н.М. Дружинина). – М., 1961. – С. 65-81.
66. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. – М.: Древлехранилище, 2004. – 344 с.
67. Павлов-Сильванский Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства. М.: Крафт+, 2000. – 288 с.

68. Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в. – Белгород: Константа, 2004. – 351 с.
69. Поляков Г.П. Оборонительные сооружения цитадели средневекового Севска. – Орел: Города области, 2007. – 50 с.
70. Пресняков, А. Е. Московское царство: общий очерк. – Петроград: Огни, 1918. – 140 с.
71. Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.). – СПб.: Алетейя, 2010. – 429 с.
72. Раздорский А.И. Торговля Курска в XVII веке. По материалам таможенных и оброчных книг. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 768 с.
73. Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. – СПб., 1897. – 156 с.
74. Сас П. Запорожці у польско-московській війні наприкінці Смути (1617-1618 рр.) – Біла Церква: изд-во Олександра Пшонківського, 2010. – С. 510.
75. Святский Д.О. Историческое описание городов Севска, Дмитровска и Комарицкой волости. – Орел, 1908. – 100 с.
76. Сенаторский Н.П. К истории заселения северо-западного района Курского края (о Льговском и Рыльском уездах) // Известия Курского губернского краеведческого общества. – Курск, 1927. – №4. – С. 48-56.
77. Скрынников Р. Г. История Российская IX-XVII вв.. М.: Весь мир, 1997. – 496 с.
78. Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. – М.: Мысль, 1981. – 205 с.
79. Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. – Л.: изд-во Ленинградского государственного университета, 1985. – 326 с.

80. Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. – Л.: Наука, 1988. – 256 с.
81. Слюнченко Ю. И. Экскурс в историю Севской крепости (ostroга). – Орел, 2013. – 40 с.
82. Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607 гг. – Л.: Государственное издательство политической литературы, 1949. – 592 с.
83. Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII в. – Т. I. Ч.1 – Киев, 1917. – 144 с.
84. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч.: в 18 томах. – Кн. 4. – Т. VII-VIII. – М., 1988-1991. – 768 с.
85. Сташевский Е.Д. Смоленская война 1632-1634. Организация и состояние московской армии. – Киев: типография Императорского университета св. Владимира, 1919. – 328 с.
86. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII века. Казачество на переломе истории. – М.: Мысль, 1990. – 270 с.
87. Сторожев В.Н. Государевы служилые люди в XVII веке // Книга для чтения по истории нового времени. – Т.1. – М., 1910. – С. 503 – 539.
88. Сторожев В. К вопросу о четвертчиках. – СПб., 1892. – 152 с.
89. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. – Т.1. – М., 1913. – 649 с.
90. Тарас А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV-XVII вв. – Москва-Минск: Харвест, 2006. – 800 с.
91. Татищев В.Н. История Российская. В трех томах. – М.: АСТ, 2005. – 568+732+860 сс.
92. Тихонов Ю.А. Дворянская усадьба и крестьянский двор в России XVII и XVIII вв. Сосуществование и противостояние. – М.: Летний сад, 2005. – 448 с.
93. Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XVI-XVII в. – М.: Квадрига, 2014. – 221 с.

94. Флоря Б.Н. О родовом землевладении князей Трубецких во второй половине XV – начале XVII вв. // Архив русской истории. Сборник Российского государственного архива древних актов. – М., 2002. – С. 102-107.
95. Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. – М.: Наука, 1978. – 300 с.
96. Фоминов А.В. Пограничный город в периоды крестьянско-казацких восстаний и социальных протестов: от Смуты до Булавинского бунта. // Белгородский краеведческий сборник. – Вып. 10. – Белгород, 2013. – С. 4-19.
97. Чепухин А.Г. Валуйское разорение 1633 г. // Белгородский краеведческий сборник. – Вып. 10. – Белгород, 2013. – С. 63-77.
98. Чернігівська переписна книга 1666 року (в редакції Рябцева В.В.) – Чернігів: видавець Лозовий В.М., 2013. – 246 с.
99. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I. – М., 1954. – 150 с.
100. Чистякова Е.В. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сборник статей. – М., 1961. – С. 254-272.
101. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Сост. И.П. Алябьев. – Ульяновск: изд-во Ульяновского государственного университета, 2014. – 471 с.
102. Шевцов В.В. Историческая метрология России. Томск: – ТМЛ-Пресс, 2007. – 280 с.
103. Шеламанова Н.Б. Комарицкая волость и Севский уезд в первой половине XVII века. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII века. – М., 1974. – С. 191-215.

104. Шпитальов Г.Г. Українська ландміліція. – Київ: Друкарська дільниця, 2013. – 150 с.
105. Шумаков С.А. Столбцы Поместного приказа // Журнал министерства народного просвещения. – М., 1908. – № 4. – С. 330 – 376 с.
106. Щеголев О.Н. Казаки и стрельцы города Рыльска в 1614 г. Раздаточная книга денежного жалованья казакам и стрельцам. – Курск: изд-во Курского государственного университета, 2006. – 141 с.
107. Юров С.Д. Город Романов-в-Степи и его округа. – Липецк: Де-факто, 2014. – 439 с.
108. Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. – М.: типография И. Лисснера и Д. Собко, – М., 1916. – 312 с.
109. Яковлев А. Приказ сбора ратных людей в 146- 161 (1637-1653) гг. – М., 1917. – 210 с.
110. Ясинский А.Н. Об охране и заселении степной окраины Московского государства в конце XVI – начале XVII вв. – Киев, 1900. – 60 с.
111. Lipiński W. Początek działań rosyjskich w wojny Smoleńskiej 1632-1634 i obustronne przygotowania wojskowe // Przegląd Historyczno-Wojskowy. – Т. IV. – Warszawa, 1931. – Р. 29-61.

Периодические издания

1. Анпилогов Г.Н. Положение городского и сельского населения Курского уезда накануне восстания 1648 г. // Вестник Московского университета. – М., 1972. – №5. – С. 47-60.
2. Бауэр М. Освещение Смоленской войны 1632-1634 гг. в польских дневниках : структуры реляций и нарративные перспективы. (перевод З. Гаркуши) // Край Смоленский. 2013. - № 10. - С. 16-20.
3. Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI – XVII вв. // Исторические записки. – Вып. 4. – М.: изд-во Российской Академии Наук, 1938. С. 258 – 283.

4. Борисенок Ю.А. Формирование белорусско-российского // Вопросы истории. – Вып. 4. – М.: изд-во Российской Академии Наук, 2002. – С.143-146.
5. Вожаева А.И. Участие курян в строительстве Белгородской засечной черты // Курский край. 2005. – №3-4. – С. 5-8.
6. Добычина Е. В. «Пехота, посаженная на лошадей» // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – №8 (580). – С. 2-3.
7. Загоровский В.П. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII в. и его периодизация // Из истории Воронежского края. – Вып. 3. – Воронеж, 1969. – С. 83-93.
8. Ляпин Д.А. Бегство населения Юго-западных уездов России в Литву в середине XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2013. –№ 3 (53). – С. 83-84.
9. Ляпин Д.А. Колонизация Юга России переселенцами с Малороссии в середине XVII века // История в подробностях. – 2013. – № 10 (40). – С.84-91.
10. Ляпин Д. А. Южнорусское пограничье в 1640-х-1650-х гг. // Вопросы истории. – № 3 (2013). – С. 53-64.
11. Лаптева Т. А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII в. (поверстание в дети боярские представителей других сословий). // Отечественная история. – М., 2003. – №5. – С. 81 – 96.
12. Маевский А.А. Деулинское перемирие 1618-1619 гг. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. – Вып.3 – М., 2014. – С. 43-73.
13. Малов А.В. Потерянное войско: отряды полоцкого воеводы Януша Кишки в 1633 г. // Край Смоленский. – 2013. – № 10. – С. 21-25.
14. Натаров А. И. Ротация служилых людей в середине XVII в.: (на примере стрельцов, казаков и служилых инородцев крепостей Симбирск и Корсун) // Вестник Самарского государственного университета. – Вып. 1. – Самара, 2011. – С. 200-204.

15. Новосельский А.А. К вопросу об экономическом состоянии беглых крестьян на юге Московского государства в первой половине XVII в. // Исторические Записки. – Т. XVI. – М., 1945. – С. 58 – 64.

16. Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. – Т. IV. – М., 1938. – С. 21-40.

17. Новохатко О. В. Управленцы среднего звена в XVII в.: неформальные контакты служилых по отечеству и приказных // Отечественная история.– М., 2005 – №3. – С. 158-169.

18. Остапенко О. Г. Дети боярские на Руси. // Русская речь. – Вып. 3. – 2013. – С. 79-82.

19. Пасічник С. Новгород-Сіверські землі у роки визвольної війни українського народу під проводом Б. Хмельницького (1648-1657 рр.) // Збірник матеріалів міжнародної науково-практичної конференції молодих учених і студентів «Взаємодія і взаємозв'язок Дніпровського Лівобережжя та Курського Посейм'я (археологія, історія, сучасність)». – Глухів, 2011. – С.34-38.

20. Рабинович Я.Н.. Неизвестный эпизод Смоленской войны: оборона Дорогобужа (осень 1633 - весна 1634 гг.) // Край Смоленский. – 2013. –№ 12. – С. 21-25.

21. Раздорский А.И. Оружие и боеприпасы в таможенных книгах русских городов XVII в. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. – Вып 3. – М., 2014. – С. 216-228.

22. Ракитин А.С. Военные экспедиции путивльских служилых людей на территории Речи Посполитой в годы Смоленской войны 1632-1634 гг. // Военно-исторический журнал. —№ 5. – М.: изд-во Министерства обороны, 2013. – С. 16-23.

23. Ракитин А.С. Донская служба дворцовых крестьян и охочих людей Комарицкой волости в 1646-1647 гг. // Нижне-Волжский Исторический

сборник Царицынского Генеалогического Общества. – Вып. 3. – Волгоград: изд-во Царицынского генеалогического общества, 2011. – С. 162-188.

24. Ракитин А.С. «Кормовые роздаточные книги» серпуховским беломестным казакам за 140, 142, 146, 147, 148, 150, 153 гг. // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Четвертой Международной Научно-практической конференции. – Ч. IV. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. – С. 45-51.

25. Ракитин А.С. Лаврентий Мигалев: выходец из Венгрии на Белгородской черте // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре. – М.: изд-во Института славяноведения Российской Академии Наук, 2014. – С. 82-89.

26. Ракитин А.С. «Новоприемные» города Северской земли (Каменный, Бобрик, Недрыгайлов и Олешня) и служба в них севских ратных людей (детей боярских Стародуба и Рославля, полковых казаков, стрельцов и пушкарей) // Деснинские древности (выпуск VII). Материалы мегосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти брянского археолога и краеведа, Заслуженного работника культуры РСФСР Федора Михайловича Заверняева. – Брянск: Десяточка, 2012. – С. 206-230.

27. Ракитин А.С. Охочие люди Северской Украины в период Смоленской войны 1632-1634 гг. // «Тем, кто историю вершил...»: Курский военно-исторический сборник. – Вып. 2. – Курск: Юго-западное отделение АВИН, 2011. – С. 4-11.

28. Ракитин А.С. Роспись дворцовых крестьян Комарицкой волости, определенных в службу и «вечное житье» на Карпово сторожевье. // Белгородский краеведческий вестник. – Вып. 10. – Белгород: Везелица, 2013. – С. 49-63.

29. Ракитин А.С. Роспись полоняников, взятых рылянами во время Северского похода 1632-1634 гг. Рыльск и рыляне в отечественной и

зарубежной истории и культуре // Сборник материалов межрегиональной научной конференции. – Рыльск: РАТК – филиал МГТУГА, 2011. – С. 37-52.

30. Ракитин А.С. Северский поход 1632-33 гг. // Военно-исторический журнал. – М.: изд-во Министерства обороны, 2011. – № 9 – С. 63-68.

31. Ракитин А.С. Северский поход в период Смоленской войны 1632-34 гг. в документах Российского государственного архива древних актов // Известия Саратовского университета. – Вып. 3. – Саратов: изд-во СГУ, 2012. – С. 83-89.

32. Ракитин А.С. Служилые люди «пушкарского чину» города Севска в XVII – первой половине XVIII в. // Война и оружие: новые исследования и материалы: Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Ч.2. – СПб.: ВИМАИВиВС, 2011. – С. 278-292.

33. Ракитин А.С. «Служат конную службу в польских городах»: донские и яицкие казаки в Данкове (XVII в.) // Нижне-Волжский исторический сборник Царицынского генеалогического общества. – Вып. 6. – Волгоград: изд-во Царицынского генеалогического общества, 2013. – С. 38-51.

34. Ракитин А.С. Формирование гарнизона Севского острога в 20-е гг. XVII века // Известия Юго-Западного государственного университета. Курск: ЮЗГУ, 2012. – № 1. Ч. 2. – С. 225-229.

35. Рогожин А.А. Рейтары полка И. Фанбуковена. Создание в середине XVII в. русских воинских формирований и подготовка для них командирских кадров. // Военно-исторический журнал. – М. изд-во Министерства обороны, 2012. – №. 9. – С. 43-49.

36. Рощупкин А.Ю. Из истории колонизации Юга России в конце XVI в. (набор казаков в Елец) // Сборник научных работ студентов исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. – Вып.6. – Елец: ЕГУ, 2007. – С. 13-17.

37. Рощупкин А.Ю. К вопросу о положении поместного казачества на юге российского государства после Смуты (1604-1618 гг.). По материалам Елецкого уезда. // Вторая Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция. – СПб, 2009. – С. 90-97.

38. Рощупкин А.Ю. Служилый человек южного пограничья России в конце XVI в. // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Воронеж, 2009. – С. 103-109.

39. Рощупкин А.Ю. Переход крестьян в служилые казаки: феномен корпоративного сознания // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы межвузовской научной конференции молодых ученых. – Вып. 2. – Воронеж, 2010. – С. 87-93.

40. Рощупкин А.Ю. «Государево слово» и служилые казаки южных уездов Российского государства во второй четверти XVII в. // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Вып. 3. – Воронеж, 2011. – С. 79-85.

41. Рощупкин А.Ю. Вооружение служилых казаков города Ельца в конце XVI - первой трети XVII вв. // На степном пограничье: Верхний Дон в истории средневековой России. – Елец, 2011. – С. 101-106.

42. Рощупкин А.Ю. Землевладение служилого казачества в первой половине XVII в. (По материалам Елецкого уезда) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – С. 157-161.

43. Скрынников Р.Г. Дворянские сословия в период смуты начала XVII в. // Вестник Волгоградского государственного университета. – Вып. 10. – Волгоград, 2005. – С. 167-171.

Диссертации

1. Баранова О.В. Российско-украинские договоры в XVII-XVIII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Брянск, 2002. – 252 с.

2. Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII - начале XVIII вв. На материалах Центрального Черноземья: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2003. – 191 с.

3. Волков В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV - первой половины XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 2005. – 438 с.
4. Ерусалимский К.Ю. Московиты в Польско-Литовском государстве второй половины XVI - начала XVII в.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 2011. – 1055 с.
5. Захаров А.Л. Служилые люди и дворянство на территории Орловской губернии в конце XVI - XVIII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Орел, 2009. – 246 с.
6. Проваленкова И.В. Дворянство польского происхождения в Орловской губернии в XVII – начале XVIII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Орел, 2008. – 329 с.
7. Зенченко М.Ю. Южные уезды России в конце XVI - первой четверти XVII века: Формирование административно-территориального устройства: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 2005. – 265 с.
8. Зикеев Г.И. Население Курско-Орловского края в XVII в. К истории формирования русской нации: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Л., 1963. – 207 с.
9. Карпов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI - середине XVII века: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. – 283 с.
10. Кондратьева С.К. Посадские люди юга России в XVII в.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2012. – 219 с.
11. Ляпин Д. А. Дети боярские Елецкого уезда в конце XVI - XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2006. – 265 с.
12. Меньшиков Д.Н. Смоленская война 1632-1634 гг. и начальный этап реформирования московской армии: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – СПб, 2009. – 201 с.
13. Никулов А.П. Население Старооскольского уезда в XVII - начале XVIII в.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Старый Оскол, 2006. – 226 с.

14. Пирог П.В. Черниговщина в XVII в.: Очерки социально-экономической и политической истории: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 1999. – 672 с.

15. Проторчина В.М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI – первой половине XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Л., 1948. – 286 с.

16. Скобелкин О.В. Служилые люди Воронежского края и их участие в антифеодальной борьбе во второй половине XVII в.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Воронеж, 1986. – 191 с.

17. Тимохина Е.А. Дозорные книги городов первой трети XVII в. как источник по истории средневекового города Европейской России: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 2005. – 254 с.

18. Ткаченко Н.М. Очерки по истории крестьян Левобережной Украины XVII в.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Киев, 1963. – 196 с.

Интернет-статьи и публикации

1. История г. Недрыгайлов:

<http://www.igsu.org.ua/Sumskaja.obl/Nedrigajlovskij.rajon/Nedrigajlov.html>

2. Ракитин А.С. Роспись жителей Трубчевска 1632 г.:

http://ant-rakitin.narod.ru/stati/trubchevsk_1632-publikacija.pdf

3. Ракитин А.С. Редкие сведения о ратной службе крестьян Свинского монастыря Прикладнинской волости Брянского уезда (XVII в.):

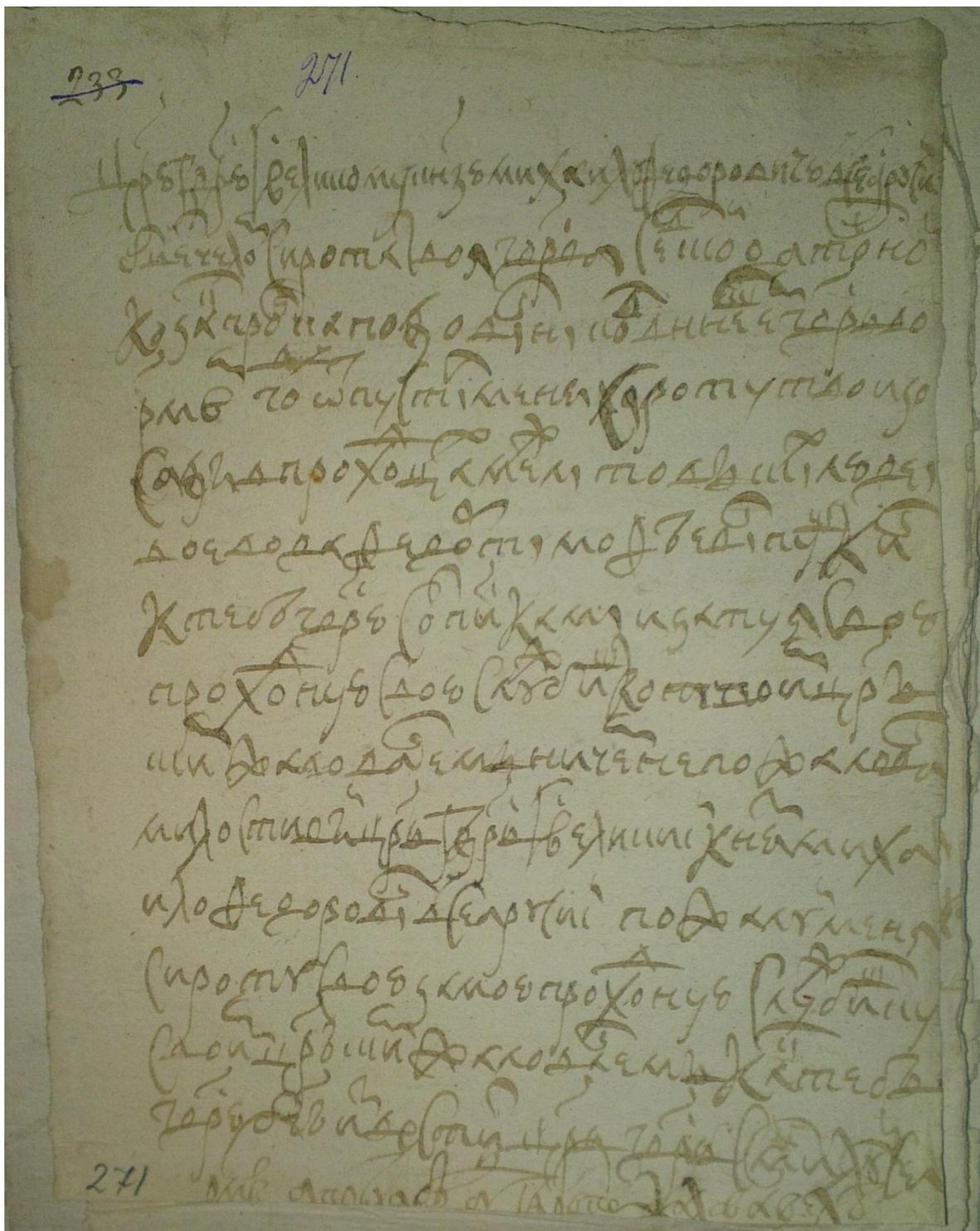
http://ant-rakitin.narod.ru/stati/redkie_svedeniya_o_ratnoj_sluzhbe_krestjan_svinsko.pdf

4. Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. – Т. I. – Глава 16: <http://diderix.petergen.com/plz-t16.htm>

Приложения

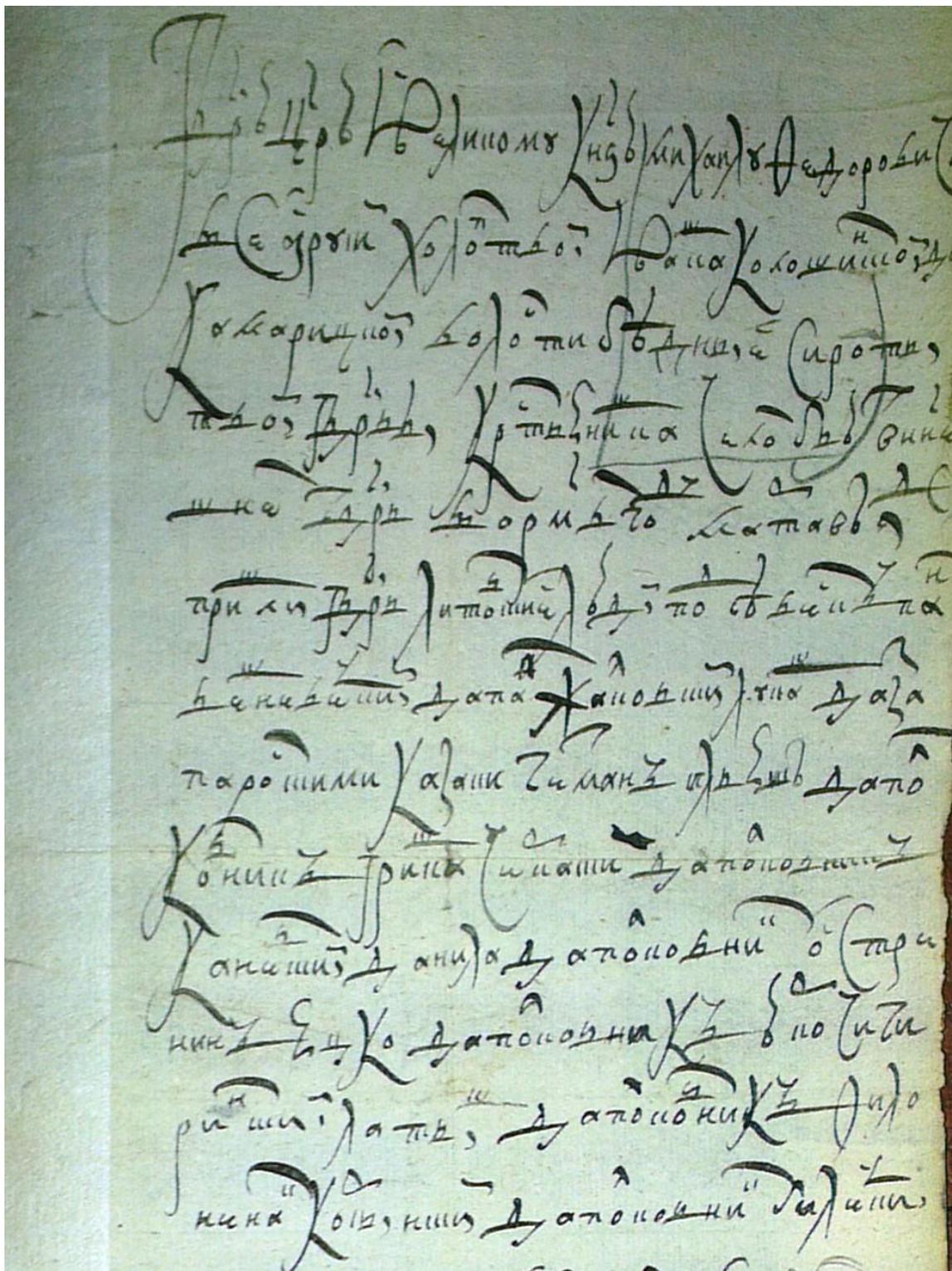
Приложение 1

Челобитная даточного казака П. Подовинникова
с прошением о даче жалования и сведениями
об осаде Севска в марте 1634 г. польско-литовским войском⁴⁶⁵

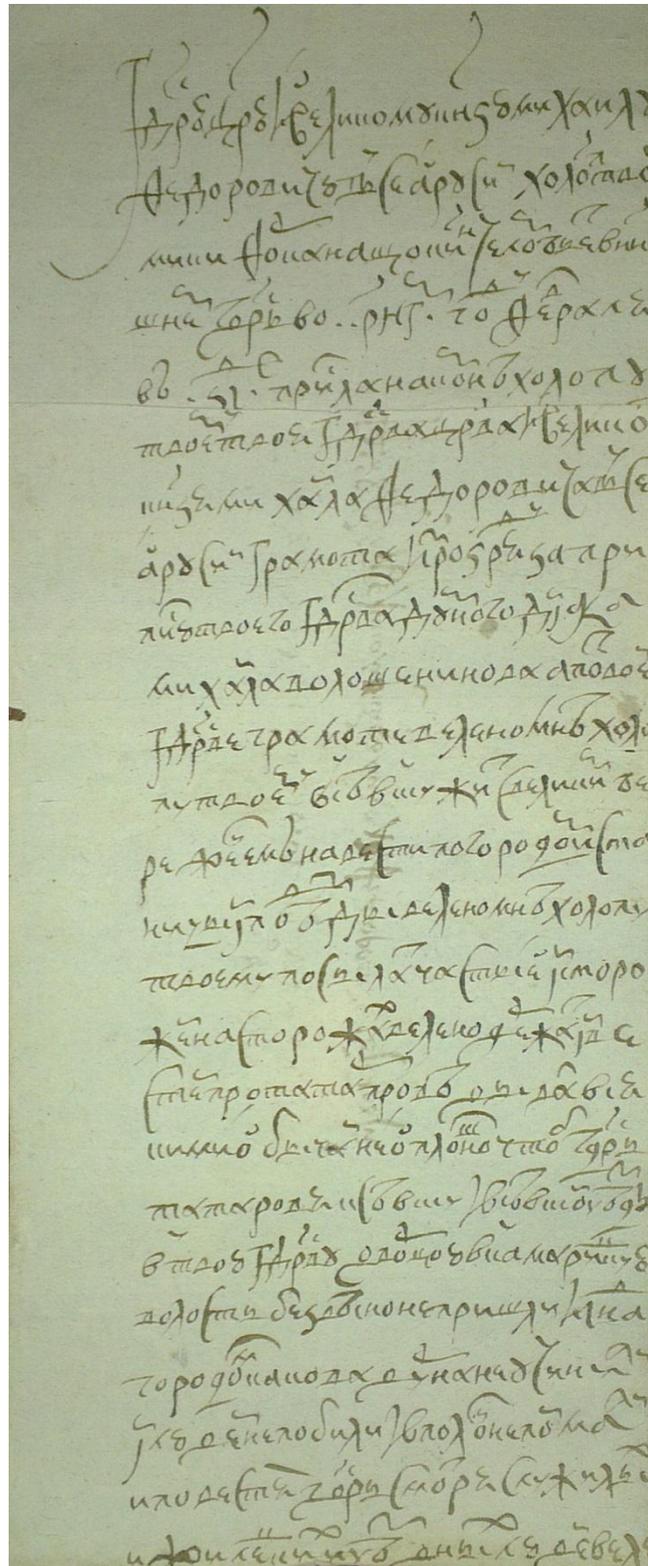
⁴⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 89. Л. 271

Челобитная головы охочих людей И. Колошинского о боях с поляками и черкасами в Комарицкой волости (1634г.)⁴⁶⁶.

⁴⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 101. Л. 131

Отписка в Разряд воеводы Никифора Нащокина об организации сторож
в окрестностях Севска (1645 г.)⁴⁶⁷.

⁴⁶⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 119. Л. 152.

Земляные валы Севской крепости XVII в. Фото автора, 2010.

Земляные валы Севской крепости XVII в. Фото автора, 2010.

Пьяновское городище⁴⁶⁹. Фото Журина Е.А., 2013.

⁴⁶⁹ Расположено в Комаричском районе Брянской области.

Пьяновское городище. Фото Журина Е.А., 2013.

Макет Севской крепости XVII в. Фото автора, 2010⁴⁷⁰.

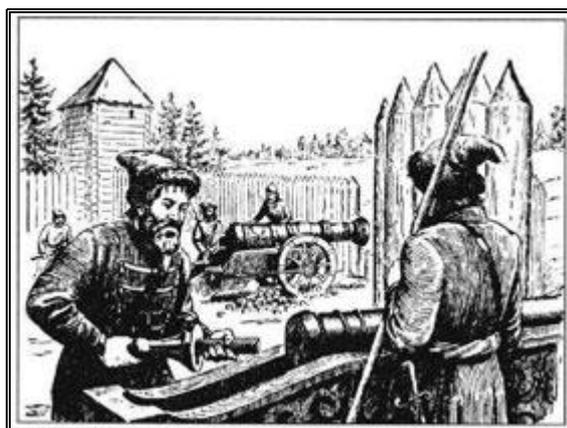

⁴⁷⁰ Севский краеведческий музей.

Русский стрелец, XVII в.

Пушкари и артиллерийское орудие, XVII в.

Реестровый конный казак. Речь Посполитая, XVII в.

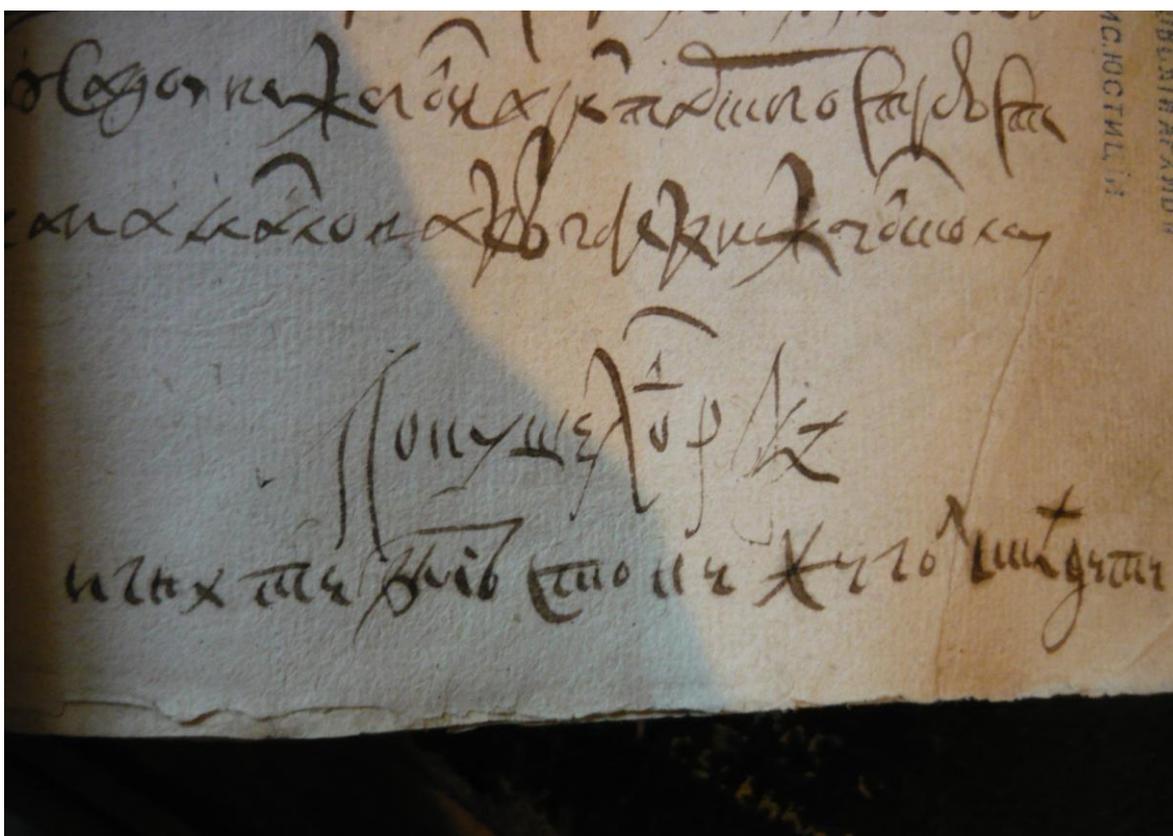
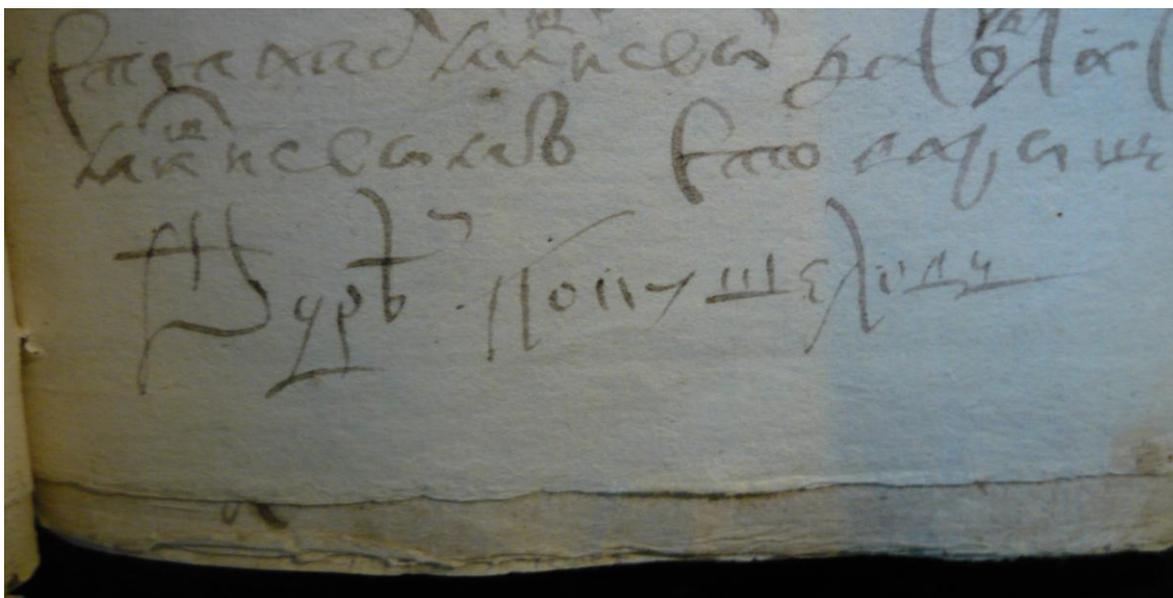
Гайдук (пехотинец) армии Речи Посполитой

Крымский татарин (лучник)

Автографы Андрея Покушелова, 1660 г.⁴⁷¹

⁴⁷¹ Фрагменты межевых книг Нежегольского уезда (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 43.).

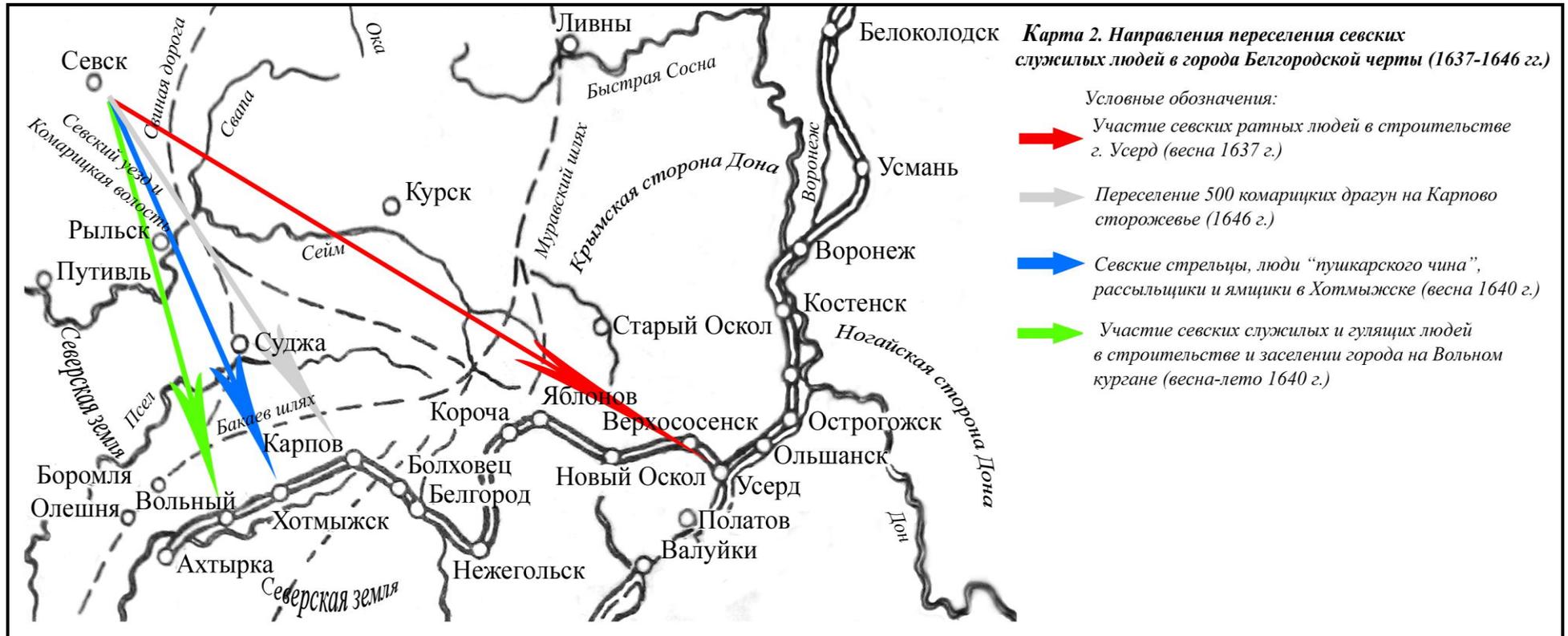

Таблица 1. Количество переведенных на «вечное житье» севских и комарицких ратных людей в города Белгородской черты, а также Бобрик (Каменный), Олешню и Чугуев.

	Усерд	Вольный	Карпов	Чугуев	Карпов	Хотмыжск	Олешня	Бобрик/Каменный
Казаки	2	5		13		17		
Стрельцы		2		20		11		
Пушкари		3				1		2
Затинщики								
Воротники								
Драгуны					500			
Дети боярские из Стародуба						1	100	
Дети боярские из Рославля								64
Рассыльщики						2		
Ямщики						2		

Всего 745 человек